Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**

Издательство Московского университета

№ 6 • 2021 • НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики

Орлова Е. И. К истории либеральной печати: газета «Русская молва» (1912–1913).....3

Борзенко В. В. Формы рекламной коммуникации российского театра с аудиторией в первой половине XIX века 21

Громова Л. П., Зайнуллин Т. Т., Зайнуллина П. И. Роль медиа в формировании образа М. И. Кутузова: к истории двух фактов.....45

Теория журналистики и СМИ

Сидорова С. Ю. «Медленная фотография»: между изображением и словом 66

Современная журналистика: тематика и проблематика

Балакина Ю. В. Политическая карикатура в зарубежных медиа.....95

Громова Т. М. Характеристики инноваций в международном медиадискурсе 116

Дискуссия

Лазутина Г. В., Панкеев И. А. Свойства журналистики как проявление закономерностей 140

Эссе

Соколова В. М., Коренева Е. В. К вопросу о взаимодействии литературы и журналистики: опыт испаноязычных стран 164

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ ЗА 2021 год.....192

CONTENTS

History of Journalism

Ekaterina I. Orlova. On the History of the Liberal Press: the Russkaya Molva Newspaper (1912–1913) 3

Viktor V. Borzenko. Forms of Advertising Communication with the Audience Adopted by Russian Theater in the First Half of the 19th Century 21

Liudmila P. Gromova, Timur T. Zainullin, Polina I. Zainullina. The Role of Media in the Formation of the Image of M. Kutuzov: to the Background of Two Facts 46

Theory of Journalism and Media

Svetlana Yu. Sidorova. Slow Photography: between the Image and the Word 66

Modern Journalism: Subjects and Issues

Julia V. Balakina. Political Cartoons in Foreign Media 95

Tamara M. Gromova. Characteristics of Innovations in International Media Discourse 116

Discussion

Galina V. Lazutina, Ivan A. Pankeev. Properties of Journalism as a Manifestation of Regularities 141

Essay

Veronika M. Sokolova, Elena V. Koreneva. Towards the Interaction between Literature and Journalism: the Experience of Spanish-Speaking Countries 165

2021 ARTICLES INDEX 196

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2021

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Орлова Екатерина Иосифовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия; e-mail: ekatorlova@yandex.ru

К ИСТОРИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ: ГАЗЕТА «РУССКАЯ МОЛВА» (1912–1913)[1]

Качественное общественно-политическое издание, рассчитанное на самую широкую просвещенную аудиторию, ежедневная независимая беспартийная газета «Русская молва» (1912–1913) до сих пор не становилась объектом внимания исследователей, хотя в ней сотрудничали А. Блок, А. Ремизов, Саша Черный, Л. Гуревич, Б. Эйхенбаум и многие другие. В течение долгого времени определяющим в отношении к газете было суждение В. И. Ленина, в 1913 г. охарактеризовавшего ее как буржуазную, псевдодемократическую и националистическую. В статье предпринимается анализ содержания и направления газеты, основанный на изучении ее публицистики, – прежде всего выступлений ее издателя Д. Протопопова. Прослеживается его судьба до и после 1917 г. Многие материалы впервые вводятся в научный оборот. Автор статьи делает вывод, что репутация газеты, сложившаяся под влиянием сугубо негативных оценок В. И. Ленина, оказывается ложной и требует пересмотра, а роль газеты в литературном процессе начала 1910-х гг. нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: *газета «Русская молва», Д. Д. Протопопов, А. В. Тыркова-Вильямс, В. И. Ленин, либерализм, оппозиция, публицистика.*

Ekaterina I. Orlova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: ekatorlova@yandex.ru

ON THE HISTORY OF THE LIBERAL PRESS: THE RUSSKAYA MOLVA NEWSPAPER (1912–1913)

A quality social and political publication designed for the broadest enlightened audience, the daily independent non-party newspaper Russkaya Molva (1912–1913) has not yet become the subject of researchers' attention, although those studying the works of A. Blok, who published 2 articles and 5 poems there, know it very well. Many other writers and literary critics also contributed to the newspaper. Among them were A. Remizov, Sasha Chorny, L. Gurevich, B. Eihenbaum and others. For a long time, the assessments given to the newspaper by V. Lenin, who claimed it as bourgeois, pseudo-

democratic and nationalistic, remained decisive. This article analyzes the content and direction of the newspaper based on the study of journalistic works, mainly of the publisher of Russkaya Molva D. Protopopov. The author concludes that the newspaper's reputation, formed under the influence of V. Lenin's purely negative assessments, turns out to be false and requires revision. The role of Russkaya Molva in literature of the early 1910s is of great interest for researchers and needs to be further investigated.

Key words: *Russian Molva newspaper, D. Protopopov, A. Tyrkova-Williams, V. Lenin, liberalism, opposition, journalism.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.320

Введение

Возникший в конце XX в. интерес к взаимосвязям литературного процесса и журналистики в начале следующего столетия заметно актуализируется. Остаются еще не исследованными как отдельные издания, так и общие проблемы изучения форм взаимодействия их с литературой. Здесь мы остановимся на ежедневной газете «Русская молва» (1912–1913).

Для историков литературы «Русская молва» – это, прежде всего, газета, в которой сотрудничали А. А. Блок, А. М. Ремизов, Саша Черный и многие другие писатели, а кроме того, критики и филологи. Для историков журналистики это газета, которую издавал Д. Д. Протопопов. Специалистам известна история краткого сотрудничества с «Русской молвой» Блока (оно закончилось конфликтом). Статью Блока «Искусство и газета» можно рассматривать как программу «идеальных» отношений художника и прессы, а историю конфликта – как пример неосуществимости идеала. Необходимо комплексное изучение изданий предреволюционной эпохи, как имманентное, так и в связях с движением литературно-эстетической мысли. Это будет способствовать дальнейшей разработке методологии исследований, касающихся форм взаимодействия журналистики и литературного процесса. Такие работы уже ведутся (см.: Политика и поэтика, 2014: 15; Холиков, Хруслова, 2021; Odessky, Spivak (ed.), 2021; Балашова, 2020: 350–351).

Репутация газеты «Русская молва»

Но сначала необходимо понять, что из себя представляла сама газета. Исследований, посвященных ей, до сих пор не было. Неизвестно (во всяком случае, пока), сохранился ли архив «Русской мол-

вы». Д. Е. Максимов в примечаниях к Собранию сочинений Блока, выходившему в 1960-е гг., характеризует ее как «либеральную, буржуазно-националистическую газету» (Максимов, Шабельская, 1962: 763). Советская историческая энциклопедия называет «Русскую молву» «буржуазной газетой, органом “прогрессистов” и правых кадетов»[2], ссылаясь на ленинскую характеристику 1913 г. В статье «Возрастающее несоответствие. Заметки публициста» Ленин писал: «Взгляните на “Русскую Молву”. Этот орган прогрессистов, орган проповеди компромисса между октябристами и к.-д., подбирает к себе все больше официальных членов к.-д. партии <...> Что подобная публика тянула к большему сближению с октябристами, это несомненно. Это не могло быть иначе. Но так же несомненно, что Милюков мирит их с “левыми к.-д.” на платформе с демократической вывеской и с октябристской сутью» (1968: 383). Ленину же принадлежит и оценка газеты как националистической, либеральной и буржуазной. Для Ленина, нетерпимого даже к инакомыслящим социал-демократам, единственная в Думе несоциалистическая Партия народной свободы – несомненно вражеская, а путь реформ, путь конституционной работы – совершенно неприемлем. Известно, каким исключительно негативным ореолом надолго было окрашено Лениным само понятие либерализма. Неслучайным кажется такой эпизод, произошедший задолго до интересующих нас событий. В 1904 г. Ариадна Владимировна Тыркова (1869–1962), в будущем член ЦК Конституционно-демократической партии, а тогда – участница нелегального Союза освобождения, была арестована за провоз в Россию издаваемого П. Б. Струве за границей и запрещенного в России журнала «Освобождение». Ее спутника, приват-доцента Петербургского университета Е. В. Аничкова, оставили в тюрьме, а Тыркову ввиду ее нездоровья до суда отпустили домой. Она скрылась за границу и так оказалась в Женеве, где в это же время и тоже на нелегальном положении жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская – гимназическая подруга Тырковой. Так Тыркова оказалась в гостях у четы Ульяновых. Впоследствии она вспоминала, что Ленин по просьбе жены – Тыркова не знала города – пошел проводить ее до трамвайной остановки:

«Дорогой он стал дразнить меня моим либерализмом, моей буржуазностью. Я в долгу не осталась, напала на марксистов за их непонимание человеческой природы, за их аракчеевское желание загнать всех в казарму <...> мои слова его задевали, злили <...> В глазах замелькало острое, недоброе выражение.

<...> я еще задорнее стала дразнить Надиного мужа <...> А он, когда трамвай уже показался, неожиданно дернул головой и, глядя мне прямо в глаза, с кривой усмешкой сказал:

– Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать.

Я засмеялась. Тогда это звучало как нелепая шутка.

– Нет. Я вам в руки не дамся.

– Это мы посмотрим.

На этом мы расстались»[3].

Прокомментируем приведенный эпизод с точки зрения читателя 2020-х гг. Тыркова и Ленин – люди одного круга. Ленин знаком со старшим братом Тырковой Аркадием Владимировичем по ссылке в Сибири, где дворянин Тырков оказался, как и Ленин, за антиправительственную деятельность. В описываемый вечер Тыркова – гостья Ульяновых. Хозяин дома исполняет долг вежливости, пусть и по просьбе своей жены, – провожает даму. А заканчивается вечер тем, что новый знакомый и муж любимой подруги собирается повесить ее на фонаре, хотя бы и фигурально. Ленину могло быть не известно, что Тыркова вела жизнь отнюдь не барскую. Разведясь с мужем, она растила двоих детей, зарабатывала на жизнь литературным и журналистским трудом, участвовала в освободительном движении. Добавим к этому, что и Тыркова, и Ленин находятся в Швейцарии на нелегальном положении. Оба чают перемен для России, но по-разному представляют себе степень или формы этих перемен. Объясняется ли острота спора общим желанием блага родине – но это должно было бы объединить собеседников – или личным темпераментом спорящих, особенно спорящего? Впрочем, кажется, этот вопрос скорее риторический, во всяком случае выводящий за пределы истории журналистики и истории литературы. Но он представляется полезным для того, чтобы судить о степени оценочного, а значит, субъективного начала в более поздней характеристике, данной Лениным «Русской молве», как и вообще в его отношении к либерализму. Мемуары же Тырковой, написанные после Второй мировой войны, и другие материалы из ее архива, ныне опубликованные, известны историографам и высоко ценятся как важный вклад в историю общественно-политического, освободительного движения в России начала XX в., интерес к ним в последние годы актуализируется (см.: Канищева, 2012: 3–33).

Мы отнюдь не приписываем деятелям начала XX в. современных понятий оппозиционности, либерализма. Давать им определения здесь тоже не представляется целесообразным, как и прослежи-

вать их эволюцию, – это другая тема. Но, как и предполагает культурно-исторический метод, рассматривая интересующий нас предмет в социокультурном контексте своей эпохи, мы в то же время интерпретируем его с точки зрения современности.

Между тем если отвлечься от всех негативных, снижающих коннотаций, на протяжении многих десятилетий окружавших по воле Ленина понятие либерального, то назвать «Русскую молву» газетой буржуазно-либеральной, вероятно, можно. Но тогда под буржуазностью здесь надо понимать лишь то, что Партия народной свободы была единственной несоциалистической партией в русском парламенте – в Госдуме. Поэтому только прямой бинарностью мышления можно объяснить логику: несоциалистический – значит непременно буржуазный. Как мы увидим, в эти определения не вмещается все богатство оттенков оппозиционной мысли в России начала XX в.

Общая характеристика газеты

«Русская молва» создавалась как газета прогрессивная, беспартийная и независимая, что неоднократно подчеркивалось на ее первой полосе: эти слова часто бывали помещены под заголовком газеты, в том числе, например, в объявлениях о подписке. Издававшаяся в Петербурге, «Русская молва» была рассчитана на самую широкую просвещенную аудиторию: в одном из номеров была информация о том, что газета поступает в открытую продажу во все газетные киоски в городах, на железнодорожных станциях, на пристанях и т. д. Газета призывала читателей в том случае, если она почему-либо не поступает в киоск, обращаться в редакцию с информацией о том, где именно ее невозможно купить. Помимо России, газету можно было приобретать или выписывать в странах Западной Европы, о чем сообщалось, в частности, в номере от 23 мая 1913 г. (№ 159. С. 1) Таким образом, даже не зная точно, каков был тираж газеты, мы можем уверенно утверждать, что распространялась она по всей России и даже за ее пределами. Первый номер «Русской молвы» вышел 9 декабря 1912 г., последний – 20 августа 1913 г. Комплект газеты насчитывает 247 номеров большого формата. Единственным днем, когда «Русская молва» не вышла, было 26 декабря 1912 г. – выходной день после Рождества Христова. Печаталась «Русская молва» на 8, иногда на 6 полосах, летом 1913 г. – на 4. Оформлением она в целом не отличалась от других ежеднев-

ных изданий. Только сатирический раздел «Свисток», который непременно содержал авторские шаржи, карикатуры и т. п., всегда был отбит на полосе двойной чертой и имел постоянную «шапку» – шаржированный рисунок: журналист-сатирик своим свистом создает ветер, пугающий обывателя и сдувающий с него шляпу. Рисунок, впрочем, мы бы не назвали большой художественной удачей: график (имя его нам не известно) не учел, что сатирической деформации подвергся и образ журналиста. Гусиное перо за ухом однозначно указывало на его профессию, но раздутые щеки и вытянутые в свисте губы придавали ему сниженный, комический вид. Мы не знаем, кто отвечал за оформление «Свистка», но карикатуры на злобу дня там печатали Н. Радлов, С. Радаков – и сейчас хорошо известные художники. Кстати, само название «Свисток» должно было напомнить читателям добролюбовское приложение 1859–1863 гг. к журналу «Современник». Если наша догадка о преемственности верна, то это веский аргумент в пользу демократической и оппозиционной направленности «Русской молвы».

Изредка газета помещала фотографии – например, к материалу об условиях быта донецких шахтеров (корреспондент с возмущением писал об антисанитарных условиях их жизни): на снимке можно видеть, что рабочая одежда сушится над печкой, на которой готовится еда; здесь же за примитивным столом сидят дожидающиеся ужина усталые люди. Другой пример: после нападения душевнобольного на картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван» газета опубликовала не только материалы российской и зарубежной прессы, но и фотографию порезанной ножом картины. Кстати, заметка Б. М. Эйхенбаума об этом событии в номере от 20 января 1913 г. – единственное известное нам публицистическое выступление выдающегося филолога в начале 1910-х гг.

Итак, мы можем охарактеризовать «Русскую молву» как общественно-политическое и просветительское либеральное издание, публиковавшее не только статьи об искусстве, русском и зарубежном, но и рецензии и библиографические бюллетени, отражавшие разные области знания.

Personalia и публицистика

История создания газеты до сих пор не написана. В единственно доступных нам документах РГИА она представлена крайне скупо. Однако, как известно историкам журналистики, более важны-

ми являются сведения не о тираже или коммерческом успехе издания, а о составе редакции и ближайшем круге авторов, а самое главное – о содержательной стороне дела.

Некоторые факты, связанные с историей газеты, все же известны, хотя порой и противоречивы. Четыре главных источника, находящиеся в нашем распоряжении, – это официальные документы, воспоминания, переписка и комплект газеты. Документов известно не много. Это, в частности, прошение в адрес Министерства торговли и промышленности о создании товарищества на паях «Русская молва», сообщение, адресованное министру торговли и промышленности, о том, что со стороны МВД препятствий к утверждению товарищества не имеется, и др.[4] Однако в документе отсутствует дата начала дела (вероятно, ею надо считать 7 января 1913 г., когда издатель обращается в министерство за разрешением учредить товарищество). Окончание дела датируется тем же 1913 годом. Загадкой до сих пор остается и то, что высочайшее разрешение на открытие «Русской молвы» было получено лишь 28 апреля 1913 г.[5] – первый же номер газеты вышел еще 9 декабря 1912 г.

Гораздо больше в данном случае, когда официальные документы проверены нами быть не могут, дают для исследователя воспоминания Вл. Пяста (В. А. Пестовского), А. Г. Бормана (сына Тырковой) и, конечно, в первую очередь – само содержание газеты. Материалы эти служат основным корпусом документов и существенно пополняют наши знания, в ряде случае подтверждают либо опровергают суждения мемуаристов. Эпистолярий (во всяком случае, известный нам сейчас) крайне скуден. Например, имеется всего 2 письма Тырковой к Блоку. Почти нет внутриредакционной переписки – или она пока не обнаружена. Не вполне ясна роль Тырковой в газете, точнее – ее официальное место в составе редколлегии.

Издателем «Русской молвы» был Дмитрий Дмитриевич Протопопов (1865–1934) на всем протяжении существования газеты. Редакторы менялись: это поочередно были Л. И. Лушников (соиздатель), Л. А. Велихов, А. А. Стахович, С. А. Адрианов, снова Лушников. Борман пишет и о своей матери как о редакторе газеты, именно так ее воспринимают все, кто имеет хоть сколько-нибудь близкое отношение к работе редакции. К 1912 г. она уже известна как писатель, журналист, публицист, пишущий под псевдонимом А. Вергежский. Ее имя, причем с расшифровкой

псевдонима, значится в каждом номере, где сообщается о том, кто сотрудничает в газете. (Псевдоним «Вергежский» произошел от названия местности, где было имение Тырковых, Вергежа в Новгородской губернии на реке Волхове.) Вероятно, впервые Тыркова публично раскрывает свой псевдоним. В том же 1913 г. она убеждает некоторых других авторов (например, М. О. Гершензона) сделать то же самое. Газета на всем протяжении своей истории помещала объявления о том, что в ближайшем сотрудничестве с «Русской молвой» находятся С. Н. Булгаков, А. А. Блок, П. П. Гронский, Любовь Гуревич (так. – *Е.О.*), С. А. Котляревский, В. А. Маклаков, М. М. Ковалевский, А. М. Ремизов, С. Ф. Ольденбург, Борис Садовской (так. – *Е.О.*), А. А. Стахович, П. Б. Струве, А. А. Шахматов, С. П. Франк и др. Мы видим, что в газете сотрудничали крупные писатели, общественные деятели, ученые разных специальностей, и список этот далеко не полон. Театральным отделом «Русской молвы» заведовала Л. Я. Гуревич, известный театровед и литературный критик, тогда (1912–1914) уже курировавшая отделы беллетристики и критики в журнале «Русская мысль», автор книги «Литература и эстетика», а в прошлом – владелица и издатель журнала «Северный вестник» (1891–1898). Таким образом, для филологов и историков журналистики в наше время нет нужды пояснять, что Гуревич является одной из ключевых фигур в литературной жизни начала XX в. По всей вероятности, она же привлекла к активному сотрудничеству в «Русской молве» Эйхенбаума, тогда недавнего выпускника Петербургского университета, а впоследствии всемирно известного ученого, одного из крупнейших филологов XX столетия. Тыркова же пригласила для организации литературного и критического отделов Ремизова и Блока, сделала ведущей фигурой экономического отдела Струве, привлекла и многих других. Таким образом, во многом благодаря Тырковой вокруг газеты группировался цвет петербургской либеральной интеллигенции. Мемуарист сообщает, что Тыркова же формировала круг авторов «от Пекина и Токио до Парижа и Берлина, которые могли бы посылать корреспонденции в газету» (Борман, 1964: 103).

О Д. Д. Протопопове[6] известно, что, дворянин, обладатель земель и владелец суконной фабрики в Симбирской губернии, он дважды становился неугодным царскому правительству. В 1895–1899 гг. он находился под гласным надзором полиции, был выслан в Финляндию на 3 года за политическую пропаганду среди кре-

стьян. Живя в Финляндии, написал о ней несколько статей для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Был избран в I Госдуму, затем за подписание «Выборгского воззвания» против роспуска Думы в 1906 г. был приговорен к 3 месяцам тюрьмы и лишен права быть избранным. Член Союза освобождения, а потом Партии народной свободы, он входил в ее ЦК.

Дважды арестовывали Протопопова и при советской власти – в 1919 и в 1930 г. В 1919 г. за него и других незаменимых для страны людей ходатайствовал перед Лениным М. Горький (известен крайне резкий ответ Ленина на слова Горького о людях, подобных Протопопову, как бесценных работниках и «мозге» нации). После 1930 г. Протопопов пребывал то в тюрьме, то в ссылке, затем получил разрешение жить в Ленинграде, но, как предполагают, в 1934 г. был снова арестован и погиб в заключении.

Юрист, предприниматель, Протопопов был и прирожденным журналистом. Он издавал журналы «Земское дело» и «Городское дело» и в 1912 г. с энтузиазмом включился в создание новой газеты, где выступал и как публицист.

Уже в первом номере «Русской молвы» была помещена программная статья Протопопова, в которой он объясняет свою позицию как издателя и излагает платформу газеты, причем уже здесь проявляется его публицистический стиль. По Протопопову, издание газеты – «...это не плод случайного увлечения нескольких лиц <...> нас, небольшой кружок единомышленников <...> ведет за собой ожидание великих перемен, совершающихся в нашей родине. *Далеко отошли былые дни освободительного подъема, но подходит конец и сменившим их годам уныния и унижения. Даже эти тяжелые годы недаром и не бездеятельно пережиты нашей родиной. В горьких муках рождался опыт. Свежие, расширяющие горизонт, мысли копились и копятся в глубине народной души. Дать возможность им проявиться и оформиться, дать исход и выражение всему смелому и правдивому – вот задача, вдохновляющая нас* (курсив наш. – *Е.О.*).

Мы у порога третьей полосы нашей жизни, синтеза двух предшествующих. Еще сильны старые предрассудки, мысль еще в плену у отживших лозунгов, но что-то новое мощно уже вторгается в жизнь. Это новое теперь требует совершенно нового отношения к вопросам государственным, общественным, экономическим; оно требует подъема народного духа во имя защиты и укрепления родины, требует забвения старых счетов и готовности к жертвам.

Прямой долг тех, кто верит в наступление нового периода, кто сознает необходимость внутреннего преображения России во имя ее мощи и счастья, кто верит в то, что судьбы России находятся в руках русского общества, еще не сознавшего своих сил, – прямой их долг громко заговорить об этом. Надо разбить уныние, превратившееся в один из канонов русского интеллигента.

Это, конечно, сделать не легко. Но мы уверены, что в этом трудном деле мы не останемся одни. И эта уверенность даст нам и силу, и право ввести еще одного бойца в тесные ряды русской оппозиционной печати»[7].

Можно ли назвать это выступление буржуазным и/или либеральным? Буржуазным, конечно, нет. Либеральным, конечно, да: в лучшем смысле этого понятия. Свободолюбие, независимость, гражданское чувство и стремление к консолидации прогрессивных сил в российском обществе, вера в необходимость формировать общественное мнение в России явственно движут авторским словом. И не случайно, как мы понимаем теперь, зная биографию Протопопова, он говорит о готовности к жертвам.

Нет сомнения, что газета была оппозиционной по отношению к правительству.

Все же проясним ее позицию. Для этого приведем противоположные точки зрения двух мемуаристов – Вл. Пяста и Бормана.

Пяст приглашен был к сотрудничеству, по-видимому, той же Тырковой, вероятно ценившей независимое положение Пяста в литературе. В своей книге 1929 г. «Встречи» он пишет: «... участвовал было в нескольких редакционных собраниях "Русской молвы" (о чем см. в дневниках Блока), – но там мне очень не понравился империалистический душок; я выступил на политическом собрании редакции с довольно резкой речью, неожиданной для всех, так как меня ведь приглашали только в литературно-художественный отдел, – затем – предложил А. В. Тырковой статью о Стриндберге. Как и следовало ожидать, редакторша оказалась противницей этого писателя, зло высмеявшего (буржуазное) женское движение, – в помещении фельетона мне отказала; я потом напечатал его в "Дне" (т. е. в газете «День». – *Е.О.*) . В "Русскую молву" ничего больше не предлагал, находя для себя неподходящим все направление этой газеты» (1997: 148).

К суждению Пяста следует отнестись внимательно: участник литературного процесса начала XX в., он известен как один из наиболее ценных, т. е. авторитетных мемуаристов, что очевидно для

историков литературы и журналистики начала XX в. Его книга «Встречи», впервые вышедшая в 1929 г., а в конце XX в. переизданная с подробными комментариями Р. Д. Тименчика, хорошо известна исследователям. Но в данном случае знакомство с содержанием газеты не дает никаких подтверждений правоты Пяста. Об империалистическом душке или духе не говорят ни жизнь, ни творчество Тырковой либо Протопопова, как и других сотрудников газеты. Не говорит об этом и содержание «Русской молвы». Но понятно, что Тыркова, чьей главной темой был женский вопрос, детские судьбы, образование (в том числе женское), отказалась поместить статью о Стриндберге. Не потому ли дальнейшее сотрудничество в «Русской молве» претило Пясту? «Одно из открытий гештальтпсихологии гласит, что усилия, не увенчавшиеся результатом, запоминаются лучше, чем реализовавшиеся» (Тименчик, 1992: 183), – это суждение авторитетнейшего современного исследователя, высказанное совсем по другому поводу, может, как нам представляется, многое объяснить в приведенном фрагменте воспоминаний Пяста.

К тому же как для большинства русского общества кадетская партия в начале 1910-х гг. казалась недостаточно радикальной, так и позиция «Русской молвы» (повторимся: беспартийной) могла быть воспринята тем же Пястом как чуть ли не консервативная. Мы бы назвали ее умеренно оппозиционной.

Несколько проясняет позицию газеты Борман. В его воспоминаниях, написанных в 1960-е гг., уже немолодым человеком, после смерти матери, есть очень точное, на наш взгляд, определение – «политическая психология». Вот как он ее характеризует:

«Осенью 1912 года в Петербурге возникла большая ежедневная газета “Русская Молва”. Финансовую сторону устроил приятель мамы Дмитрий Дмитриевич Протопопов <...> Протопопов был человек живой и активный. Его, как и многих других, не удовлетворяла доктринерски оппозиционная позиция, занятая газетой “Речь”. Он сам был человек богатый, но к газете привлек московских крупных промышленников. Издатели газеты сразу предложили маме пост редактора. В истории русской журналистики это был, кажется, первый случай, когда редактором ежедневной столичной газеты становилась женщина. По своему направлению, или, вернее, по политической психологии, газета занимала позицию правее кадетов. Кадетская партия до самой революции в основе своей была партией оппозиционной. Ее руководители счи-

тали, что все исходящее от правительства плохо и заслуживает порицания a priori. Руководители же новой газеты находили неправильной эту точку зрения огульного отрицания всего, что делает правительство. – Россия наша, и мы за все русское отвечаем все вместе и все вместе гордимся всем положительным, что у нас есть, и горюем о наших недостатках, – рассуждали они. В известном смысле "Русская молва" стремилась проводить точку зрения, несколько лет перед тем провозглашенную Милюковым, который говорил, что либералы должны быть оппозицией Его Величества, как это бывает с оппозиционной партией в Англии, а не оппозицией против Его Величества. Однако, провозгласив этот принцип, Милюков в своих действия отошел от него и исказил английское значение оппозиции»[8].

Итак, позиция «Русской молвы», как она сложилась к 1913 г., была – еще раз подчеркнем это – более умеренной в сравнении с позицией левого и даже правого крыла кадетов, хотя продолжала оставаться, как и вначале, вне партий. Но, как мы видели, Ленин отмечает не это, а некоторое «поправение» милюковской фракции, хотя разногласия между членами партии кадетов были гораздо менее острыми и непримиримыми, чем те, что наблюдались в социал-демократической партии. И Протопопов, и Тыркова (к тому времени Тыркова-Вильямс) – оба были членами ЦК Партии народной свободы, что не мешало им основать независимую газету. Борман вспоминает: «Мама не просто занимает редакторское место, а очень активно направляет газету»[9]. В то же время, как уже было сказано выше, ее имя ни разу не появляется в газете в качестве редактора. Хотя именно она во многом формирует работу редакции, заказывает авторам статьи, редактирует их.

Все же полного единства взглядов, видимо, не было и внутри редакции. Борман с неудовольствием пишет о политической позиции редактора, приват-доцента Петербургского университета С. А. Адрианова, и технического персонала «Русской молвы», – по Борману, их не устраивала достаточно умеренная оппозиционность газеты. Мемуарист вспоминает инцидент, возникший было в партии из-за начала выхода «Русской молвы». «Издателей новой газеты не смущало, что мама была членом центрального комитета кадетской партии, они знали ее настроения. Но когда газета появилась и сразу выявилась ее позиция, то некоторые лидеры центрального комитета подняли кампанию против мамы. Ее руководящее участие в "Русской Молве" обсуждалось несколько раз в ЦК, и поднимал-

ся даже вопрос об ее удалении из него. Маме пришлось отстаивать свое право быть редактором независимой газеты. Она ссылалась на то, что признанный лидер партии Милюков занимает редакторское положение в газете "Речь", которая не является официальным органом партии. Потом эта кампания некоторых видных кадетов против мамы как-то заглохла»[10].

Как видим, беспартийная газета поначалу вызывала вопросы и даже недовольство в руководстве Партии народной свободы. Это было вообще новое явление для России. Если же говорить о позиции «Русской молвы», то она в полной мере оправдывает себя как газета оппозиционная. Протопопов формулирует это в своих публицистических выступлениях вполне осознанно и открыто. Тем не менее он призывает общество и власть к единению на основе разумного компромисса. Здесь нет противоречия, и это не должно нас удивлять. Будучи оппозиционно настроенным в отношении правительства, Протопопов все же считал, что обеим сторонам следует стремиться не к противостоянию в обществе, а к согласию. Так, по частному случаю (верховная власть может не утвердить на пост московского городского головы кн. Львова, нежелательного для Петербурга, т. е. для правительства) Протопопов пытается предостеречь власть от неверного шага. Он пишет:

«Представителей власти по-прежнему "мнози борют страсти". Они, по-видимому, не могут взглянуть на вопрос просто. Они не хотят признавать, что нормальный государственный порядок держится прежде всего на *компромиссе* между обществом и властью, что все дело – в ряде взаимных разумных уступок, которые никогда не должны рассматриваться с точки зрения одного престижа власти (курсив автора. – *Е.О.*).

Почти инстинктивно стремится теперь часть русского общества к тому, чтобы найти хоть какую-нибудь точку для соглашения с теперешними носителями власти, – только для того, чтобы вывести страну из невозможного состояния.

Но этого настроения роковым образом не хотят или не могут понять те, кто должны понимать больше, чем рядовые граждане, кто должны дальше, чем они, заглядывать в будущее.

<...> Обществу нужны не слова, а поступки»[11].

Как видим, по мнению публициста, компромисс необходим с обеих сторон; это нужно для того, чтобы достичь равновесия в обществе. Но к власти Протопопов предъявляет более высокие

требования, чем к обществу. Главное для автора статьи сейчас – не допустить противостояния этих сил.

Вероятно, это и есть «политическая психология» либерализма: свобода в рамках законности, общая ответственность при большей ее доле со стороны «верхов».

Конечно, все это было очень далеко и от социализма, и особенно от его экстремального варианта – левой социал-демократии. Но для правительства и этой весьма умеренной оппозиционности было достаточно. (Известно, например, что однокурсник Блока по историко-филологическому факультету Н. В. Недоброво по окончании университета в 1906 г. не мог устроиться на работу в Государственную думу именно из-за своей принадлежности к кадетской партии, и только благодаря связям известного в Петербурге адвоката, чей сын Б. В. Анреп был другом Недоброво, он был принят в Думу.)

К тому же, «Русская молва» считала, что публицистика не только может, но и должна быть беспартийной. Об этом писал анонимный автор (в газете вообще довольно много статей без подписи – вероятно, такие материалы мыслились как выражение общей платформы газеты):

«Для *публицистики* партийность только тормоз (курсив автора. – *Е.О.*) <...> Ошибками может быть заражена и внепартийная политическая мысль. Но ей легче перестроиться. Она свободна от балласта связанных с определенным историческим моментом программных лозунгов. Над ней не тяготеет запрещающая подавать свой личный голос дисциплина. Политическая индивидуальность свободней развивается и процветает в условиях беспартийности»[12].

Конечно, это прямо противоположно тому, на чем настаивал Ленин в своей давней статье, с которой полемизировал еще В. Брюсов, – «Партийная организация и партийная литература». Другое дело, что в 1912 г. автор статьи в «Русской молве» уже не помнил или вовсе не знал об этом. Но понятно, что и в отношении беспартийной публицистики позиция газеты была Ленину абсолютно чужда.

Теперь рассмотрим вопрос, можно ли считать «Русскую молву» газетой националистической, как об этом, повторяя Ленина, писали на протяжении многих десятилетий.

Эта аттестация в корне противоречит тому, как высказывалась на тему национальной политики газета на протяжении всей своей недолгой истории. По мере того как в мире и в самой России нараста-

ла напряженность, бодрый тон, поначалу характерный для «Русской молвы», не то чтобы спадает, но в газете начинают звучать все более тревожные ноты. Она отнюдь не замалчивает назревавшие в стране проблемы. Что же касается национального вопроса, газета занимает позицию однозначно прогрессивную. В июле 1913 г. редакция посвящает почти полную полосу 60-летию В. Г. Короленко. В другом номере помещает отклик на недавнюю статью, в которой он вновь выступает против национализма. А еще раньше, в декабре 1912 г., М. Славинский с негодованием пишет о польском антисемитизме. Позиция «Русской молвы» такова:

«Для русского прогрессивного общества и русские поляки, и польские евреи не “граждане второго сорта”, а просто русские граждане. И если поляки по отношению к евреям решили обратиться к политике Победоносцева, говорившего о том, что еврейского вопроса не существует, так как 1/3 евреев эмигрирует, 1/3 умрет от голода, а последняя 1/3 будет уничтожена,– то русскому прогрессивному обществу с поляками не по пути»[13].

Итак, и характеристика газеты «Русская молва» как издания националистического не может быть подтверждена.

Выводы

Мы видим, что корпус материалов самого печатного издания может служить главным документальным источником, особенно в случае недоступности или отсутствия официальных документов либо невозможности их верификации.

Газета «Русская молва» представляет несомненный интерес как для историков журналистики, так и для филологов. Даже при существующей неполноте источников с очевидностью выявляется ее демократическая и оппозиционная направленность, – это показывает в первую очередь анализ публицистики газеты. Он должен быть продолжен.

Необходимо изучение материалов, посвященных культуре, искусству и прежде всего литературе – как она была представлена на страницах «Русской молвы». Это позволит судить о роли печати как фактора литературного процесса начала XX в., во многом его определяющего и организующего.

Характеристики «Русской молвы» как буржуазной, националистической, псевдодемократической оказываются в корне неверными и требуют пересмотра. Необходимо откорректировать встре-

чающиеся до нашего времени даже в академических изданиях неточности в определении и аттестации газеты[14].

Репутации писателей, произведений, печатных органов (в более позднее время – органов СМИ), как известно, бывают истинными и ложными. Часто это выясняется только по прошествии времени. «Русская молва» являет собой именно второй случай.

Примечания

[1] Статья подготовлена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00003).

[2] Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976.

[3] *Тыркова-Вильямс А.* Из книги «То, чего никогда не будет» // Малознакомый Ленин: [сборник] / сост. *Ст. Сергеев*. СПб.: ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2016. (Серия «Русские мемуары»). С. 30–32.

[4] РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1824. Л. 1.

[5] Там же. Л. 39.

[6] Сведения о нем см.: Электронная Библиотека «Научное Наследие России» (e-heritage.ru) (дата обращения: 8.05.2021). Ценная статья содержит некоторые неточности: например, не упомянут издаваемый Протопоповым журнал «Городское дело»; по другим сведениям (Борман), Протопопов не финансировал сам газету «Русская молва», но привлек к ее изданию инвесторов.

[7] *Протопопов Д.* Зачем новая газета? // Русская молва. 1912. № 1. Дек., 9. С. 3.

[8] *Борман А.* А. В. Тыркова по письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 99–100. Многочисленные орфографические ошибки и описки автора, покинувшего Россию еще в юности, исправляются нами и специально не обговариваются.

[9] Там же. С. 103.

[10] Там же. С. 99.

[11] *Протопопов Д.* Как быть Москве? // Русская молва. 1913. № 52. Фев., 1. С. 2

[12] [Б.п.] Беспартийность // Русская молва. 2012. № 1. Дек., 20. С. 4.

[13] *Славинский М.* О польском антисемитизме // Русская молва. 2012. № 15. Дек., 23. С.3.

[14] Ср: «”Русская молва” – орган “прогрессистов” и правых кадетов, редактор-издатель А. В. Тыркова» // *Блок А. А.* ПСС. Т. 8. М.: Наука, 2010. С. 559.

Библиография

Балашова Ю. Б. Филологическая методология истории журналистики // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. Материалы Международной научно-практической конференции. Т. 1. М.: Фак. журн. МГУ, 2020.

Борман А. А. В. Тыркова по письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964.

Канищева Н. И. Предисловие // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / Научное издание. М.: РОССПЭН, 2012.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 22. М.: Изд-во политической литературы, 1968.

Максимов Д. Е., Шабельская Г. А. [Примечания] // Блок А. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 5 / подг. текста и прим. *Д. Е. Максимова и Г. А. Шабельской*. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1962.

Политика и поэтика. Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014.

Пяст Вл. Встречи / сост., вст. ст., науч. подг. текста, коммент. *Р. Д. Тименчика*. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

Тименчик Р. Д. Н. В. Н. // Шестые Тыняновские чтения: тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992.

Холиков А. А., Хруслова В. Г. Поэзия революционного народничества. От эдиционной практики к изучению форм взаимодействия литературы и журналистики // Вопросы литературы. 2021. № 3. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-3-178-209

Odessky M., Spivak M. (ed.) (2021) Russian Newspaper Strategies and Practises of the First Half of the 20th Century. *Russian Literature*. 2021. 120–121. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2021.05.004

Notes

[B.p.] Bespartiynost‘ [Nonpartisanship] (2012) *Russkaya molva* 1, 20 December: 4.

Borman A. (1964) *A. V. Tyrkova po pis’mam i vospominaniyam syna* [A. V. Tyrkova in Letters and Her Son’s Recollections]. Louvain; Washington. Pp. 99–100.

Protopopov D. (1912) Zachem Novaya Gazeta? [What for Novaya Gazeta?]. *Russkaya Molva* 1, 9 December.

Protopopov D. (1913) Kak byt Moskve? [What is Moscow to Do?]. *Russkaya Molva* 52, 1 February.

RGIA. F. 23. Op. 12. D. 1824. L. 1 [Russian State Historical Archive. Fund 23. Inv. 12. File 1824. Sh. 1].

Slavinsky M. (2012) O polskom antisemitizme [On Polish Antisemitism]. *Russkaya Molva* 15, 23 December. (In Russian)

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet Historical Encyclopedia] (1961–1976) Moscow: State Scholarly Publishing House «Sovetskaya Entsiklopediya».

Sr: «“Russkaya molva” – organ “progressistov” i pravykh kadetov, redaktor-izdatel‘ A. V. Tyrkova» [Compare: «Russkaya Molva Is the Paper of the Progressists and the Right-Wing K-Ds, A. Tyrkova Being Editor and Publisher»]. In *A. A. Blok PSS. T. 8* [A. Blok. Full Collection of Works in 8 vols. Vol. 8.]. Moscow: Nauka Publ.

Tyrkova-Williams A. (2016) Iz knigi «To, chego nikogda ne budet» [From the Book “Something Which Is Never to Come”]. In *Maloznakomy Lenin* (sbornik / Sost. S. Sergeyev) [The Little-Known Lenin (a collection compiled

by S. Sergeyev)]. St. Petersburg: "Torgovo-izdatelsky dom Amfora" Publ. (Seriya "Russkie Memuary") 30–32 [("Russian Memoirs" series). Pp. 30–32].

References

Balashova Yu. B. (2020) Filologicheskaya metodologiya istorii zhurnalistiki [The Philological Methodology of the History of Jornalism]. In *Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. T. 1* [Journalism in 2019: Creative Work, Profession, Industry. Proceedings of the International Research-to-Practice Conference. Vol. 1.] Moscow: MSU Faculty of Journalism Publ. (In Russian)

Borman A. (1964) *A. V. Tyrkova po pis'mam i vospominaniyam syna* [A. V. Tyrkova in Her Son's Letters and Recollections]. Louvain; Washington. (In Russian)

Kanishcheva N. I. (2012) Predislovie [Foreword]. In *Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovoy. Dnevniki. Pis'ma* [Ariadna Tyrkova's Legacy. Diaries and Letters]. Moscow: ROSSPEN Publ.

Kholikov A. A., Khruslova V. G. (2021) Poeziya revolyutsionnogo narodnichestva. Ot editsionnoy praktiki k izucheniyu form vzaimodeystviya literatury i zhurnalistiki [Poetry of Revolutionary Populism. From Editing to Studying the Interaction of Literature and Journalism]. *Voprosy literatury* 3. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-3-178-209 (In Russian)

Lenin V. I. (1968) *Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 22* [Full Collection of Works. 5th ed. Vol. 22]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. (In Russian)

Maksimov D. E., Shabel'skaya G. A. (1962) [Adversaria]. In D. E. Maksimov, G. A. Shabel'skaya (eds.) *Blok A. A. Sobr. soch. v 8 tt. T. 5* [A. Blok. Collection of Works in 8 vols. Vol. 5]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit-ry Publ. (In Russian)

Odessky M., Spivak M. (ed.) (2021) Russian Newspaper Strategies and Practises of the First Half of the 20th Century. *Russian Literature* 120–121.

Politika i Poetika. Russkaya Literatura v istoriko-kulturnom kontekste Pervoy Mirovoy Voyny: publikacii, issledovaniya i materialy [Politics and Poetics. Russian Literature Against the Historical and Cultural Background of the First World War: Publications, Research and Materials]. Moscow: IMLI RAN Publ. (In Russian)

Pyast V. (1997) *Vstrechi* [Encounters]. Moscow: Novoye Literaturnoye obozreniye Publ. (In Russian)

Timenchik R. D. (1992) N. V. N. [N.V.N.]. In *Shestye Tynyanovskie chteniya: Tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya* [6th Tynyanov Readings: Abstracts and Materials for Discussion]. Riga; Moscow. (In Russian)

Поступила в редакцию
11.05.2021

Борзенко Виктор Витальевич, кандидат филологических наук, доцент департамента медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; e-mail: vborzenko@hse.ru

ФОРМЫ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ТЕАТРА С АУДИТОРИЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

До середины XIX в. отечественный театр существовал, на первый взгляд, без полноценных источников информации: цензура жестко ограничивала количество материалов в прессе, посвященных императорской сцене; крайне немногочисленной была и профильная театральная периодика. Но между тем, благодаря более подробному изучению ранних форм медиа, выясняется, что даже в условиях цензуры у театра было несколько достаточно мощных информационных рычагов, которые обеспечивали ему плотную, надежную и оперативную коммуникацию с аудиторией. Это прежде всего ежедневные устные анонсы, рассылаемые подписчикам афиши и информационные листки. В статье анализируются формы ранней коммуникации, а также прослеживается их влияние на дальнейшее развитие театральной журналистики.

Ключевые слова: *театр, театральная журналистика, театральная критика, театральная периодика, афиши, история коммуникации, медиакоммуникации.*

Viktor V. Borzenko, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Media, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; e-mail: vborzenko@hse.ru

FORMS OF ADVERTISING COMMUNICATION WITH THE AUDIENCE ADOPTED BY RUSSIAN THEATER IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Up until mid-19th century, Russian theater seemed to survive without full-fledged information sources: censorship rigidly limited the publication of anything that was concerned with the Imperial stage; specialized theater periodicals were also few. However, due to a study of early media forms, it becomes clear that even under censorship theater had powerful information levers ensuring prompt and reliable communication with the audience. This communication implies daily oral announcements, playbills distributed among subscribers and information sheets. The article examines early communication forms and traces their influence on further development of theater journalism.

Key words: *theater, theater journalism, theater criticism, theater periodicals, playbills, history of communication, media communications.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.2144

Введение

XIX век стал для отечественной журналистики временем многочисленных новшеств и преобразований. Так, например, только в первой его четверти, с 1801 по 1825 г. (включительно), в России в общей сложности появилось 172 наименования журналов, альманахов и газет, что было значительно больше, чем за все XVIII столетие.

В числе новой периодики оказались столичные и провинциальные издания, официальные и частные, а также образовался внушительный сегмент тематической прессы («Морские записки», «Технологический журнал», «Горный журнал», «Статистический журнал», «Еженедельник для охотников до лошадей», «Журнал российской словесности», «Журнал отечественной музыки», «Модный вестник» и т. п.).

Однако на столь разнообразном фоне чрезмерно малую часть составляли издания, посвященные театру. В этот период непродолжительно выпускались лишь два частных театральных журнала – «Драматический вестник» (1808) и «Журнал драматический» (1811). Помимо них с 1810 по 1812 г. выпускался альманах «Талия» (на его страницах публиковались только пьесы), а в 1825 г. – «Русская Талия» (наряду с отрывками из пьес издание содержало очерки по истории театра).

Иными словами, *профильная* театральная периодика не могла в полной степени удовлетворять растущие запросы аудитории (Иванов, 2011: 12). Драматизм ситуации усиливался тем, что театр действительно становился заметным общественным явлением. В крупных городах прямо пропорционально росту населения увеличивалось число стационарных трупп, появлялись новые сцены[1], окончательно сложился тип зрительного зала, состоявшего из кресел, партера (в нем были и «стоячие места»), ярусов с ложами и галерки. Динамика отношений сцены и зрителя проявлялась в том, что театр стал вбирать в себя довольно широкий срез общества: галерка вполне официально отводилась для «простонародья» (торговцы, ремесленники, прислуга), ложи – для знати. Но главное, как отмечает В. Н. Дмитриевский, в первой четверти XIX в. театр стал не только местом обсуждения впечатлений от спектаклей, светских новостей и моды, здесь «назначали деловые свидания, оценивали карьерные коллизии, подчас именно здесь формировались и рушились служебные репутации и пр. Наконец, здесь говорили о литературе, о новых журнальных публикациях, о книгах и их авторах. Попутно упорядочивалась сама организация театраль-

ной жизни, формировались цены на билеты, расширялась абонементная система» (Дмитриевский, 2007: 150).

Все это требовало, понятно, регулярной, хорошо налаженной коммуникации, которую, при существующих на тот момент форматах периодики, наиболее оперативно могла бы выполнить только газета (Бюхер, 2001: 27). Однако первые театральные газеты появятся лишь в середине XIX в., а освещавшие время от времени театральную жизнь издания (в их числе «Северный вестник», «Северный наблюдатель», «Вестник Европы», «Сын отечества», «Благонамеренный», «Северная пчела» и др.) не покрывали в достаточной степени информационных потребностей публики (как зрителей, так и деятелей сцены).

Театр нуждался в прочных информационных рычагах, высокой скорости коммуникации, и при детальном рассмотрении выясняется, что до появления первых театральных газет эти рычаги у него все же были, что проявилось в разветвленной системе устных оповещений, регулярно рассылаемых абонентам (подписчикам) афишах и информационных листках – то есть в тех видах коммуникации, которые играли преимущественно рекламную роль (Громов, 1976: 63).

Здесь, вероятно, можно говорить о том, что ранние формы медиа[2] и связанные с ними базовые практики выполняли для театра функцию своеобразной «протогазеты». А все дальнейшие способы распространения информации, обусловленные появлением новых печатных технологий, неизбежно опирались, развивали и видоизменяли заложенную в ранний период коммуникативную традицию (Вацлавик, 2000: 73). В подробном рассмотрении этих явлений заключается главная цель данной публикации.

Обзор литературы

Ранние формы театральной коммуникации редко становились предметом целенаправленного научного изучения. Частично они были описаны в трудах, в которых прослеживаются быт и практика дореволюционного российского театра[3], а также вопросы формирования театральной печати (Бабинцев, 1959: 253–266; Данилевский, 1980: 76–78; Иванов, 2011: 9–22; Королев, 1999; Клочкова, Сидоренко, 2017: 69–83; Лапшина, 2015; Кузичева, 2006; Петровская, 1971)[4] и опыт издания афиш (Захаров, 1975; Громов, 1976; Лапина, 2008; Старикова, 1998: 179–190; Клепиков, 1978)[5].

Отдельную группу источников составляют работы, рассматривающие историю медиа в совокупности многочисленных социальных взаимосвязей (Бюхер, 2001; Вацлавик, 2000; Есин, 2004; Засурский, 1999; Кирия, Новикова, 2020; Маклюэн, 2011; Мечковская, 2009; Назаров, 2010; Саламон, 2001; Фомичёва, 2007; Черных, 2013).

Солидный корпус театральных фактографических материалов приводится в труде И. Ф. Петровской «Источниковедение истории русского дореволюционного театра», изданном в 1971 г. и по сей день являющемся единственным в своем роде справочником, который дает столь широкий охват предметов театрального наследия, сохранившихся в отечественных библиотеках и архивах. Однако ранним формам театральной коммуникации в нем уделяется весьма скромное внимание. Таким образом, существующая научная литература хотя и является важнейшим источником в изучении избранного нами вопроса, но описывает его фрагментарно.

Связано это, вероятно, с тем, что само по себе развитие теории коммуникации и сопутствующих базовых практик лишь в начале XXI в. привело к пересмотру одного из ключевых для журналистики терминов – «медиа». В настоящее время его смысловое наполнение значительно расширилось и для современных исследователей включает, прежде всего, «средства связи и передачи информации разных типов – от самых древних (языки жестов, дымов, барабанов, наскальных рисунков и др.) до наисовременнейших, образующих глобальные информационные супермагистрали» (Землянова, 2004: 200). Немецкий медиафилософ Дитер Мерш справедливо отмечает, что «понятие медиа хронически открыто»[6]: это обусловлено тем, что на каждом этапе развития новейших технологий медиасфера расширяется, модернизируя многочисленные каналы связи, поэтому термин, оставаясь подвижным, вбирает в себя все больше новых значений (это касается и театральной сферы).

Таким образом, представляется логичным и очевидно возросший интерес исследователей не только к современной теории развития медиа, но и к пересмотру ее роли в истории журналистики (Черных, 2013: 7; Назаров, 2010: 15).

Проще говоря, у многих современных медиаформатов были свои прототипы, которые сегодня, при рассмотрении в ретроспективном ключе, воспринимаются как первые звенья глобального медиапроцесса; в них обнаруживаются и строгие правила сущест-

вования, и внятные закономерности развития, а главное – системное единство, неотделимое от базисных практик информационных технологий (Маклюэн, 2011: 137).

Устные анонсы как форма допечатной коммуникации

В начале XIX в. в российских столицах складывается монополия императорских театров (процесс начался в 1780-е гг.). Как отмечает К. В. Лапина, театральные деятели ориентируются теперь не столько на привлечение нового зрителя, сколько на полноценное его информирование (Лапина, 2008: 67). В этой ситуации значительно возрастает роль устных оповещений. И если в XVIII столетии подобная форма «публикации во всенародное известие» встречалась преимущественно в многолюдных местах города (важные объявления производились под барабанный бой), то в начале XIX в. устный анонс переходит на подмостки, становясь новой разновидностью коммуникации (Старикова, 1998: 183).

«Молодые артисты обязаны были ежедневно, по очереди, являться в театр, в черном фраке и белом галстуке, и в одном из антрактов, выйдя за переднюю занавесь, анонсировать, что “завтра на здешнем театре[7] представлена будет такая пьеса, а на Большом такая-то”, – свидетельствует в своих в “Записках” Петр Андреевич Каратыгин. – Если приходились тут бенефисы, то и об них надо было сообщить»[8].

В зависимости от обстоятельств форма оповещений менялась, и, судя по всему, устный жанр во многом строился на экспромте. По свидетельству Н. Н. Евреинова, актер всегда обращался к зрителям «с искусно построенным “зазывом” на имевшее быть вскоре представление. Такого рода “живые анонсы”, как учит история, были крайне по душе тогдашней публике, вызывая у нее нередко “бурю” рукоплесканий»[9].

Устные оповещения, понятно, не фиксировались на каких-либо материальных носителях, и потому сегодня трудно судить об их содержании. Но то, что были они явлением широко распространенным и составляли главнейший информационный инструментарий театра, видно и по отрывочным сведениям, встречающимся в мемуарах. Так, например, писательница А. Я. Панаева, дочь артиста императорской сцены, рассказывает о внезапном дебюте А. Е. Мартынова в водевиле Александринского театра «Филатка и Мирошка» (1831). Водевиль, по бытовавшему тогда обычаю, игра-

ли после окончания драмы (между ними был продолжительный антракт, во время которого с подмостков делались анонсы). Однако в один из масленичных дней, когда на спектакль пришел император с семьей, анонс в антракте не дали, поскольку за кулисами в это время все были в замешательстве. Любимец публики А. В. Воротников, игравший Филатку, оказался не способен участвовать в постановке («Окачивали его холодной водой, но он не отрезвлялся»[10]) – тогда спасти положение вызвался юный Мартынов, знавший роль наизусть. Панаева отмечает, что в тот день «анонс сделали [только] при поднятии занавеса»[11].

В некоторых случаях к устным оповещениям прибегали и для того, чтобы пояснить публике какую-либо техническую заминку. Когда 13 мая 1831 г. на спектакле «Разбойник Богемских лесов» по вине плотника упали декорации, инспектор репертуара Российской группы А. И. Храповицкий записал в своем дневнике буквально следующее: в зрительный зал «был выслан анонс, что по ошибочном разрушении трагедия кончена быть не может»[12]. Разумеется, это была наиболее естественная форма оповещения зрителей, но обращает на себя внимание формулировка «выслан анонс»: похоже, что она входила в профессиональную терминологию театральной коммуникации первой половины XIX в.

Сведения о разнообразных формах устных театральных анонсов крайне редко фиксировались в литературе (нет и специальных научных исследований на эту тему), но все же кое-что удается понять благодаря немногочисленным отрывочным сведениям. Так, в частности, в своих очерках о жизни Санкт-Петербурга в старину М. И. Пыляев отмечает, что, начиная с XVIII в., на императорской сцене «при представлении пьес многосложных (á grand spectacle), как, например, комедии “Мещанин во дворянстве” <...> где требовалось много людей и принадлежностей на сцене, при объявлении анонса назначалась за вход всегда двойная цена»[13].

Немаловажен и такой эпизод, который ярче позволяет представить степень воздействия устного анонса на публику. Он известен благодаря мемуарам Каратыгина: «Однажды, в чей-то бенефис, Сосницкий играл “Говоруна” (ком. Хмельницкого). В конце пьесы он остается один на сцене — и вместо последних стихов:

Но мне пересказать об этом остается
И всем и каждому, кто первый попадется.

Он (обращаясь к публике) заменил их следующими:

Но чтобы, наконец, вас чем-нибудь занять,
Позвольте честь иметь теперь же вам сказать:

"Завтрашний день, на здешнем театре, российскими придворными актерами представлено будет" и проч. Аплодисменты и общий хохот перервали эту неожиданную выходку любимого артиста, и фарс удался вполне»[14].

Каратыгин утверждает, что практика устных анонсов прекратилась на столичных подмостках по указанию А. М. Гедеонова (возглавлял дирекцию императорских театров в 1833–1858 гг., с 1842 г. руководил также московскими императорскими театрами). Но, вероятно, в провинции (в том числе и среди публики крепостных театров, которых в первой половине XIX в. насчитывалось уже больше двухсот) оставалась основным способом информирования аудитории (Клочкова, Сидоренко, 2017: 70).

Если расширить взгляд на устные формы оповещения, то истоки этой традиции обнаружим, несомненно, на ярмарочных площадях, а именно – в мастерстве приглашать публику в балаган посредством балконных зазывал. К середине 1820-х гг. в их среде прочно сложился жанр, основанный на прибаутках, но вполне отчетливо преследовавший рекламную цель. «Честные господа! Пожалуйте сюда! Здесь вы увидите вещи невиданные, услышите речи неслыханные, чудо чудное, диво дивное. Заморские комедии! Скорее, скорее, почти все места заняты!»[15], – так начинался один из подобных анонсов, который весной 1825 г. цитировался в очерке «Северной пчелы», посвященном народному гулянью в Санкт-Петербурге.

Помимо характерной для балаганной рекламы гиперболизации («вещи невиданные», «чудо чудное» и т. п.), одна из примечательных особенностей этих анонсов заключалась в том, что часто они строились на очевидном вымысле, являющемся, конечно, рекламным приемом. Паяц, едва появившись на балконе, сообщал, что все билеты проданы, звонки прозвучали и представление уже начинается. Наиболее доверчивые зрители торопились приобрести билеты, но, когда проходили внутрь балагана, обнаруживали, что в зале никого еще нет (ожидание могло растянуться на длительное время). А. Ф. Некрылова отмечает, что «прием этот – кричать о распроданных билетах при пустом зале и о сиюминутном начале представления при свободном <...> расписании – существовал все время, пока действовали балаганы» (1984: 116).

Был и другой прием, о котором сообщала «Северная пчела»: «”Паясы” <...> на балконах шатров под звуки вальса кривляются, забавляют чернь своими шутками», а тем временем «хитрые хозяева балаганов», пользуясь большим скоплением народа, «ласково приглашают почтенных господ в свою комедию»[16].

Несмотря на лукавство рекламного хода, устная форма коммуникации имела весьма объективные причины, повлиявшие на дальнейшее развитие этого жанра. Дело в том, что вплоть до последней четверти XIX в. театры (в том числе и балаганы) не имели права расклеивать свои афиши в городе – единственным исключением являлись фасады самих театров и расположенные перед ними столбы или заборы (Лапина, 2008: 61). Афиши продавались в книжных магазинах, на улицах и в кассах театров, а также рассылались подписчикам. То есть способы их распространения ничем не отличались от газеты.

Подписные афиши – театральные «протогазеты»

Писатель, критик С. Т. Аксаков отразил в своих мемуарах колоритную деталь, которая позволяет наглядно представить, как в начале XIX в. в Казани, где в ту пору он учился в университете, распространялась информация о предстоящих постановках (очевидно, что этот процесс был знаком и жителям других театральных городов): «Доставанье афиш возлагалось на своекоштных[17] студентов. Печатных афиш тогда в городе не было; некоторые почетные лица получали афиши письменные из конторы театра, а город узнавал о названии пьесы и об именах действующих лиц и актеров из объявления, прибиваемого четырьмя гвоздиками к колонне или к стене главного театрального подъезда. Я должен признаться, что мы воровали афиши. Подъедешь, бывало, к театральному крыльцу, начнешь читать афишу и, выждав время, когда кругом никого нет, сорвешь объявление, спрячешь в карман и отправляешься с добычею в университет. Впоследствии содержатель театра Есипов, узнав студенческие проделки, дал позволение студентам получать афишу в конторке театра»[18].

Как печатные, так и рукописные афиши первой половины XIX в. часто выполняли расширенную информационную функцию: они не только сообщали о дате и времени начала спектакля, жанре, авторе, составе исполнителей, но и могли содержать целый ряд сопутствующих сведений. Так, например, в подписных афишах им-

ператорских театров, напечатанных в 1818 г., находим сразу несколько уведомлений, в которых, помимо обыкновенных напоминаний о порядке посещения спектакля («никто из не принадлежащих театру не имеет входа <...> за кулисы» и т. п.), содержится и более важная информация. В некоторых зимних номерах встречается такое указание: «Если в 4 часа пополудни стужа увеличится свыше 17 градусов, спектакли отменяются»[19].

Внизу листа после коротких анонсов на следующие дни размещалась информация (по сути – реклама) о книгах и брошюрах, выпущенных типографией императорских театров, которые можно приобрести при посещении спектакля.

«Афиша была средством оповещения мобильным и регулярным, – пишет К. В. Лапина. – Печаталась она ежедневно накануне вечером или даже в день спектакля, поэтому кроме запланированного анонса в нее успевали внести объявления об изменении репертуара или замене исполнителя и других срочных нововведениях. В случае болезни актера, информация об этом попадала на афишу. Если же к этому времени афиши были уже напечатаны, выходило отдельное объявление» (2008: 68).

Одно из таких объявлений 1843 г. сохранилось в фонде афиш и программ ГЦТМ им. Бахрушина: «Сего дня в Пятницу, 5 Февраля, в объявленном Антракте, Г. А. Щепин по болезни участвовать не может»[20].

Известна также разновидность контрафиш, т. е. оперативных информационных листков, которые выпускались с тем, чтобы «перекрыть» информацию, размещенную в афишах утреннего тиража. Наиболее распространенной причиной их выпуска тоже являлись болезни артистов. Например, контрафиша, напечатанная в 1843 г. Московским Большим театром, так сообщала подписчикам о срочной замене спектакля: «В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ. Не в счет абонемента. Во вторник 1 января, объявленная опера: Роберт дьявол, за болезнию актрисы г-жи Над. Репиной отменяется, а вместо оной императорскими российскими актерами представлена будет: “Иосиф”, большая опера в 3 действиях, соч. Г. Дюваля, переведенная с французского Г. Брандом; музыка сочинения Мегюля; с принадлежащей к оной хорами, маршами и великолепным спектаклем...»[21].

Отдельную рассылку составляли объявления, извещавшие о предстоящих бенефисах. В газетах такая информация публиковалась редко и носила несистемный – преимущественно случайный

характер. Объясняется это тем, что с начала XIX в. в России действовала монополия императорских театров, введенная 9 января 1804 г. на основании указа петербургского генерал-губернатора П. А. Толстого (Королев, 1999: 29). Для театральной коммуникации этот указ стал таким же проводником цензуры, как и действующие на тот момент ограничения в журнально-газетной отрасли. Он предполагал, что театральная дирекция будет «наблюдать, дабы в афишах лишнего и неприличного печатаемо не было»[22].

Следовательно, именно дирекция должна была создать такие условия, которые позволили бы удовлетворять в полной мере информационные запросы аудитории. Более-менее надежно этот вопрос удалось решить к 1811 г. в Санкт-Петербурге, а к 1824 г. и в Москве, когда по предложению актера и книгоиздателя В. Ф. Рыкалова внедряется практика подписных афиш (прежде афиши продавались только в театрах и книжных магазинах либо доставлялись на дом особо знатной публике). В 1807–1813 гг. Рыкалов, наряду с А. Н. Олениным, И. А. Крыловым и А. Е. Ермолаевым, являлся совладельцем типографии, имевшей привилегию печатать афиши. По его замыслу, дирекция императорских театров получала от типографии 5 000 рублей в год ассигнациями (или 1 700 рублей серебром), а сама типография брала с каждого читателя по 10 рублей за годовую подписку (афиши и необходимые к ним дополнения рассылались ежедневно, за исключением, конечно, тех дней, когда на императорских сценах не шли спектакли). Известно, что в 1811 г. в Санкт-Петербурге разовый тираж подписных афиш составлял 240 экземпляров в день. Для сравнения: тираж еженедельной газеты «Казанские известия» – 200 экземпляров, тираж ежедневных «Санкт-Петербургских ведомостей» – в пределах 600–800 экземпляров.

«Условия поверенного со стороны содержателя театральной типографии были весьма выгодны для Дирекции, - утверждает Д. Г. Королев, – рассудившей, что отныне все претензии по доставке афиш будут предъявляться не ей, а Рыкалову. Его прошение было рассмотрено и одобрено самим императором – как-никак за спиной артиста-предпринимателя стоял сам тайный советник и кавалер Оленин. Эта ужесточившаяся на театральную печатную продукцию монополия <...> стала источником немалых доходов. Достаточно сказать, что <...> сильно пострадав от наводнения 1824 г., [владельцы типографии отказались] от казенного пособия на восстановление» (1999: 30).

Материалы о театре в периодической печати

Наконец, еще одной формой театральной коммуникации первой половины XIX в. являлась информация, тиражируемая в газетах и журналах. До объявления монополии дирекции императорских театров краткие сведения о спектаклях печатались в отделе объявлений «Московских ведомостей». Однако и после того, как монополия была объявлена, анонсы время от времени продолжали печататься в газетах, что вызывало недовольство дирекции. К. В. Лапина пишет, что «в результате конфликт был решен распоряжением Министра народного просвещения от 15 декабря 1831 года, узаконившим печать кратких извлечений из афиш в прессе. Впрочем, степень этой краткости не оговаривалась. В 1856 году военным генерал-губернатором было дано разрешение на печать в прессе информации из афиш, после того как они уже доставлены подписчикам, а поскольку время между визитом афишера и разносчиком газет было незначительным и иногда исчислялось минутами, это значительно усложнило жизнь держателям афишной монополии» (Лапина, 2008: 64).

Подчеркнем, что монополия дирекции императорских театров распространялась на публикацию афиш, а также анонсов и разного рода объявлений. В отношении театрально-критических статей действовали ограничения иного рода. Во-первых, все они проходили цензуру, а во-вторых, вплоть до 1858 г. сам факт публикаций, в которых шла речь об императорской сцене, должен был утверждаться у директора императорских театров. Но поскольку директор находился в Санкт-Петербурге и это затрудняло оперативную работу журналиста, в печати наблюдался своеобразный дисбаланс: московские газеты писали о театре значительно реже, чем петербургские.

Мощным корнем этого явления, вероятнее всего, стала идея управляющего Министерством полиции С. К. Вязмитинова (в период военной кампании 1812–1814 гг. контроль за публикацией пьес осуществлялся полицейской цензурой). Разбирая программу журнала «Вестник словесности», в котором предполагался и театральный отдел, Вязмитинов пришел к выводу, что «суждения об императорском театре и актерах, находящихся на службе его величества, неуместны во всяком журнале»[23]. Идею поддержал министр народного просвещения А. К. Разумовский, и 19 марта 1813 г. она в виде особого распоряжения была доведена до сведения столичных цензурных комитетов. В результате в последующие несколько лет о театре писали только петербургские полуофициозные органы, которым удавалось добиться особого разрешения на публикацию (в их

числе «Сын отечества», «Северный наблюдатель» и «Благонамеренный»). Показательно также и то, что, свободный от цензуры Министерства народного просвещения и принадлежавший Министерству иностранных дел, *Journal de St. Petersbourg* вполне свободно писал о спектаклях и артистах императорской сцены.

К июню 1826 г. с появлением нового Устава о цензуре, разъясняющего в том числе и порядок получения прав на публикации той или иной тематики, в печати наблюдается новый всплеск театрально-критических материалов. О спектаклях пишут «Вестник Европы», «Московский телеграф», «Телескоп», «Отечественные записки», «Современник»; газеты «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Литературная газета», «Литературные прибавления к "Русскому инвалиду"» и др. В провинции к 1840-м гг. информация о деятельности местных театров все чаще появляется в «Прибавлениях» и «Неофициальных частях» «Губернских ведомостей»). И этот процесс, разумеется, нельзя назвать однородным: он зависит от множества внешних факторов, как политических (законотворческие инициативы, ослабление или усиление цензуры), так и сугубо творческих (наличие авторов, способных освещать театральную жизнь). Но, как бы то ни было, наибольшую популярность на раннем этапе театральной медиакоммуникации в России завоевал именно рекламный формат.

Для полноты картины следует сказать о том, как развивалась на этом фоне театральная журналистика.

О противоречивых условиях развития театральной журналистики в рассматриваемый период свидетельствует такой факт: «Годы с 1848 по 1855, когда существовал особый комитет для надзора за печатью и действиями самой цензуры (комитет 2 апреля 1848 года)[24], даже в официальном документе были названы эпохой цензурного террора, – отмечает И. Ф. Петровская. – Специальный указ объявлял, что "не должно быть допускаемо в печать никаких, хотя бы и косвенных, порицаний действий и распоряжений правительства и установлений властей, к какой бы степени сии последние не принадлежали". Цензурным придиркам подвергались и благонамеренный М. П. Погодин, и сам Ф. В. Булгарин. Но сообщений о театре и вообще о зрелищах и увеселениях в столичных газетах в это время печаталось много. Фельетоны о театре появлялись даже в "Ведомостях" столичной полиции, в основном состоявших из объявлений» (1971: 131).

Анализ жанров и тематика материалов театральной журналистики первой половины XIX в. заслуживает, несомненно, отдель-

ной публикации. Однако в общих чертах можно отметить, что на страницах литературных и общественно-политических журналов формировались традиции отечественной театральной критики, в то время как хроника становилась уделом преимущественно газет.

Так, например, журнал Вольного общества любителей словесности, наук и художеств «Благонамеренный» в 1819–1823 гг. вел оживленную полемику о столичной сцене. В 5-й части за 1819 г. издание опубликовало статью «Что нужно актеру», утверждая, что главными качествами являются «основательные сведения в словесности и других имеющих с оною тесную связь науках, познание света, нравов и страстей человеческих, одним словом, весьма большое образование». За статьей последовала серия откликов, но и помимо них издание в своей театральной части основательно выполняло заявленную программу: здесь регулярно печатались рецензии, разбиралась игра Семеновой, Каратыгина, Колосовой, Мочалова, Брянского и других ведущих артистов.

С 1829 по 1834 г. рецензии на московские спектакли появлялись почти в каждом выпуске «Московского телеграфа» (издавался раз в две недели). На его страницах благодаря беллетристу и критику В. А. Ушакову зародился новый метод театральной рецензии, предполагавший исторический подход к оценке исполнения. Иными словами, по мысли Ушакова, критики обязаны были в своих публикациях прослеживать, как менялись театральные приемы с развитием новых стилей драматургии, выступать противниками старой школы декламации и всячески защищать, поддерживать стиль романтического театра.

Полемический характер статей, в которых затрагивались вопросы эстетики и актерского мастерства, оказался характерен для «Телескопа» и «Молвы». Здесь в 1833 и 1835 гг. шла полемика между профессорами Московского университета Н. И. Надеждиным и С. П. Шевыревым, которые оказались разного мнения об игре набирающей тогда популярность четы актеров В. А. и А. М. Каратыгиных. Но и помимо полемики Надеждин не раз выступал на страницах «Телескопа» со статьями о теории драмы и роли драматургии в искусстве. Аналогичные материалы обнаруживаются и в творчестве В. Г. Белинского, который в 1835–1839 гг. не только публиковался в «журнале энциклопедическом» «Московский наблюдатель», но и стал фактически его неофициальным редактором. Глубокий след в истории театральной критики оставила также «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского, активно пу-

бликовавшая в 1830–1840-е гг. рецензии на спектакли и обозрения сезонов, рассчитанные прежде всего на среднего читателя.

Особняком в театральной журналистике 1840-х гг. стоят «Отечественные записки» и «Современник», связанные не только с именами крупнейших писателей (вспомнить хотя бы «Петербургские записки 1836 года» Н. В. Гоголя), но и с деятельностью литераторов, посвятивших свою жизнь критике: В. Г. Белинского, А. А. Григорьева, М. Л. Михайлова и др. Так, например, в одной из рецензий «Современника» 1847 г. подробно разбиралась деятельность московского Малого театра (1847, № 5, «Московские новости»). «В том же году Некрасов писал о тормозивших развитие русского театра недостатках репертуара, - отмечает И. Ф. Петровская, – в котором преобладали пустые водевили ("по мнению наших водевилистов, мы только и делаем, что влюбляемся и женимся, других пружин драмы они в нашей жизни не видят". – 1847, № 7). Об этом же говорилось в театральных заметках И. И. Панаева (1847, № 12) и в отзывах о спектаклях петербургских и московских театров за последующие годы (иронически излагалось содержание водевилей и мелодрам, подчеркивалась искусственность образов в исторических драмах)» (1971: 125).

В отдельную группу следует выделить упоминавшиеся уже выше первые театральные журналы и альманахи («Драматический вестник», «Журнал драматический», «Талия», «Русская Талия»), а также родившийся в 1840 г. «Пантеон русского и всех европейских театров». На протяжении своей жизни (вплоть до 1856 г.) издание неоднократно меняло название и программу, но стало первым представителем типа толстого журнала в театральной периодике. Здесь публиковались материалы о русском и зарубежном театре, хроника, исторические обзоры, биографии артистов, рецензии, статьи о теории и практике сценического искусства, пьесы, очерки и многое другое. Фактически этот журнал положил основу тем многочисленным традициям, которые разовьются на страницах десятков периодических изданий уже во второй половине XIX в. (Лапшина, 2015: 34)

Выводы

Применительно к театральной сфере ранние формы медиакоммуникации не получили до сих пор должного научного осмысления, хотя проявились ярче, чем во многих других отраслях. Речь идет, прежде всего, об устных анонсах, ежевечерне извещающих

публику не только о предстоящих спектаклях, готовящихся на императорской сцене, но и о многочисленных сопутствующих новостях (замена названия, подорожание билетов и абонементов, ожидающийся в театре визит какого-либо крупного драматурга, расписание бенефисов, срочный актерский ввод, предупреждения о ненастной погоде и т. п.).

Устные анонсы за несколько десятилетий своего существования обрели столь прочную информационную функцию, что в условиях, когда цензура осложняла выпуск периодических изданий и жестко контролировала любую информацию, связанную с императорским театром, превратились в надежный канал коммуникации; отличались оперативностью, краткостью, были общедоступными для зрителей и в какой-то мере заложили традиции, которые во второй половине XIX в. будут развиваться на страницах первых театральных газет.

Другой формой медиакоммуникации, которая со временем тоже вошла в ткань театральной журналистики, стали активно тиражируемые и рассылаемые по подписке афиши, где помимо сведений о предстоящих спектаклях содержалась разного рода сопутствующая информация. Уже в первой четверти XIX в. оповещение происходило настолько оперативно, что в случае экстренной замены спектакля подписчики узнавали об этом в течение нескольких часов : им высылался специальный информационный листок.

Несмотря на немногочисленность профильной театральной периодики в первой половине XIX в., театральная сфера обладала, как выясняется, весьма полноценным (для того времени) набором медиаресурсов, которые позволяли ей активно и всесторонне информировать зрителей, что в дальнейшем не пройдет бесследно при формировании целой журналистской отрасли, ежедневно освещающей жизнь сцены и ее главных действующих лиц.

Примечания

[1] Авторы энциклопедии «Русский драматический театр», в частности, отмечают: «В 1-й трети 19 в. в Петербурге и Москве налаживается регулярная театральная жизнь <...> Возводятся новые театральные здания. Петербургский Большой (Каменный) театр, перестроенный в 1802 Т. де Томоном и сгоревший в 1811, в 1818 восстановлен А. Модюи; в 1832 открывается Александринский театр, спроектированный А. П. Брюлловым <...> Московская труппа, после пожара 1812 не имевшая нормального помещения, в 1824 въезжает в Малый театр, под который перестраивается дом Варгина, а в 1825 получает во владение Большой

театр, возведенный О. И. Бове <...> на месте бывшего Петровского театра. С последней трети 18 в. – и особенно до конца первого десятилетия 19 в. – особую роль в театральной жизни страны играют крепостные помещичьи труппы <...> В столицах и крупных городах складываются кружки театралов-завсегдатаев. С театром непосредственно связаны многие видные литераторы пушкинской эпохи, выступавшие в качестве драматургов, переводчиков, критиков, консультантов, – А. А. Шаховской, Н. И. Гнедич, П. А. Катенин, А. А. Жандр и др.». Подробнее см.: Русский драматический театр: Энциклопедия / под общ. ред. *М. И. Андреева, Н. Э. Звенигородской, А. В. Мартыновой* и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 8.

[2] Под медиа (от лат. *medium* – посредник) мы подразумеваем определение Торонтской школы теории коммуникаций, включающее в себя средства коммуникации, способы передачи информации, а также образовываемую ими среду (медиапространство). По мысли одного из родоначальников Торонтской школы Маршалла Маклюэна, медиа – это любые внешние расширения человека. (См. подробнее: Маклюэн, 2011).

[3] См. например: *Алперс Б. В.* Театр Мочалова и Щепкина. М.: Искусство, 1979; *Асеев Б. Н.* Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. М.: Искусство, 1977; Ф. Г. Волков и русский театр его времени: сб. материалов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953; *Гуревич Л. Я.* История русского театрального быта. М.; Л.: Искусство, 1939; *Данилов С. С.* Постоянные публичные театры в Петербурге в XIX веке // О театре: сб. статей. Л., 1929; *Дмитриевский В. Н.* Театр и зрители. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007; *Дризен Н. В.* Материалы к истории русского театра. М.: Издание А. А. Бахрушина, 1905; История русского драматического театра: в 7 т. Т. 2. 1801–1825. М.: Искусство, 1977; История русского драматического театра: От его истоков до конца XX века: хрестоматия. 2-е из., доп. М.: ГИТИС, 2016; История русской драматургии, XVII–первая половина XIX в.: в 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1982; Т. 2. Л.: Наука, 1987; *Ласкина М. Н.* П. С. Мочалов: Летопись жизни и творчества. М.: Языки русской культуры, 2000; *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург. Начало XVIII века–октябрь 1917 года: обозрение-путеводитель. СПб.: РИИИ, 1994; *Родина Т. М.* Русское театральное искусство в начале XIX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961; *Старикова Л. М.* Немецкие комедианты у истоков русского театра // Современная драматургия. 2013. № 3. Июль–сент.; *Старикова Л. М.* Театр в России XVIII века: Опыт документального исследования. М.: РАН; Ин-т искусствознания; Гос. Центр. театр. музей им. А. А. Бахрушина, 1997; *Старикова Л. М.* Театральная жизнь старинной Москвы: Эпоха. Быт. Нравы. М.: Искусство, 1988; Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны: Докум. хроника / сост. *Л. М. Старикова*. М.: Радикс, 1995; Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Докум. хроника / сост. *Л. М. Старикова*. М.: Радикс, 1995; Хрестоматия по истории русского актерского искусства конца XVIII–первой половины XIX веков / сост. *Н. Б. Владимирова, А. П. Кулиш*. СПб.: СПГАТИ, 2005 и др.

[4] *Богоявленский С. К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914; *Брянский А. М.* О «Журнале драматическом» 1811 года // Русский библиофил. 1912. № 2. С. 5–29; *Измайлов А. (Смоленский)*. К истории театрального журнала в России // Театр и искусство. 1906. № 52. С. 17–24; *Морозов Ю.* Театральный журнал старого времени // Библиотека «Театра и искусства». СПб., 1900. № 6; *Некрасова Е.* Первый русский журнал, посвященный театру // Артист. 1890. № 6. С. 24–33; Очерки истории русской театральной критики. Конец XVIII–первая половина XIX века / под ред. *А. Я. Альтшуллера*. Л.: Искусство, 1975; Русская периодическая печать. Указатели содержания. 1728–1995 / Составитель *Н. В. Никитина*. СПб., 1998; *Сиротинин А.* Первый театральный журнал в России // Артист. 1890. № 7.

С. 44–47; Театральная периодика 1774–1917: библ. указатель / сост. *В. Е. Вишневский*. М.; Л.: Искусство, 1941. Ч. I: 1774–1917; Указатель содержания русских журналов и продолжающихся изданий. 1755–1970 / сост. *Ю. М. Масанов*, *Н. В. Никитина, З. Д. Титова*. М., 1975.

[5] *Божерянов И. Н.* Иллюстрированная история русского театра XIX века: в 2 т. СПб., 1903; *Боровский А. Д.* У истоков советского театрального плаката // Декоративное искусство СССР. 1977. № 10. С. 32–35; *Глитерник Э.* Начало российской рекламы // Наше наследие. 2001. № 56. С. 222–225; История театра в иллюстрациях и сценических документах / под ред. *П. Н. Шеффера*. Ленинградский театральный музей. М.; Л., 1936 и др.

[6] Цит. по: *Степанов М. А.* Machina ludens: размерность новых медиа // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3 (4). С. 40. Режим доступа: https://old.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2011/IJCR_03(4)_2011_Stepanov_Mashina.pdf (дата обращения 08.10.2020).

[7] В данном контексте речь идет не об Александринском театре, служению которому П. А. Каратыгин посвятил всю свою жизнь, а обо всех театрах Санкт-Петербурга, подчиняющихся придворной Театральной дирекции (название Дирекции императорских театров она получила 10 октября 1829 г.).

[8] *Каратыгин П. А.* Записки. 1805–1879. СПб.: изданы П. П. Каратыгиным, 1880. С. 277–278.

[9] *Евреинов Н. Н.* История русского театра с древнейших времен до 1917 года. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. С. 200.

[10] *Панаева Авдотья*. Воспоминания. Л.: Academia, 1929. С. 57.

[11] Там же. С. 58.

[12] Из дневника инспектора репертуара Российской группы А. И. Храповицкого // Русская старина. 1879. № 2. С. 344.

[13] *Пыляев М. И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: издание А. С. Суворина. 1889. С. 404

[14] *Каратыгин*. Указ. соч. С. 278.

[15] *Ф. Б. [Ф. Булгарин].* Качели // Северная пчела. 1825. Апр., 2.

[16] *П. [Псевдоним не раскрыт].* Внутренние известия // Северная пчела. 1825. Апр., 21.

[17] Своекоштный – категория студентов российских учебных заведений XVIII–пер. пол. XIX в., содержащихся в период обучения за свой кошт (счет). В противоположность ему существовал термин «казеннокоштный», который применялся к студентам, обучавшимся за счет казны.

[18] *Аксаков С. Т.* Собр. соч. Т. I. М., 1909. С. 361.

[19] Афиша императорских театров. 10 янв. 1818 г. (Хранится в Театральной библиотеке СПб.).

[20] Цит. по: *Лапина К. В.* Указ. соч. С. 68.

[21] Там же.

[22] Цит. по: *Королев Д. Г.* Указ. соч. С. 29.

[23] Цит. по: *Королев Д. Г.* Указ соч. С. 23.

[24] Более распространенное название – «Бутурлинский комитет» (по имени первого председателя Д. П. Бутурлина).

Библиография

Бабинцев С. М. «Драматический вестник» // Книга. Исследования и материалы: сб. науч. трудов. Т. 1. М., 1959. С. 253–266.

Бюхер К. Происхождение газеты // История печати. Антология: в 2 т. Т. 2. / под ред. *Е. Л. Вартановой, Я. Н. Засурского*. М.: Аспект Пресс, 2001.

Вацлавик П. Прагматика человеческих коммуникаций. М.: ЭКСМО, 2000.

Громов Н. Рекламная функция театральных афиш и плакатов // Экономика и организация театра: сб. Вып. 4. Л., 1976. С. 62–65.

Данилевский Р. Ю. Немецкие журналы С.-Петербурга в 1770–1810 гг. // Русские источники для истории зарубежных литератур: сб. исследований и материалов. М., 1980. С. 76–78.

Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до начала XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.

Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917): учеб.-метод. комплект. М.: Флинта; Наука, 2004.

Засурский И. И. Массмедиа Второй республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Захаров В. В. Сведения о некоторых петербургских типографиях // Книга. Исследования и материалы: сб. 26. М., 1975. С. 65–79.

Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Иванов Д. А. Издания, репертуарность, критика. О механизмах канонизации в русской комедии первой трети XIX века // История театра в архивных и книжных собраниях: доклады девятых Международных научных чтений «Театральная книга между прошлым и будущим» / сост. *А. А. Колганова*. М.: РГБИ; Три квадрата, 2011. С. 9–22.

Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа. М.: ИД Высшей школы экономики, 2020.

Клепиков С. А. Филиграни на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978.

Клочкова Ю. В., Сидоренко Л. Ю. Становление русского театра: «комедиант и публика лицом к лицу» (по мемуарам П. А. Каратыгина и С. П. Жихарева) // Документы по истории театра в книжных и архивных собраниях: Двенадцатые Междунар. науч. чтения «Театральная книга между прошлым и будущим» / Рос. гос. б-ка искусств; сост. *А. А. Колганова*. М., 2017. С. 69–83.

Королев Д. Г. Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX–начала XX веков. СПб.: РНБ, 1999.

Кузичева А. П. Театральная критика российской провинции: 1880–1917: коммент. антология. М.: Наука, 2006.

Лапина К. В. Театральная афиша в России: опыт истории от возникновения до 20-х годов XX века: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2008.

Лапшина Г. С. Искусство глазами журналиста. М.: Фак. журн. МГУ, 2015.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2011.

Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации. От клинописи до Интернета. М.: Флинта; Наука, 2009.

Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М.: URSS, 2010.

Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX. Л.: Искусство, 1984.

Петровская И. Ф. Источниковедение истории русского драматического театра. Л.: Искусство, 1971.

Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. Антология: в 2 т. Т. 1. / под ред. *Е. Л. Вартановой, Я. Н. Засурского*. М.: Аспект Пресс, 2001.

Старикова Л. М. Документальные уточнения к истории театра в России петровского времени // Памятники культуры. Новые открытия. 1997. М., 1998. С. 179–190.

Фомичёва И. Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2007.

Черных А. И. Медиа и ритуалы. М.: Университетская книга, 2013.

Notes

Alpers B. V. (1979) *Teatr Mochalova i Shchepkina* [Mochalov's and Shchepkin's Theater]. Moscow: Iskusstvo Publ.

Al'tshullera A. Ya. (ed.) (1975) *Ocherki istorii russkoy teatral'noy kritiki. Konets XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Essays in the History of Russian Theater Criticism. The End of the 18th – the First Half of the 19th Century]. Leningrad: Iskusstvo Publ.

Aseev B. N. (1977) *Russkiy dramaticheskiy teatr ot ego istokov do kontsa XVIII veka* [Russian Drama Theater from Its Origins to the End of the 18th Century]. Moscow: Iskusstvo Publ.

Bogoyavlenskiy S. K. (1914) *Moskovskiy teatr pri tsaryakh Aleksee i Petre* [Moscow Theater Under Tsar Alexey and Tsar Peter]. Moscow.

Bozheryanov I. N. (1903) *Illyustrirovannaya istoriya russkogo teatra XIX veka: v 2 t.* [Illustrated History of 19th Century Russian Theater: in 2 vol.] St. Petersburg.

Borovskiy A. D. (1977) U istokov sovetskogo teatral'nogo plakata [At the Origins of Soviet Theatrical Posters]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* 10: 32–35.

Bryanskiy A. M. (1912) O "Zhurnale dramaticheskom" 1811 goda [About Zhurnal Dramaticheskiy Dated 1811]. *Russkiy bibliofil* 2: 5–29.

Danilov S. S. (1929) Postoyannye publichnye teatry v Peterburge v XIX veke [Regular Public Theaters in 19th Century Petersburg]. In *O teatre. Sb. statey* [About Theater. A Collection of Articles]. Leningrad.

Dmitrievskiy V. N. (2007) *Teatr i zriteli* [Theater and Spectators]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ.

Drizen N. V. (1905) *Materialy k istorii russkogo teatra* [Materials to the History of Russian Theater]. Moscow: Izdanie A. A. Bakhrushina Publ.

Evreinov N. N. (1955) *Istoriya russkogo teatra s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [A History of Russian Theater from Ancient Times to 1917]. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ. P. 200.

F. B. [F. Bulgarin] (1825) Kacheli [The Swing]. *Severnaya pchela*, 2 April.

F. G. Volkov i russkiy teatr ego vremeni: sb. materialov [F.G. Volkov and Russian Theater of His Time: a Collection of Materials] (1953) Moscow: USSR Academy of Science Publ.

Gliternik E. (2001) Nachalo rossiyskoy reklamy [The Onset of Advertising]. *Nashe nasledie* 56: 222–225.

Gurevich L. Ya. (1939) *Istoriya russkogo teatral'nogo byta* [A History of Russian Theatrical Daily Routine]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo Publ.

Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra: ot ego istokov do kontsa XX veka. Khrestomatiya. 2-e iz., dop. [A History of Russian Drama Theater: from Its Origins to the End of the 20th Century. A Reader. 2nd ed., enlarged] (2016) Moscow: GITIS Russian Institute of Theater Arts Publ.

Iz dnevnika inspektora repertuara Rossiyskoy gruppy A. I. Khrapovitskogo [From the Diary of A.I. Khrapovitsky, Inspector of Russian Group's Repertoire] (1879) *Russkaya starina* 2: 344.

Karatygin P. A. (1880) *Zapiski. 1805–1879* [Notes. 1805–1879]. St. Petersburg: Izdany P. P. Karatyginym Publ. Pp. 277–278.

Kholodov E. G. et al. (1977) *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra. V 7-mi t. T. 2. 1801–1825* [A History of Russian Drama Theater. In 7 vol. Vol.2. 1801–1825]. Moscow: Iskusstvo Publ.

Laskina M. N. (2000) *P. S. Mochalov: letopis' zhizni i tvorchestva* [P.S. Mochalov: the Annals of Life and Work]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ.

Lotman L. M. (ed.) (1982) *Istoriya russkoy dramaturgii, XVII – pervaya polovina XIX v. V 2 t. T. 1* [A History of Russian Dramaturgy, the 17th – the First Half of the 19th Century. In 2 vol. Vol.1]. Leningrad: Nauka Publ.

Lotman L. M. (ed.) (1987) *Istoriya russkoy dramaturgii, XVII – pervaya polovina XIX v. V 2 t. T. 2* [A History of Russian Dramaturgy, the 17th – the First Half of the 19th Century. In 2 vol. Vol.2]. Leningrad: Nauka Publ.

Masanov Yu. M., Nikitina N. V., Titova Z. D. (eds.) (1975) *Ukazatel' soderzhaniya russkikh zhurnalov i prodolzhayushchikhsya izdaniy. 1755–1970* [Content Index of Russian Magazines and Continuous Publications. 1755–1970]. Moscow.

Morozov Yu. (1900) Teatral'nyy zhurnal starogo vremeni [Theater Magazine of Old Times]. In *Biblioteka "Teatra i iskusstva" № 6* [Theater and Arts Library № 6]. St. Petersburg.

Nekrasova E. (1890) Pervyy russkiy zhurnal, posvyashchennyy teatru [The First Russian Magazine Devoted to Theater]. *Artist* 6: 24–33.

Nikitina N. V. (ed.) (1998) *Russkaya periodicheskaya pechat'. Ukazateli soderzhaniya. 1728–1995* [The Russian Periodical Press. Content Indices. 1728–1995]. St. Petersburg.

P. [Psevdonim ne raskryt] (1825) Vnutrennie izvestiya [Internal News]. *Severnaya pchela*, 21 April.

Panaeva Avdot'ya (1929) *Vospominaniya* [Recollections]. Leningrad: Academia Publ. P. 57.

Petrovskaya I., Somina V. (1994) *Teatral'nyy Peterburg. Nachalo XVIII veka – oktyabr' 1917 goda: Obozrenie-putevoditel'* [Theatrical Petersburg. The Early 18th Century – October 1917: a Reviewing Guide Book]. St. Petersburg: RIII Publ.

Pylyaev M. I. (1889) *Staryy Peterburg. Rasskazy iz byloy zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the Former Life of the Capital]. St. Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina Publ. P. 404.

Rodina T. M. (1961) *Russkoe teatral'noe iskusstvo v nachale XIX veka* [Russian Theater Art in the Early 19th Century]. Moscow: Academy of Sciences Publ.

Sirotinin A. (1890) Pervyy teatral'nyy zhurnal v Rossii [The First Theater Magazine in Russia]. *Artist* 7: 44–47.

Starikova L. M. (1988) *Teatral'naya zhizn' starinnoy Moskvy: epokha, byt, nravy* [Theatrical Life in Old Moscow: the Epoch, Way of Life and Morals]. Moscow: Iskusstvo Publ.

Starikova L. M. (ed.) (1995) *Teatral'naya zhizn' Rossii v epokhu Anny Ioannovny: dokum. khronika* [Theatrical Life in Russia in the Era of Anna Ioannovna: Documentary Chronicles]. Moscow: Radiks Publ.

Starikova L. M. (ed.) (1995) *Teatral'naya zhizn' Rossii v epokhu Elizavety Petrovny: dokum. khronika* [Theatrical Life in Russia in the Era of Elizaveta Petrovna: Documentary Chronicles]. Moscow: Radiks Publ.

Starikova L. M. (1997) *Teatr v Rossii XVIII veka: opyt dokumental'nogo issledovaniya* [Theater in 18th Century Russia: the Experience of a Documentary Investigation]. Moscow: RAN Publ; Institute of Art Studies Publ.; Bakhrushin Theater Museum Publ.

Starikova L. M. (2013) Nemetskie komedianty u istokov russkogo teatra [German Comedians at the Origins of Russian Theater]. *Sovremennaya dramaturgiya* 3, July-September.

Stepanov M. A. (2011) Machina ludens: razmernost' novykh media [Machina Ludens: Dimensionality of New Media]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* 3 (4): 40. Available at: https://old.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2011/IJCR_03(4)_2011_Stepanov_Mashina.pdf (accessed: 08.10.2020).

Vishnevskiy V. E. (ed.) (1941) Teatral'naya periodika 1774-1917 [Theater Periodicals of 1774–1917]. In *Bibliograficheskiy ukazatel'. Ch. I: 1774–1917* [Bibliographical Index. Part I: 1774–1917]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo Publ.

Vladimirova N. B., Kulish A. P. et al. (eds.) (2005) *Khrestomatiya po istorii russkogo akterskogo iskusstva kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Reader in the History of the Russian Art of Acting at the End of the 18th – the First Half of the 19th Century]. St. Petersburg: SPGATI Publ.

References

Babintsev S. M. (1959) "Dramaticheskiy vestnik" [Dramaticheskiy Vestnik]. In *Kniga. Issledovaniya i materialy: sb. nauchn. trudov. T. 1* [The Book. Investigations and Materials: a Collection of Scientific Works]. Moscow. Pp. 253–266. (In Russian)

Bücher K. (2001) Proiskhozhdenie gazety [The Origin of the Newspaper]. In E. L. Vartanova, Ya. N. Zassursky (eds.) *Istoriya pechati. Antologiya v 2 t. T. 2*

[The History of the Press. A Reader in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Chernykh A. I. (2013) *Media i ritualy* [The Media and Rituals]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ. (In Russian)

Danilevskiy R. Yu. (1980) Nemetskie zhurnaly S.-Peterburga v 1770–1810 gg. [German Magazines of St. Petersburg in 1770–1810]. In *Russkie istochniki dlya istorii zarubezhnykh literatur: sb. issledovaniy i materialov* [Russian Sources for the History of Foreign Literatures: a Collection of Investigations and Materials]. Moscow. Pp. 76–78. (In Russian)

Dmitrievskiy V. N. (2007) *Teatr i zriteli. Otechestvennyy teatr v sisteme otnosheniy stseny i publiki: ot istokov do nachala XX veka* [Theater and Spectators. Russian Theater in the Relationships Between the Stage and the Public: from the Origins to the Early 20th Century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ. (In Russian)

Esin B. I. (2004) *Istoriya russkoy zhurnalistiki (1703–1917). Uchebno-metodicheskiy komplekt* [A History of Russian Journalism (1703–1917). A Study Kit]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)

Fomicheva I. D. (2007) *Sotsiologiya SMI* [Mass Media Sociology]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Gromov N. (1976) Reklamnaya funktsiya teatral'nykh afish i plakatov [Advertising Function of Theater Playbills and Posters]. In *Ekonomika i organizatsiya teatra: sbornik. Vyp. 4* [Theater Economics and Organization: a Collection, Issue 4]. Leningrad. Pp. 62–65. (In Russian)

Ivanov D. A. (2011) Izdaniya, repertuarnost', kritika. O mekhanizmakh kanonizatsii v russkoy komedii pervoy treti XIX veka [Publications, Repertoire, Criticism. On the Canonization Mechanisms in Russian Comedies in the First Third of the 19th Century]. In A. A. Kolganova (ed.) *Istoriya teatra v arkhivnykh i knizhnykh sobraniyakh: doklady devyatykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy "Teatral'anya kniga mezhdu proshlym i budushchim"* [Theater History in Archive and Book Collections: Reports at the 9th International Scientific Readings "Theatre Book Between the Past and the Future"]. Moscow: RGBI Publ; Tri kvadrata Publ. Pp. 9–22. (In Russian)

Kiriya I. V., Novikova A. A. (2020) *Istoriya i teoriya media* [Media History and Theory]. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Klepikov S. A. (1978) *Filigrani na bumage russkogo proizvodstva XVIII – nachala XX veka* [Watermarks on Russian-Made Paper in the 18th – Early 20th Century]. Moscow. (In Russian)

Klochkova Yu. V., Sidorenko L. Yu. (2017) Stanovlenie russkogo teatra: «komediant i publika litsom k litsu» (po memuaram P. A. Karatygina i S. P. Zhikhareva) [The Making of Russian Theatre: "the Comedian and the Public Face to Face" (Based on the Memoirs of P.A. Karatygin and S.P. Zhikharev]. In A. A. Kolganova (ed.) *Dokumenty po istorii teatra v knizhnykh i arkhivnykh sobraniyakh: Dvenadtsatye Mezhdunar. nauchnye chteniya "Teatral'naya kniga mezhdu proshlym i budushchim"* [Documents on Theatre History in Book and Archive Collections: the 12th International Scientific Readings "Theatre Book

Between the Past and the Future"]. Moscow: Russian State Library of Arts Publ. Pp. 69–83. (In Russian)

Korolev D. G. (1999) *Ocherki iz istorii izdaniya i rasprostraneniya teatral'noy knigi v Rossii XIX – nachala XX vekov* [Essays in the History of Publication and Distribution of Theatre Books in Russia of the 19th – Early 20th Century]. St. Petersburg: RNB Publ. (In Russian)

Kuzicheva A. P. (2006) *Teatral'naya kritika rossiyskoy provintsii: 1880–1917: komment. Antologiya* [Theatre Criticism of Russian Province: 1880–1917]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Lapina K. V. (2008) *Teatral'naya afisha v Rossii: opyt istorii ot vozniknoveniya do 20-kh godov XX veka*: dis. ... kand. iskusstvovedeniya [Theater Playbill in Russia: Historical Experience from Its Origin to the 1920s: PhD in Art History sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Lapshina G. S. (2015) *Iskusstvo glazami zhurnalista* [Arts As Seen by the Journalist]. Moscow: MSU Faculty of Journalism Publ. (In Russian)

McLuhan M. (2011) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: the Extensions of Man]. Moscow: Kuchkovo pole Publ. (In Russian)

Mechkovskaya N. B. (2009) *Istoriya yazyka i istoriya kommunikatsii. Ot klinopisi do Interneta* [Language History and Communication History. From Wedge Writing to the Internet]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)

Nazarov M. M. (2010) *Massovaya kommunikatsiya i obshchestvo. Vvedenie v teoriyu i issledovaniya* [Mass Communication and Society. Introduction to the Theory and Investigations]. Moscow: URSS Publ.

Nekrylova A. F. (1984) *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha. Konets XVIII – nachalo XX veka* [Russian Folk Urban Festivities, Entertainments and Spectacles]. Leningrad: Iskusstvo Publ. (In Russian)

Petrovskaya I. F. (1971) *Istochnikovedenie istorii russkogo dramaticheskogo teatra* [Source Study of the History of Russian Drama Theatre]. Leningrad: Iskusstvo Publ. (In Russian)

Salamon L. (2001) Vseobshchaya istoriya pressy [A Universal History of the Press]. In E. L. Vartanova, Ya. N. Zassursky (eds.) *Istoriya pechati. Antologiya v 2 t. T. 1* [The History of the Press. A Reader in 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Starikova L. M. (1998) Dokumental'nye utochneniya k istorii teatra v Rossii petrovskogo vremeni [Documentary Elaborations to Theatre History in Petrine Russia]. In *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. 1997* [Cultural Monuments. New Discoveries. 1997]. Moscow. Pp. 179–190. (In Russian)

Watzlawick P. (2000) *Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsiy* [Pragmaticism of Human Communications]. Moscow: EKSMO Publ. (In Russian)

Zakharov V. V. (1975) Svedeniya o nekotorykh peterburgskikh tipografiyakh [Data on Some Petersburg Printing Houses]. In *Kniga. Issledovaniya i materialy: sbornik 26* [The Book. Investigations and Materials: a Collection 26]. Moscow. Pp. 65–79. (In Russian)

Zasursky I. I. (1999) *Massmedia Vtoroy respubliki* [Mass Media of the Second Republic]. Moscow: Moscow State Univ. Publ. (In Russian)

Zemlyanova L. M. (2004) *Kommunikativistika i sredstva informatsii: Anglo-russkiy tolkovyy slovar' kontseptsiy i terminov* [Communication Studies and Information Media: English-Russian Explanatory Dictionary of Concepts and Terms]. Moscow: Moscow State Univ. Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
24.05.2021

Громова Людмила Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики, Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: l.gromova@spbu.ru

Зайнуллин Тимур Тагирович, магистрант, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: t.zainullin@spbu.ru

Зайнуллина Полина Игоревна, аспирант, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: p.zaynullina@spbu.ru

РОЛЬ МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА М. И. КУТУЗОВА: К ИСТОРИИ ДВУХ ФАКТОВ

Статья посвящена рассмотрению роли медиа в формировании образа М. И. Кутузова, в том числе в период Великой Отечественной войны. Она подготовлена на основе доклада, представленного на круглом столе «Журналистика и войны: исторический опыт» Международного научного форума «Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения» (9–12 ноября 2020 г.). Перед авторами стояла задача проанализировать популярные кейсы, связанные с личностью Кутузова, показать, как медиа участвовали в их формировании. В фокусе внимания оказались два сюжета: ранение, в результате которого полководец якобы лишился глаза, и вопрос о захоронении его сердца. Работа проводилась по материалам фондов Российской национальной библиотеки, публикациям в СМИ и документам частной коллекции. В результате исследования был сделан вывод о том, что в условиях войн обращение к образу полководца преследовало как мобилизационную цель (в условиях Великой Отечественной войны героический образ Кутузова звал на подвиг, был для воинов примером мужества), так и пропагандистскую, которая заключалась в представлении неудач первого этапа Великой Отечественной войны как этапа подготовки к контрнаступлению. Появление сюжета о захоронении сердца Кутузова на территории другого государства могло стать откликом на обострение внешнеполитической обстановки в преддверии Первой мировой войны.

Ключевые слова: *М. И. Кутузов, пропаганда, мобилизация, история.*

Liudmila P. Gromova, Doctor of Philology, Professor at the Chair of Journalism History, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia; e-mail: l.gromova@spbu.ru

Timur T. Zainullin, Master student, Institute Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg, Russia; e-mail: t.zainullin@spbu.ru

Polina I. Zainullina, PhD student, Institute Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg, Russia; e-mail: p.zaynullina@spbu.ru

THE ROLE OF MEDIA IN THE FORMATION OF THE IMAGE OF M. KUTUZOV: TO THE BACKGROUND OF TWO FACTS

This article is devoted to the role of media in the formation of the image of M. Kutuzov, in particular during the Great Patriotic War. The article was prepared on the basis of a report presented at the round table "Journalism and Wars: Historical Experience" of the International Scientific Forum "Media in the Modern World. 59th Petersburg Readings" (November 9–12, 2020). The authors were tasked with identifying the popular cases associated with Kutuzov's personality and showing how media participated in their formation. The attention was focused on two subjects related to the image of the commander: the wound, as a result of which he allegedly lost his eye, and the problem of burying his heart. The work was carried out based on materials from the funds of the Russian National Library, publications in the media, and documents from a private collection. As a result of the study, the authors conclude that in the conditions of war, the mythologization of the image of the commander pursued both a mobilization goal (during the Great Patriotic War, the heroic image of Kutuzov called for a feat, was an example of courage for soldiers) and a propaganda goal, which consisted in representing the failures of the first stage of the Great Patriotic War as a stage of preparation for a counteroffensive. The origin of the story about the burial of Kutuzov's heart on the territory of another state could be a response to the aggravation of the foreign policy situation on the eve of the First World War.

Key words: *M. Kutuzov, propaganda, mobilization, history.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.4565

Введение

Формирование образа исторической личности – продолжительный процесс. В разные периоды одна и та же личность иной раз получает совершенно разные оценки. Это может быть продиктовано как выявлением ранее неизвестных фактов, характеризующих персону, так и общественно-политической повесткой. Нередко указанный процесс сопровождается эмоциональными выступлениями или дис-

куссиями, одной из площадок для которых выступают средства массовой информации.

В данном исследовании мы выдвигаем гипотезу, что именно медиа являются ключевым звеном в формировании или трансформации образа конкретной личности. При этом порой игнорируются или даже искажаются известные факты, что может привести к созданию устойчивых недостоверных суждений.

Мы обратились к реальной исторической фигуре – герою Отечественной войны 1812 г. генералу-фельдмаршалу М. И. Кутузову, чтобы рассмотреть, как его образ был актуализирован в конкретной исторической ситуации. Цель исследования – проследить трансформацию образа М. И. Кутузова в период Великой Отечественной войны.

Учитывая специфику темы, мы ставим перед собой задачу рассмотреть несколько широко известных сюжетов на предмет соответствия реальности, провести историческое исследование, а также с опорой на исторический контекст определить возможные цели появления образа полководца в информационной повестке конкретного исторического периода. В медиапространстве вокруг его личности мы обнаружили два противоречивых сюжета. Один из них связан с ранением, в результате которого М. И. Кутузов якобы лишился глаза. Второй – с вопросом о захоронении его останков, а именно сердца.

В числе методов исследования – анализ материалов, содержащихся в газетном и журнальном фондах Российской национальной библиотеки, в частной коллекции родственника одного из участников вскрытия склепа М. И. Кутузова, а также анализ публицистических и историографических работ. Тема трансформации образа М. И. Кутузова в научном дискурсе детально не рассматривалась, тем не менее в медиадискурсе она отчасти представлена историографией конца XVIII – начала XIX вв. Наполеоновскими войнами в разное время занимались многие исследователи, в их числе Я. И. Шурыгин, интервью с которым рассматривается в настоящей статье.

Ранение М. И.Кутузова: история вопроса

История о том, что М. И. Кутузов потерял глаз в результате ранения, стала элементом массовой культуры. Упоминания об этом сегодня можно найти и в книгах, и в средствах массовой информа-

ции. Вот, например, как начинается публикация из рубрики «Вопрос–ответ» в журнале «Вокруг света»: «То, что у выдающегося русского полководца, светлого князя генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского не было правого глаза, знают все, а вот то, когда и при каких обстоятельствах он его лишился, известно, вероятно, немногим»[1].

Описание ранения также не оставляет у читателя сомнений в том, что пуля лишила военачальника глаза: «Одна из пуль попала полковнику Кутузову в левый висок, пробила пазуху носоглотки и вышла через правую глазницу, выбив глаз»[2]. В Большой советской энциклопедии прямо фигурирует глазная травма: «В 1774 под Алуштой тяжело ранен в висок и правый глаз»[3].

При этом не все авторы единодушны в вопросе «потерянного» глаза. Так, Московское отделение Российского военно-исторического общества прямо заявляет: «Кутузов не пират, повязка ему не нужна!»[4].

Пытаясь разобраться в возникновении расхождений, мы углубились в изучение источников, описывающих ранение Кутузова. Самое раннее обнаруженное нами детальное описание травмы изложено в книге «Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского», изданной в год смерти полководца в Морской типографии в Санкт-Петербурге. «Они были из них вытеснены и совершенно истреблены храбростью русских солдат и донских казаков, предводительствуемых неустрашимым и благоразумным подполковником Кутузовым, который к общему всех сожалению и сам здесь был ранен: ему пролетела пуля сквозь голову в левый висок и вышла у правого глаза, но по беспримерному счастью, не лишила его оного», – именно так описывает ранение полководца автор Ф. М. Синельников[5].

В труде Ф. М. Синельникова встречается также следующее описание: «Пуля вошла ему в левый висок и вышла у правого глаза. Сия рана была столь опасна, что по безпримерному только счастью он не лишился зрения»[6]. Там же опубликована ремарка о встрече тогда еще майора Кутузова с Фридрихом Великим: «Фридрих Великий, Король Прусский, увидев Кутузова, не мог надивиться тому, что он остался жив от такой опасной раны»[7]. Даже говоря о следующем ранении, полученном М. И. Кутузовым в 1788 г., современники сравнивали его с первым ранением: «Сия

последняя рана была не так опасна, как первая, однако и от нее он едва не умер»[8].

Уже отмечалось, что некоторые источники прямо говорят о том, что после ранения в голову полководец сохранил не только глаз, но и зрение. Вот еще один наглядный пример из книги Ф. М. Синельникова: «Кутузов от ран, полученных им во время войны с Турцией, хотя и имел правый глаз несколько поврежденным, однако он мог видеть им довольно хорошо до 1805 года. В сие время, находясь с армией в Кошове, что в Венгрии, он заметил, что оный глаз его начал закрываться»[9]. Согласно повествованию, доктора не смогли помочь полководцу, и он занялся самолечением, отыскав рецепт некой мази. И хотя лечащий врач предупреждал, что подобное лечение может обернуться потерей зрения, М. И. Кутузов настоял на своем, в результате чего и перестал видеть правым глазом: «На другой день доктор, зная дурные следствия лекарства, не смел явиться к Кутузову, но сей потребовал его к себе и на слова: Я вас предварял, что вы ничего видеть не будете, отвечал ему хладнокровно: “тем лучше, я только ускорил то, что со временем последовало бы неминуемо”»[10].

При подобном описании ранения серьезность полученной травмы не вызывает сомнений. Снаряд, прошедший сквозь голову, не мог не оставить серьезного увечья. Акцент на траекторию ранения не оставляет сомнений в том, как травма могла отразиться на М. И. Кутузове. На этом фоне информация о том, что сам зрительный орган остался на месте, выглядит противоречивой, а потому впоследствии в энциклопедическом варианте осталось простое и понятное всем ранение в висок и в глаз.

В печати, впрочем, можно встретить и иное описание ранения. Например, в газете «Русский инвалид» в ноябре 1913 г. писали, что полководец получил увечье, находясь в первых рядах со знаменем в руках, а пуля прошла через голову навылет, но «меж глаз»[11]. Подчеркнем, что сам факт ранения не вызывает никаких сомнений, однако, как мы видим, даже к вековому юбилею со дня смерти полководца официальная газета Военного министерства публикует материал с описанием ранения, сильно отличающимся от того, что публиковались ранее.

Сегодня ранее проигнорированный контекст позволяет регулярно выпускать публикации о том, что глаз удалось сохранить[12], однако ни призывы историков, ни ссылки на источники оказались не способны развенчать ложную информацию. Одну их клю-

чевых ролей в закреплении образа полководца с черной повязкой на глазу, на наш взгляд, сыграла киноленты «Кутузов», снятая режиссером Владимиром Петровым в 1943 г.

Образ полководца с постоянно закрытым глазом (а после и с пиратской повязкой на глазу) не просто удачный визуальный ход, создающий запоминающийся портрет, – в условиях Великой Отечественной войны образ Кутузова, вероятно, транслировал очень важное сообщение: даже после тяжелого ранения, даже с увечьем можно вернуться на фронт.

Сильный эмоциональный фон позволил полностью игнорировать известный и доступный контекст: различные портреты (в том числе кисти Джорджа Доу из Военной галереи 1812 г. Государственного Эрмитажа), на которых нет повязки, и даже письма военачальника к дочери Елизавете, в которых он четко пишет: «Пишу тебе рукою Кудашева, потому что глаза мои очень утомлены; не думай, что они у меня болят; нет, они только устали от чтения и письма по случаю вновь одержанных побед»[13]. Кинообраз оказался настолько запоминающимся, что «Кутузов-пират» снова появляется на больших экранах в «Гусарской балладе»: черная повязка становится распространенным атрибутом актеров, играющих Михаила Илларионовича в различных постановках, образ одноглазого полководца регулярно возникает на портретах, а также в иллюстрациях различных книг[14].

Стоит отметить, что к моменту появления киноленты «Кутузов» в Советском Союзе уже существовал успешный опыт создания кинофильмов, посвященных великим полководцам прошлого. К ним можно отнести фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», а также киноленту Михаила Доллера и Всеволода Пудовкина «Суворов». Все картины были отмечены Сталинскими премиями[15]. Кроме того, уже в 1942 г. были учреждены ордена Александра Невского, Суворова и Кутузова[16]. При создании первого использовался образ актера Николая Черкасова, сыгравшего князя в одноименной картине[17]. Все эти кинофильмы напрямую отсылали зрителя к историческим победам русского оружия на европейском направлении.

В 1942 г., за год до выхода киноленты Петрова, М. И. Кутузов уже появлялся на агитационном материале: на плакате Петра Александровича Алякринского цитату Иосифа Сталина «Пусть вдохновляет вас в этой борьбе мужественный образ наших вели-

ких предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова» обрамляют портреты полководцев. При этом повязки на лице М. И. Кутузова еще нет. Речь, из которой приведена цитата, была произнесена Иосифом Сталиным в день 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и опубликована в газете «Правда»[18] (см. рис. 1).



Рисунок 1. Плакат. Алякринский П. А. Пусть вдохновляет вас в этой борьбе мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Сталин. 1942 г. Источник: сайт «Новгородский музей-заповедник» novgorod-iss.kamiscloud.ru

1 сентября 1942 г. в «Правде» опубликован материал «1812 – Бородинская битва – 1941», в котором проводится прямая параллель между Отечественной войной 1812 г. и Великой Отечественной войной, М. И. Кутузов назван «великим», а его решение оставить Москву – «большой жертвой», оказавшейся оправданным решением[19]. Читателя знакомят с полководцем, описывая его статую, которая, по словам автора, прекрасно пе-

редавала характер генерала: «выражала спокойствие и невозмутимую уверенность»[20].

На наш взгляд, запоминающийся образ полководца также помог привлечь внимание к истории Отечественной войны. Это, в свою очередь, позволило представить первоначальные успехи немецко-фашистских войск не следствием ошибок со стороны советского командования, а частью оборонительной стратегии, рассчитанной на предстоящее контрнаступление. Закреплялась параллель с войной 1812 г., на первых этапах которой верх одерживали наполеоновские войска. М. И. Кутузов стал фигурой, которая помогла выстроить эту аллюзию. В 1947 г. в журнале «Большевик» было опубликовано письмо И. В. Сталина историку Евгению Разину, в котором верховный главнокомандующий вооруженных сил СССР затрагивает тему войны 1812 г.: «Энгельс говорил как-то, что из русских полководцев периода 1812 года генерал Барклай-де-Толли является единственным полководцем, заслуживающим внимания. Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был, бесспорно, двумя головами выше Барклая-де-Толли» (1997: 23).

Далее, комментируя труд Е. А. Разина, в числе недостатков работы он указывает излишнюю похвалу в свой адрес, а также отсутствие раздела про контрнаступление, который мог бы объяснить читателю, что продвижение противника в глубь страны на первом этапе вооруженного конфликта укладывается в теорию военной науки. «Режут слух дифирамбы в честь Сталина, – просто неловко читать. Отсутствует отдел о контрнаступлении (не смешивать с контратакой). Я говорю о контрнаступлении после успешного наступления противника, не давшего, однако, решающих результатов, в течение которого обороняющийся собирает силы, переходит в контрнаступление и наносит противнику решительное поражение. Я думаю, что хорошо организованное контрнаступление является очень интересным видом наступления. Вам как историку следовало бы поинтересоваться этим делом. Еще старые парфяне знали о таком контрнаступлении, когда они завлекли римского полководца Красса и его войска в глубь своей страны, а потом ударили в контрнаступление и загубили их. Очень хорошо знал об этом также наш гениальный полководец Кутузов, который загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления», – дела-

ет вывод Сталин, несомненно имея в виду и ход событий недавно закончившейся войны (1997: 23, 24).

Дискуссия о захоронении сердца полководца

Известная советская песня середины 1960-х гг. «Сердце Кутузова» на стихи Е. А. Долматовского повествует о том, что полководец перед смертью завещал захоронить его сердце отдельно от тела: «На родине прах мой заройте, а сердце – у старой саксонской дороги»[21]. Впоследствии сердце обретает вторую жизнь в период Великой Отечественной войны, когда в ходе тяжелого боя у стен Бориславца (в прошлом – Бунцлау) разведчики находят «могилы друзей и Кутузова сердце»[22]. Произведение завершается следующими строками: «Давно заросли блиндажи и окопы, атаки далеки. Для мира поставлены в центре Европы Советские полки! Достойно несут свою службу гвардейцы на самом на дальнем пороге, и слышно, как бьется Кутузова сердце у старой саксонской дороги!»[23]. Через эту метафору советские военнослужащие представляются как миротворцы, преемники дела Кутузова. Сам полководец становится своего рода покровителем солдат, который оставил свое сердце на чужбине, чтобы делить «победы и тревоги» с сынами России.

Мемориал, о котором идет речь в стихотворении, появился в 1945 г. по решению Военного совета 1-го Украинского фронта[24]. И сегодня там можно увидеть плиту, на которой прямо указано: «Здесь покоится сердце Михаила Илларионовича Кутузова, великого русского патриота и полководца, войска которого освободили свою родину от наполеоновского нашествия. 1812–1813.» (рис. 2). Позднее у этого мемориала маршал К. К. Рокоссовский принимал участие в торжествах по случаю 200-летия со дня рождения Кутузова. Фотография указанного события в книге В. И. Кардашова «Рокоссовский» подписана следующим образом: «К. К. Рокоссовский возлагает венок на могилу, где было похоронено сердце Кутузова. Бунцлау...»[25].



Рисунок 2. Мемориал в г. Болеславец.
Источник: сайт «Музей Рязанской области» musrzn.ru

Также стоит отметить, что даже в Большой советской энциклопедии сказано, что смерть Кутузова произошла «в небольшом силезском городке Бунцлау, где похоронено его сердце, а тело забальзамировано и отправлено в Петербург, где погребено в Казанском соборе»[26]. Таким образом, можно утверждать, что информация об отдельном захоронении сердца полководца в Советском Союзе была распространена достаточно широко.

При этом в более поздний период вопрос захоронения сердца М. И. Кутузова снова поднимается в СМИ. Так, в декабре 1969 г. в эфире Ленинградского радио журналист Л. Е. Маграчёв провел эфир с участием известного петербургского исследователя жизни Кутузова, автора работ о Казанском соборе Я. И. Шурыгина[27]. Необходимо отметить, что в самом начале эфира журналист подчеркивает, что вопрос о месте захоронения сердца «до сих пор очень волнует ученых».

Я. И. Шурыгин подробно рассказал журналисту о похоронах и прощании с полководцем, отметив, что после смерти тело М. И. Кутузова было забальзамировано, внутренние органы – кроме сердца – были захоронены на кладбище в трех километрах от Бунцлау, а сердце было также забальзамировано в серебряном сосуде цилиндрической формы и помещено в гроб вместе с телом. При этом исследователь отмечает, что «легенда» о захоронении сердца на кладбище у деревни Тиллендорф в трех километрах от Бунцлау появилась спустя годы после смерти М. И. Кутузова. Я. И. Шурыгин предположил, что легенда возникла в 1913 г., когда отмечалось столетие со дня смерти военачальника. При этом он подчеркивает, что «легенда была подхвачена прессой» и «появляется сообщение об этом в Военно-историческом журнале и других источниках». Исследователь привел в пример труды, изданные уже в середине XX в., которые закрепляли в общественном сознании историю с раздельным захоронением тела и сердца: опубликованный в 1944 г. в Москве очерк жизни фельдмаршала «Полководец Кутузов» М. Г. Брагина, а также книгу Л. Н. Пунина «Фельдмаршал Кутузов», увидевшую свет в Москве в 1957 г. При этом Я. И. Шурыгин подчеркивал, что лично он убежден в том, что сердце фельдмаршала покоится в Казанском соборе. Сам Л. Е. Маграчёв поддержал позицию своего гостя и поведал, что ему довелось лично встретиться с человеком, который своими глазами видел сердце М. И. Кутузова в Казанском соборе. Далее в эфире включают пленку с рассказом ленинградского пенсионера, «старого большевика» Б. Н. Сокротилина:

«Да, я действительно держал сердце фельдмаршала Кутузова в своих руках. Это было в 1934 году. Меня вызвал Сергей Мироныч Киров, я тогда работал помощником начальника милиции города и области. Сергей Мироныч предложил мне, да вперед спросил: “Знаешь, где Кутузову памятник?”. “Знаю, – говорю, – Сергей Мироныч, поскольку занимаюсь благоустройством города”. Так вот, под Казанским собором находится его могила – склеп. Есть

сведения, что в склепе хранится жезл фельдмаршала Кутузова, ордена и прочие регалии того времени. Надо будет изъять эти все регалии, и мы в музей какой-нибудь ленинградский поместим все это, что будет найдено. Я взял рабочих каменщиков, ну и поехал в Казанский собор. Там в это время находился старослужащий, который чуть ли не с 1903 г. работал в Казанском соборе каким-то прислужником. Пожилой человек уже. Я у него спросил: где здесь находится склеп Кутузова. Он меня спросил – зачем Вам? Я ему объяснил. Он – пожалуйста. Повел нас вниз. Внизу очень большое помещение под Казанским собором. Вот он подвел нас к склепу. Это кирпичное сооружение. Мы были с фонарями, посмотрели, и вот на одной из сторон этого склепа чувствовалось что-то такое, какая-то кладка такая – не старая. Каменщики походили-походили и говорят, давайте здесь будем вскрывать. Хорошо, вскрывайте. Быстро вскрыли, зашли в склеп. Это большая комната, посередине этой комнаты на постаменте стоял гроб Кутузова. Как сейчас помню, дубовый, очень большой. Ну посмотрели, помолчали, потом решили поднять крышку. Крышка уже была не привинчена и свободно поднялась. Там оказался прах Кутузова: покрыт какой-то парчой или кисеей... сейчас я не помню. Хорошо сохранившийся костяк. Ну и вот, увидели Кутузова в мундире с эполетами, в ботфортах. Как сейчас помню, лакированные ботфорты, сапоги. Я взял, попробовал ботфорту, у меня рассыпалась кожа. Ну, значит, решили в первую очередь искать маршальский жезл. Ничего там не оказалось – ни орденов, ни жезла. Нашли банку, большую банку, серебряную, как потом оказалось. Взял ее в руки, посмотрел. Подумал, что это такое. Попробовал ее так и вверх, и вниз. Там что-то плескалось. Ну, попробовал ее вскрыть, не вскрывается. Поднялись наверх, я спрашиваю сторожа, что это за штука? А это, говорит, сердце Кутузова. То есть как сердце? Сердце Кутузова в Восточной Пруссии, а он мне говорит, да это все ерунда, это пишут. Сердце Кутузова в гробу было и осталось. Ну, говорю, как бы посмотреть, убедиться, что это действительно сердце? Он говорит, а вы попробуйте, отверните. Я попробовал, ничего не получается. Взял у меня один инспектор, скажем так более сильный в руках, отвернул крышку, ну посмотрел. Внутри оказался спирт и там лежало сердце Кутузова. Посмотрели мы все, крышку я снова завинтил, вернули ее на старое место, в гроб положили. Ну, а потом заложили этот проем. Я вновь поднялся наверх, спросил у этого самого служителя: что вы можете сказать, почему вот эта кладка

оказалась свежей. Он мне на это ответил, что до вас настоятель Казанского собора по фамилии Орнатский вскрывал, для того чтобы изъять ценности из гроба Кутузова. Что они взяли, сколько взяли этого служитель не знал. Дальше в разговоре выяснилось, что у Орнатского был брат, моряк, офицер, что вот этот офицер вместе с другими офицерами являлись заговорщиками против советской власти. Они в склепе хранили оружие, затем были все арестованы, оружие изъято ЧК. Вот на этом и кончилась вся эпопея со вскрытием гроба Кутузова»[28].

Прослушав запись рассказа Б. Н. Сокротилина, Я. И. Шурыгин в эфире рассказал, что ранее ему не были известны озвученные факты. То есть в декабре 1969 г. факт вскрытия могилы полководца в 1930-х гг. не был широко известен даже в научных кругах. Трудно сразу принять на веру рассказ самопровозглашенного очевидца, тем более что и последовавшие уже в XXI в. научные статьи, затрагивающие тему сердца Кутузова, также ссылаются на интервью Б. Н. Сокротилина, но уже более позднее, опубликованное в газете «Ленинградская правда» в 1977 г. (Помпеев, 2012: 33) При этом оба интервью во многом противоречат друг другу – начиная от года вскрытия могилы до ведомственной принадлежности Б. Н. Сокротилина. Так что обратимся к более ранним источникам.

Как известно, М. И. Кутузов скончался 16 (28) апреля 1813 г. Обстоятельства смерти, прощания и захоронения полководца имеют подробное описание. Так, в ранее упомянутом труде Ф. М. Синельникова отдельный блок информации посвящен вскрытию полководца: «Между тем, на другой день по кончине Светлейшего Князя, вскрыто было тело его, и найдено, что внутренности его так были перепутаны, что самые доктора почитали чудесами, как он мог столь долго жить при такой болезни, от которой люди в самых цветущих летах умирают. Сверх того, сердце в нем оказалось удивительной величины. Подобное было, по свидетельству очевидцев, только у фельдмаршала Румянцева»[29]. Итак, увеличенное сердце сразу привлекло внимание. Стоит отметить, что процесс перевозки тела фельдмаршала в Санкт-Петербург также детально описан в труде «Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала, князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского», в котором нет упоминания о том, что сердце было захоронено отдельно[30].

Кроме того, внимания заслуживают и военные донесения того времени. Так, в Сборнике документов и материалов «Русские полководцы», опубликованном в Военном издательстве Министерства обороны СССР, представлено несколько документов, связанных со смертью Кутузова и памятными мероприятиями: письмо начальника военной канцелярии М. И. Кутузова Е. Б. Фукса о кончине фельдмаршала[31], рапорт о следовании с телом М. И. Кутузова из Бунцлау в Полангген[32], приказ С. К. Вязмитинова об организации военного парада в связи с доставлением тела М. И. Кутузова в Санкт-Петербург[33] и даже письмо коменданта Бунцлау о желании местных жителей воздвигнуть памятник М. И. Кутузову[34]. При этом никаких свидетельств о траурных мероприятиях, связанных с захоронением сердца (или о самом его захоронении) обнаружить не удалось.

В вышеупомянутом эфире Я. И. Шурыгин предположил, что легенда возникла в 1913 г. и появилась в том числе на страницах «Военно-исторического журнала». На наш взгляд, именно этот тезис о становлении легенды и стали тиражировать впоследствии, причем без ссылки на автора. Нам удалось найти упоминание инициативы по перезахоронению сердца М. И. Кутузова в Москве в номере «Журнала Императорского русского военно-исторического общества», изданном в декабре 1913 г. В краткой заметке «Сердце Кутузова» утверждается, что тело полководца «было перевезено после анатомирования в Петербург и погребено в Казанском соборе, а сердце положено в свинцовый гробик и оставлено в городе Бунцлау, где и похоронено на местном кладбище»[35]. Также сообщается о ходатайстве одного из членов кружка ревнителей памяти Отечественной войны о «перевезении сердца Кутузова в сердце России – Москву для погребения в храме Христа Спасителя»[36]. Именно это ходатайство, возможно, и стало отправной точкой в формировании сюжета, который нашел свое отражение в прессе.

В декабре 2020 г. в музейном пространстве Нарвских триумфальных ворот в Санкт-Петербурге открылась выставка «Сердце Кутузова». Экспозиция отражала сюжет одноименной сказки писателя Бориса Николаевича Сергуненкова[37], в которой повествуется о том, как в годы Великой Отечественной войны ученые пытаются отыскать сердце полководца, помещенное после его смерти в серебряный сосуд. Цель поисков указана прямо: «чтобы увидели враги сердце храброго русского полководца и от страха побежа-

ли»[38]. Сам писатель уже несколько лет не общается с представителями СМИ, однако его супруга К. Г. Претро подтвердила, что на написание сказки Бориса Николаевича вдохновили именно журналистские публикации, появлявшиеся в ленинградской прессе в конце 1960-х.

Мы видим, что публикация о месте захоронения сердца М. И. Кутузова с годами трансформировалась в устойчивое суждение, которое не смогли поколебать даже изыскания столь авторитетных ученых, как Я. И. Шурыгин, и рассказ возможного участника вскрытия могилы Б. Н. Сокротилина.

Возвращаясь к рассказу Б. Н. Сокротилина, следует отметить, что в одном петербургском частном собрании нам удалось найти копию акта о вскрытии склепа М. И. Кутузова. В нем подробно описаны само захоронение, а также факт наличия в гробу серебряного сосуда с сердцем. Примечательно, что в документе фигурирует другой сотрудник ОГПУ, а не вышеупомянутый «старый большевик», которому лично С. М. Киров якобы получил поиски маршальского жезла героя Отечественной войны. В акте указано, что «весь процесс вскрытия был “зафотографирован”»[39] (рис. 3). Приведем текст указанного акта.

«Акт

Ленинград 1933 год сентября 4 дня комиссия в составе: директора Музея Истории Религии Академии Наук СССР – проф. Богораз-Тана В. Т., ученого секретаря музея Баканова В. Л., заведующего фондами музея Воронцова К. Ф. в присутствии представителя от ПП ОГПУ тов. Бараздина П. Я. составили настоящий акт о нижеследующем:

Вскрыт склеп, в котором захоронен Кутузов М. И. Склеп находился в подвальном помещении музея. По вскрытии склепа обнаружен сосновый гроб (обтянутый красным бархатом с золотым позументом), в котором оказался цинковый гроб, завинченный болтами, внутри которого обнаружен костяк с остатками сгнившей материи. Слева в головах обнаружена серебряная банка, в которой находится набальзамированное сердце. Весь процесс вскрытия был зафотографирован — было произведено 5 снимков.

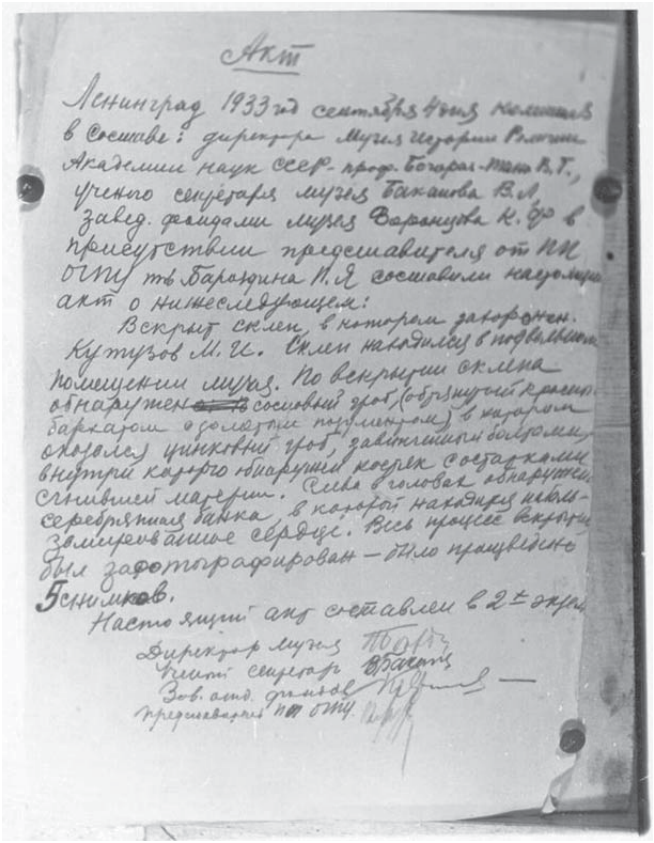
Настоящий акт составлен в 2-х экземплярах.

Директор музея (подпись)

Ученый секретарь(подпись)

Зав. отд.фондов (подпись)

Представитель ПП ОГПУ (подпись)»


Акт

Ленинград 1933 год сентября 4 дня комиссия в составе: директора Музея Истории Религии Академии наук СССР - проф. Богораз-Тан В. Г., ученого секретаря музея Бакашева В. А., завед. фондами музея Воронцова К. Ф. в присутствии представителя от НКВД тов. Бородина П. Я. составили настоящий акт о нижеследующем:

Вскрыт склеп, в котором захоронен Кутузов М. И. Склеп находился в подвальном помещении музея. По вскрытии склепа обнаружен сосновый гроб, обтянутый красной бархатом и золотым позументом, в изголовьи которого около [illegible] цинковый гроб, завинченный болтами, внутри которого обнаружен корпус сосудистый сгнивший материя. Слева в головах обнаружена серебряная банка, в которой находилось мумифицированное сердце. Весь процесс вскрытия был зафотографирован — кино и фотоснимков.

Настоящий акт составлен в 2 экземплярах.

Директор музея
Ученый секретарь
Зав. отд. фондов
представитель НКВД

Рисунок 3. Фотография акта о вскрытии склепа М. И. Кутузова (из частного собрания)

В том же собрании нам удалось найти фотографию открытого гроба М. И. Кутузова, в изголовье которого лежит серебряный сосуд, в котором, согласно акту, и покоилось на момент вскрытия склепа сердце полководца (рис. 4). На фотографии отчетливо видно, что лицевые кости, в том числе глазницы, не повреждены.



Рисунок 4. Фрагмент снимка вскрытого гроба М. И. Кутузова (из частного собрания). Сам снимок не публикуется по этическим соображениям

Таким образом, мы получили весомое доказательство того, что истории с утраченным глазом и захороненным за пределами России сердцем – ложные и сформировались при непосредственном участии журналистов.

Выводы

В ходе исследования мы изучили различные материалы, связанные с ранением М. И. Кутузова в глаз и захоронением его сердца, более чем за два века, фиксируя трансформацию линии повествования в публичном пространстве. При этом столкнулись с тем, что не только различные источники противоречат друг другу, но даже предполагаемый свидетель вскрытия могилы полководца давал туманные показания, которые получили отражение в СМИ, правда спустя уже несколько десятилетий. На наш взгляд, в совокупности это привело к тому, что даже авторитетные ученые не смогли развенчать недостоверные сюжеты о М. И. Кутузове.

Нам удалось обнаружить фотографию, запечатлевшую открытый гроб полководца, в изголовье которого хранился цилиндрический сосуд, и в нем, согласно приведенному акту, находилось забальзамированное сердце. Кроме того, на фотографии видны неповрежденные глазницы. Это стало очередным доказательством того, что информация о ранении в глаз с повреждением костей черепа, а также о захоронении сердца в Бунцлау не соответствуют действительности.

Проследив этапы формирования двух сюжетов, связанных с М. И. Кутузовым, мы определили, что их существование в условиях войны не только играло патриотическую роль, но и позволило представить стремительное продвижение немецко-фашистских войск по территории СССР на первом этапе войны не как провал со стороны советского командования, а как часть стратегии контрнаступления, которая в перспективе и привела к Победе. Также актуализация образа М. И. Кутузова в период Великой Отечественной войны, на наш взгляд, послужила формированию облика советских солдат как правопреемников освободительного дела выдающегося полководца и его воинов.

Примечательно, что все этапы реализации каждого из сюжетов были тесно связаны с внешнеполитическими событиями. И если кинолента «Кутузов» снималась и увидела свет непосредственно во время войны, то зародившаяся инициатива по захоронению сердца М. И. Кутузова в «сердце России» могла стать общественным откликом на надвигающиеся события в контексте ухудшавшихся отношений Российской империи с Германией и Австро-Венгрией.

Примечания

[1] Как Кутузов потерял глаз? Режим доступа: http://www.vokrugsveta.ru/quiz/245/ (дата обращения: 01.06.2020).

[2] Там же.

[3] Кутузов Михаил Илларионович // Большая советская энциклопедия. Режим доступа: https://slovar.cc/enc/bse/2010271.html (дата обращения: 01.06.2020).

[4] *Подмазо А.* Кутузов не пират, ему повязка на глазу не нужна! Режим доступа: http://rvio77.ru/proekt/kutuzov.html (дата обращения 01.06.2020).

[5] *Синельников Ф.* Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала, князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, с достоверным описанием частной или домашней его жизни от самого рождения до славной его кончины и погребения и с присовокуплением анекдотов, где виден дух сего великого мужа и спасителя отечества, с верным и сходственным его портретом, с картинами и планами сражений: в 6. ч. Ч. 1–3. СПб.: Морская типография, 1813. С. 33.

[6] *Синельников.* Указ. соч. С. 33.

[7] Там же. С. 24.

[8] Там же. С. 25.

[9] Там же. С. 50.

[10] Там же. С. 51.

[11] *Соколовский М.* Храбрейшие из храбрых // Русский инвалид: ежедневная военная газета. СПб.: Типография Главного управления уделов. 1913. № 253. С. 4.

[12] Где Кутузов потерял правый глаз? Режим доступа: https://www.kuban.kp.ru/daily/26108.5/3005246/ (дата обращения 01.06.2020).

[13] Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский: его письма к своей дочери гр. Е. М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово. 1803–1813 гг. Сообщ. Графиня Е. Ф. Тизенгаузен // Русская старина: ежемесячное историческое издание. СПб.: Типография В. С. Балашева. 1874. Том X. С. 371–372.

[14] *Подмазо А.* Указ. соч.

[15] *Свиньин В., Осеев К.* Сталинские премии: две стороны одной медали: сб. док. и худож.-публ. мат. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007.

[16] Об учреждении военных орденов: Ордена Суворова первой, второй и третьей степени, Ордена Кутузова первой и второй степени и Ордена Александра Невского // Правда. 1942. № 211. Июль, 30. С. 1.

[17] *Трофименков М.* Человек-орден // Коммерсантъ. 2003. № 132. Июль, 29. С. 14.

[18] Речь председателя государственного комитета обороны и народного комиссара обороны тов. И. В. Сталина на Красной площади в день празднования 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1941. № 310. Ноябрь, 8. С. 1.

[19] 1812 – Бородинская битва – 1941 // Правда. 1942. № 250. Сент., 7. С. 3.

[20] Там же.

[21] Сердце Кутузова (аудиофайл). Режим доступа: https://music.yapl.ru/song/1447/ (дата обращения: 01.06.2020).

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] *Михеенков С. Е.* Конев. Солдатский маршал. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 112.

[25] *Кардашов В. И.* Рокоссовский. М.: Молодая Гвардия, 1980. С. 384–385.

[26] Кутузов Михаил Илларионович // Большая советская энциклопедия. Режим доступа: https://slovar.cc/enc/bse/2010271.html (дата обращения: 01.06.2020).

[27] Интервью с Я. И. Шурыгиным Л. Е. Маграчёва на Ленинградском радио (декабрь 1969 г.). Режим доступа: http://staroeradio.com/audio/37687 (дата обращения: 01.06.2020).

[28] Там же.

[29] *Синельников.* Указ. соч. С.159.

[30] *Синельников.* Указ. соч. 159–191.

[31] М. И. Кутузов // Материалы по истории русской армии. Русские полководцы: сб. документов / под ред. *Л. Г. Бескровного*. Т. 5. М.: Воениздат, 1956. С. 577.

[32] Там же. С. 564.

[33] Там же. С. 569–570.

[34] Там же. С. 571.

[35] Сердце Кутузова // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. М.: Совет Русского военно-исторического общества. 1913. № 12. С. 576.

[36] Там же.

[37] В Петербурге открыли выставку «Сердце Кутузова» к 275-летию со дня рождения полководца. Режим доступа: https://tass.ru/kultura/10179697 (дата обращения: 10.01.2021).

[38] *Сергуненков Б. Н.* Сердце Кутузова. Л.: Детская литература, 1980. С. 5

[39] Фотографии, представленные на рисунках 3 и 4, использованы и опубликованы с разрешения владельца частного собрания.

Библиография

Помпеев Ю. А. Сердце Кутузова // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ин-та культуры. 2012. № 4 (13).

Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997.

Notes

1812 − Borodinskaya bitva – 1941 [1812 − the Battle of Borodino − 1941] (1942) *Pravda* 250, 7 September: 3.

Beskrovnyy L. G. (ed.) (1956) M. I. Kutuzov. In *Materialy po istorii russkoy armii. Russkie polkovodtsy: sb. dokumentov. T. 5* [Materials on the History of the Russian Army. Russian Military Commanders: a Collection of Documents. Vol. 5]. Moscow: Voenizdat Publ. P. 577.

Gde Kutuzov poteryal pravyy glaz? [Where Did Kutuzov Lose His Right Eye?]. Available at: https://www.kuban.kp.ru/daily/26108.5/3005246/ (accessed: 01.06.2020).

Interv'yu s Ya. I. Shuryginym L. E. Magracheva na Leningradskom radio (dekabr' 1969 g.) [L.E. Magarachev's Interview with Ya.I. Shurygin on Leningrad Radio (December 1969)]. Available at: http://staroeradio.com/audio/37687 (accessed: 01.06.2020).

Kak Kutuzov poteryal glaz? [How Did Kutuzov Lose His Eye?]. Available at: http://www.vokrugsveta.ru/quiz/245/ (accessed: 01.06.2020).

Kardashov V. I. (1980) *Rokossovskiy*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. Pp. 384–385.

Knyaz' M. I. Golenishchev-Kutuzov-Smolenskiy: ego pis'ma k svoey docheri gr. E. M. Tizengauzen, vo vtorom zamuzhestve Khitrova. 1803–1813 gg. Soobshch. grafinya E. F. Tizengauzen (1874) [Prince M. I. Golenishchev-Kutuzov-Smolenskiy: His Letters to His Daughter, Countess E. M. Tizengauzen, in the Second Marriage Khitrova. 1803–1813. Reported by Countess E. F. Tizengauzen]. In *Russkaya starina: ezhemesyachnoe istoricheskoe izdanie. Tom X* [Russian Old Times: a Monthly Historical Publication. Vol. 10]. St. Petersburg: Tip. V. S. Balasheva. Pp. 371–372.

Kutuzov Mikhail Illarionovich. In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Big Soviet Encyclopedia]. Available at: https://slovar.cc/enc/bse/2010271.html (accessed: 01.06.2020).

Mikheenkov S. E. (2013) *Konev. Soldatskiy marshal* [Konev. Soldiers' Marshal]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. P. 112.

Ob uchrezhdenii voennykh ordenov: Ordena Suvorova pervoy, vtoroy i tret'ey stepeni, Ordena Kutuzova pervoy i vtoroy stepeni i Ordena Aleksandra Nevskogo [On the Establishment of Military Orders: Order of Suvorov, First, Second and Third Class, Order of Kutuzov, First and Second Class and Order of Alexander Nevsky] (1942) *Pravda* 211, 30 July: 1.

Podmazo A. *Kutuzov ne pirat, emu povyazka na glazu ne nuzhna!* [Kutuzov Is Not a Pirate, He Does Not Need a Bandage over His Eye]. Available at: http://rvio77.ru/proekt/kutuzov.html (accessed: 01.06.2020).

Rech' predsedatelya gosudarstvennogo komiteta oborony i narodnogo komissara oborony tov. I.V. Stalina na Krasnoy ploshchadi v den' prazdnovaniya 24-y godovshchiny Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [The Speech of Chairman of the State Committee for Defense and People's Commissar of Defense Comrade I.V. Stalin in Red Square on the Day of the 24th Anniversary of the Great October Socialist Revolution]. (1941) *Pravda* 310, 8 November: 1.

Serdtse Kutuzova (audiofayl) [Kutuzov's Heart (audio file)]. Available at: https://music.yapl.ru/song/1447/ (accessed: 01.06.2020).

Serdtse Kutuzova [Kutuzov's Heart] (1913) *Zhurnal Imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva* 12: 576.

Sergunenkov B. N. (1980) *Serdtse Kutuzova* [Kutuzov's Heart]. Leningrad: Detskaya literature Publ. P. 5.)

Sinel'nikov F. (1813) *Zhizn', voennye i politicheskie deyaniya ego svetlosti general-fel'dmarshala, knyazya Mikhaila Larionovicha Golenishcheva-Kutuzova-Smolenskogo, s dostovernym opisaniem chastnoy ili domashney ego zhizni ot samogo rozhdeniya do slavnoy ego konchiny i pogrebeniya i s prisovokupleniem anekdotov, gde viden dukh sego velikogo muzha i spasitelya otechestva, s vernym i skhodstvennym ego portretom, s kartinami i planami srazheniy. V 6 ch. Ch. 1–3* [Life, Military and Political Deeds of His Grace Field-Marshal-General Prince Mikhail Larionovich Golenishchev-Kutuzov-Smolensky, with a True Description of His Private Life from Birth to Glorious Demise and Burial and with Anecdotes Showing the Spirit of This Great Man and Savior of Motherland, with a Correct Portrait of His, with Pictures and Plans of Battles. In 6 parts. Parts 1-3]. St. Petersburg: Morskaya tip. Publ. P. 33.

Sokolovskiy M. (1913) Khrabreyshie iz khrabrykh [The Bravest of the Brave]. *Russkiy invalid: ezhednevnaya voennaya gazeta* 253: 4.

Svin'in V., Oseev K. (2007) *Stalinskie premii: dve storony odnoy medali. Sbornik dokumentov i khudozhestvenno-publitsisticheskikh materialov* [Stalin's Prizes: Two Sides of the Same Coin. A Collection of Documents and Literary and Journalistic Works]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya Publ.

Trofimenkov M. (2003) Chelovek-orden [Man and Order in One]. *Kommersant"* 132, 29 July: 14.

V Peterburge otkryli vystavku «Serdtse Kutuzova» k 275-letiyu so dnya rozhdeniya polkovodtsa [In Petersburg, They Opened the Exhibition "Kutuzov's Heart" Dedicated to the 275th Anniversary of the Military Commander's Birth]. Available at: https://tass.ru/kultura/10179697 (accessed: 10.01.2021).

References

Pompeev Yu. A. (2012) Serdtse Kutuzova [Kutuzov's Heart]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 4 (13). (In Russian)

Stalin I. V. (1997) *Sochineniya. T. 16* [Writings. Vol. 16]. Moscow: Pisatel' Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
08.02.2021

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И СМИ

Сидорова Светлана Юрьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и методики редактирования, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: sidorova_su@mail.ru

«МЕДЛЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ»: МЕЖДУ ИЗОБРАЖЕНИЕМ И СЛОВОМ

В статье рассматривается актуальный феномен «медленной фотографии» как формы «медленной культуры», чрезвычайно востребованной сегодня в медиа. Анализируются реконструктивный и креативный подходы в области создания «медленной фотографии» на примере работ фотографов XX–XXI вв. Франсуа-Мари Банье, Адама Брумберга и Оливье Чанарина, Игоря Клепнёва, помещающих литературное письмо и рисунок поверх фотографии. Линейные и нелинейные связи многомерного фотоконтекста, плотность которого достигает максимальной концентрации при одновременном использовании кодов нескольких знаковых систем, усложняет и замедляет процесс декодирования такого текста для читателя–зрителя. Соотношение в фотоконтексте категорий пространства и времени (вопрос «псевдовремени» и пространственного «зазора», категории остановившегося и длящегося), ценностная парадигма смыслов, заложенных в фотоисториях и фоторисунках (проблема культивации памяти и «выхода из памяти»), становятся предметом изучения в статье. В результате место «медленной фотографии» осознается как пороговое между литературой и живописью и как промежуточное между документальным и художественным в современном медиапространстве.

Ключевые слова: *«медленная фотография», «медленные медиа», время, код, слово, образ, фотоконтекст.*

Svetlana Yu. Sidorova, PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Chair of Theory and Methods of Editing, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: sidorova_su@mail.ru

SLOW PHOTOGRAPHY: BETWEEN THE IMAGE AND THE WORD

The article examines the current phenomenon of 'slow photography' as a form of 'slow culture', which is currently in great demand in the media. Two approaches to the creation of 'slow photography' are considered: reconstructive and creative ones. The article interprets the works of the 20th–21st century photographers who use literary writing and drawing over photography: François-Marie Banier, Adam Broomberg & Oliver Chanarin, Igor Klepnev. The author analyzes linear and

nonlinear relationships of multidimensional photographic text, whose density reaches maximum concentration when using codes of several sign systems, which complicates and slows down the process of creating and decoding such a text for the reader/viewer. The relationship between the categories of space and time in photo text is studied (in particular, the issue of 'pseudo-time' and spatial 'gap'; the categories of being still and lasting). The article also presents the value paradigm of meanings embedded in the photo stories and photo drawings (in particular, the problem of cultivating memory and 'getting out of memory'). As a result, the place of 'slow photography' in the modern media space is defined as the threshold one – between literature and painting, and also as the intermediate one – between the documentary and the artistic.

Key words: *slow photography, slow media, time, code, word, image, photo text.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.6694

Степень разработанности проблемы и ее актуальность

Вопрос о необходимости замедления процессов производства и потребления СМИ обсуждается теоретиками и практиками медиа уже более 10 лет. Время пандемии *COVID*-19 обнажило потребность высокоскоростного медиацентричного общества в ценностях «медленной жизни» (*slow life*), «медленной культуры» (*slow culture*). В этом контексте особую значимость приобретают визуальные медиа как сложно устроенные поликодовые реальности, требующие целого арсенала замедляющих механизмов. Наиболее интересной, на наш взгляд, как для медиапрактиков, так и для исследователей СМИ может стать проблема замедления фотографического текста, в самой природе которого заложен конфликт между документальным и художественным, сиюминутным и вечным, фиксацией реальности и ее преображением. Так, в 2014 г. профессор кафедры изобразительного искусства французского университета «Париж-8» Андре Руйе описал смену парадигмы в медиа, при которой фотограф «противопоставляет срочности медленное созревание, близости – пространственную дистанцию, присутствию при событии – состояние после удара, обязательной для снимков прессы очевидности – аллегорическую отстраненность» (2014: 516). В комплексе обозначенных Руйе тенденций нас особенно занимает «медленное созревание» фотографии, которое сближает процесс производства и потребления фотографии с проявлениями «медленной жизни», основанной в первую очередь на осмысленном пользовании временем (Osbaldiston, 2013: 11).

Рассматривая феномен замедления фотографии как средства массовой коммуникации, нельзя не учитывать некоторых характеристик «медленных медиа», закрепленных в программном документе 2010 г. – «Манифесте медленных медиа»[1] – немецкими исследователями Бенедиктом Кёлером, Сабрией Давид и Йоргом Блумтриттом. А именно:

- полная концентрация на контенте;
- способность вдохновлять, ощутимо влияя на мысли и действия аудитории;
- готовность к открытому диалогу со зрителем;
- вневременность и ценность пролонгированных тем;
- обладание аурой;
- ориентация на субъективность и на эффект присутствия[2].

Феномен «медленной фотографии» практически не изучен теоретиками медиа. Проблема «медленности» фотографии заявляется в первую очередь медиапрактиками (как в России, так и за рубежом). Наиболее интересным, на наш взгляд, независимым исследованием в этой области является совместная работа французских фотографов Анри Пейра, Марка Женеврие, Гийома Перонна, Брюно Женере, объединившихся в так называемую «Группу из Нима» и представивших результаты своих наблюдений «Медленность и фотография: попытка исследования» в рамках «Третьего конгресса фотографии высокого разрешения в Монтрё» в сентябре 2007 г.[3] Авторы рассмотрели «медленную фотографию» с трех точек зрения: как медленный процесс съемки (сторона автора), как фиксацию медленного объекта съемки (сторона героя) и как замедление времени восприятия фотографии (сторона зрителя)[4]. Именно со стороны зрителя фиксировал замедляющий эффект фотографии французский семиолог Ролан Барт: «То, чего Мэрей и Майбридж добились в качестве operator'ов, я хочу достичь в качестве spectator'а: я разлагаю, я увеличиваю, я... *замедляю* для того, чтобы, наконец, иметь время *познать*» (2011: 177). Тему влияния неспешного образа жизни на современную фотографию развил в своей работе «Во славу медлительности» философ и фотограф, специалист в области платино-палладиевой фотографии Жан-Клод Мужен, который противопоставил созидательную силу медлительности разрушительной силе скорости в культуре, свободу праздности – рабству активного действия: «Человек vita activa больше не человек, а раб»[5].

Вопрос соотношения визуального и вербального в фотографическом дискурсе, которому посвящена данная статья, обсуждался в феноменологических работах о фотографии Вилемма Флюссера. Подчеркивая выходящую на первый план регистрирующую функцию слова рядом с фотографией в медиа, Флюссер обнаруживает проблему отказа человека от осмысления фотографической реальности: «Мы давно уже устали от всех пояснений и предпочитаем придерживаться фотографии, освобождающей нас от необходимости понятийного и объясняющего мышления и снимающей с нас бремя размышления» (2008: 72). Отказ от словесного пояснения визуального текста ведет, по мнению Флюссера, к утрате критического мышления при взгляде на фотографию (Там же).

В специальном исследовании «Фотолитературный прием во Франции второй половины XX века» (2010) профессор венгерского университета в Капошваре Дьёнджи Пал подчеркивает историческую близость фотографии и литературы и развивает мысль писателя и публициста Мишеля Турнье о том, что надпись, нанесенная на фотографию, влияет на ее интерпретацию (Pal, 2010: 12).

Методология

В работе используется комплекс культурологических подходов, относящихся к группе идиографических, – метод «феноменологической герменевтики» (Рикер, 2002), «ценностной интерпретации» (Вебер, 1990: 416–494), «объясняющего понимания» (Вебер, 1990: 495–546), а также метод семиотического анализа (Барт, 1989: 172–176; Pal, 2010: 26–30). Идиографический подход к анализу «медленной» фотографии предоставляет нам возможность максимально индивидуализировать рассматриваемый эмпирический материал – фототексты Франсуа-Мари Банье, Адама Брумберга и Оливье Чанарина, а также современного российского фотохудожника Игоря Клепнёва. Мы рассматриваем работы названных авторов как уникальные образцы фотографии XX и XXI вв., как феномен, возникающий на стыке пограничных видов искусства. Герменевтический метод позволяет включать эмпатийную составляющую в интерпретацию фотообразов, видеть в них метафорические связи, определять их ценностную значимость.

Технологии создания «медленной фотографии»

«Медленную фотографию» можно рассматривать с различных точек зрения. Обращаясь к способам производства «медленной фотографии», с одной стороны, можно говорить о возвращении в фотографию технологий прошлого (реконструктивный подход), с другой – о синергии различных арт-техник в пространстве самой фотографии (креативный подход).

Яркий пример первого подхода демонстрирует в наше время норвежский фотограф и педагог Йоханна Сейнс Свендсен, которая являет миру опыт реконструкции фотографии прошлого. Именно Свендсен ввела в культурный обиход современного гуманитария термин «медленная фотография». По свидетельству самого фотографа, она работает вручную, в постоянном ощущении «материальности» фотографического производства, нарезая стеклянные пластины, смешивая химические вещества, выбирая длительное время экспозиции во время фотосъемки: «Таким образом я получаю другие изображения и выражения, нежели в результате более быстрой технологии... Я позволяю людям, которых я фотографирую, сидеть неподвижно до 12 секунд, фокусируя их взгляд прямо на камерах... Медленная работа замедляет и меня, и тех, кого я фотографирую, вызывая определенную концентрацию»[6]. Так, в ходе реконструкции технологий XIX в. фотограф и его модель, переживая новый телесный опыт замедления в съемочном процессе, сталкиваются и с новыми представлениями ментального уровня. Российский фотограф Анатоль Грин, возрождающий коллодионный метод в современной фотографической практике, так комментирует этот феномен: «Во время длительной съемки и подготовки к ней человек впадает в состояние, очень ему не свойственное, особенно в наше время. Так или иначе, эти 7 секунд, на которые он замирает, – это полный разрыв шаблонов. Он «скатывается» в то состояние, которое находится у него глубоко внутри. И пусть он сидит и не двигается, но можем ли мы применить к нему понятие «статика» – это еще вопрос»[7].

К замедляющим технологиям в создании фотографии правомерно отнести и платино-палладиевую печать. В подробном практическом пособии, посвященном созданию такой фотографии, Дик Арренц свидетельствует о замедлении фотопроизводства на всех стадиях процесса, объясняя снижение скорости печати в первую очередь особенностью химических реакций: «Восстановление солей металлов происходит медленнее при воздействии определенного количества ультрафиолетового света» (Arentz, 2005: 133). При этом

замедление химических процессов, по словам Арренца, «не является линейным, а вызывает непропорциональное замедление уменьшения темных и светлых областей» отпечатка (Ibid: 147). В процессе создания основы фотограф работает кистью, подобно художнику, покрывая лист бумаги платино-палладиевым раствором. Причем медленная техника нанесения раствора кистью, по словам Арренца, является необходимым условием достижения высокого результата.

Американский фотограф Роберт Хантинг, серию «медленных» снимков которого публикует на своем электронном ресурсе специализированное голландское фотоиздание *LensCulture*, видит в «медленной фотографии» отказ от единой глобальной аудитории, от манипулятивного эффекта (что свойственно массмедийной фотопродукции), от перформативности в кадре, от «туристического» подхода к съемке, увеличение экспозиционного времени до 30 секунд, стремление к локализации (региональная фотография), контроль над объектом в кадре, стремление к разнородной аудитории, удовольствие от повторного просмотра[8].

Однако «медленность» фотографии (как на стадии подготовки фототекста, так и на стадии его восприятия) достигается не только благодаря реконструкции технологий прошлого и следованию принципам, о которых говорит Хантинг. Наиболее перспективным, на наш взгляд, методом создания «медленного фототекста» является опыт соединения художественных практик в рамках фотографического полотна и, как следствие, творческий подход к интерпретации такого продукта со стороны аудитории.

В своей программной работе о влиянии технологического прогресса на произведение искусства Вальтер Беньямин заявлял: «Фотография впервые освободила руку в процессе художественной репродукции от важнейших творческих обязанностей, которые отныне перешли к устремленному в объектив глазу» (1996: 18). В связи с этим фотография, воспроизводящая действительность, манифестировала особенные отношения со временем в процессе создания визуального текста. Время, затраченное на создание живописного произведения, в несколько раз превышало время, необходимое для фиксации фотографического образа. «Поскольку глаз схватывает быстрее, чем рисует рука, процесс репродукции получил такое мощное ускорение, что уже мог поспевать за устной речью», – резюмировал Беньямин (Там же).

Вопреки исторической эмансипации фотографии от живописи и трансформации фотопроцессов в сторону ускорения, фотогра-

фы XX в. намеренно стали обращаться к механизмам торможения времени, затраченного не только на производство съемочного процесса, но и на процесс восприятия фотографического контента зрителем за счет усложнения фотоконтента живописными техниками и графическими элементами.

Так, в 1920–1930-е гг. фотохудожники, близкие к авангардным течениям, обращались к экспериментальным способам обработки фотоизображения, что, безусловно, замедляло как процесс кодирования, так и процесс декодирования созданного ими фотообъекта. Розалинда Краусс в своей работе «Подлинность авангарда и другие модернистские мифы» осуществила попытку систематизации подобных технологий, которые мы склонны именовать «замедляющими»: «...негативная печать; возврат к многократной экспозиции или комбинированной печати, используемым для получения эффекта монтажа; различные манипуляции с зеркалами <...> соляризация и фотография без камеры <...> “брюляж”» (2003: 106).

Полагаем, что именно замедляющие технологии производства фотографии позволяли и до сих пор позволяют фотохудожникам преодолевать иллюстративность и индексальность фотографии в медиа, поддерживать ее символичность, нетиражируемость, единственность (уникальность), свойственную скорее произведению искусства, чем медиатексту, которую Вальтер Беньямин называл «аурой» (1996: 26). Эта «ауратичность» роднит «медленную фотографию» с «медленными медиа», способность которых излучать ауру закреплена в программном манифесте.

Французский исследователь Робер Кастель утверждает, что «фотография есть нечто совершенно иное, нежели калькирование реальности. Как раз наоборот: фотография «дереализует» то самое, что она запечатлевает» (2014: 336). Применительно к «медленной фотографии», нагруженной дополняющими действительность новыми реальностями, этот тезис Кастеля приобретает особое звучание. Речь идет не о подмене реальности, не о ее симуляции, скорее – о ее преобразовании, о расширении, об очищении реальности от мнимостей, о снятии блокады ложного представления о повседневной действительности. «Медленная фотография», производимая с помощью арт-технологий, обнаруживает сложносочиненный фотографический образ, близкий к художественному.

Можно сказать, что актуальный прием скетчинга поверх фотографии, распространенный сегодня в веб-среде, создание дополненной реальности за счет *AR*-технологий, предлагаемых интерак-

тивными цифровыми платформами, по эффекту воздействия на фототекст являются родственными художественным приемам, предложенным авангардными фотохудожниками еще в первой половине XX в. Однако цифровые «мелизмы», используемые зачастую необдуманно, не углубляют фотореальность, а лишь декорируют ее. Вот почему так важны сегодня осмысленные экспериментальные опыты с фотографией в медиа. Создатели «медленной фотографии» не только замедляют стадию производства фототекста, но и, нагружая фотографию новыми кодами, намеренно затрудняют и удлиняют путь читателя к осмыслению фотографии в процессе дешифровки. Данные методы работы с фототекстом обнаруживают в «медленной фотографии» художественное качество, которое, по словам В. Б. Шкловского, «нарочито создано для выведенного из автоматизма восприятия <...> и оно „искусственно“ создано так, что восприятие на нем задерживается и достигает возможно высокой своей силы и длительности, при чем вещь воспринимается не в своей пространственности, а, так сказать, в своей непрерывности» (1929: 21). Являясь «непрерывным» по своей антисемиотической природе, выступая сообщением «без кода» (Барт, 2003: 379), фотографическое послание испытывает воздействие со стороны слова как инородное. Словесный код, который Барт рассматривает как «соседнюю» (2003: 379) по отношению к фотоснимку структуру, вторгаясь в фототекст, разрывает его гомогенную основу, усложняя его состав и содержание, становясь полноправным языковым механизмом фототекста и замедляя процесс его восприятия (декодирования) для интерпретатора.

В данной статье мы воспринимаем «медленную фотографию» как медиатекст, намеренно отягощенный дополнительными реальностями (помимо собственно фотографической), зашифрованными в определенной кодировке (преимущественно вербальной) и заключающими в себе добавочные смыслы.

Письмо и рисунок в «медленной фотографии»

Фотография, размещенная в печатных изданиях, испытывает особое влияние словесного окружения и часто взаимодействует со словом в контексте верстки. Еще Ман Рей и Брассай использовали технику бриколяжа и фотомонтажа, соединяя документально-репрезентативный образ с воображаемо-художественным благодаря использованию рукописных элементов в фототекстах. В меньшей степе-

ни при этом они обращались к буквенному тексту, вписанному в фотообраз, хотя вслед за Луи Арагоном, именующим каждый объект художника «словом» (Aragon, 1989: 438), Розалинда Краусс утверждает, что «каждый элемент фотомонтажа представляет собой отдельную смысловую единицу, которая, как и слово, определяется своим положением в синтагматической цепочке предложения и подчиняется условиям общего синтаксиса» (2003, 108). Монтаж становился основой экспериментальных форм журнальной типографики, которая компенсировала недостаток использования буквенного текста внутри экспериментальных форм фотографии. Так, в фотограмме Ман Рэя из серии «Мода по радио» для *Harper's Bazaar* между словами и изображением проходит очевидная граница. Но способ расположения строк подписи к фотограмме вступает в коннотацию с формой радиоволн, которые отражаются в рэйографическом снимке мастера фотоавангарда, сделанном на основе куска ткани, который под определенным углом напоминает силуэт платья (рис. 1).



Рисунок 1. Ман Рэй. Мода по радио. Harper's Bazaar, № 9. 1934 г. Художественный руководитель верстки Алексей Бродович.

Зарифмованные в пространстве журнальных полос с помощью дизайн-верстки две реальности разделены здесь фотографической рамкой. В данном случае изображение и слово дополняют друг друга, как всякая подпись к фотографии дополняет изображение.

В работах французского фотохудожника последней четверти XX – первой четверти XXI в. Франсуа-Мари Банье граница между текстом и изображением преодолевается намеренно и с высокой частотностью. Банье составляет комплексное произведение, в котором литературное и/или живописно-графическое письмо и фотоизображение неразрывно сосуществуют. Этот подход определяет во многом авторский стиль художника. Его работы активно публикуются с 1990-х гг. в лайфстайл-журналах (*Madame Figaro, Vanity Fair, New Yorker, Cahier du cinéma, Double Magazine* и др.), экспонируются на персональных выставках (в том числе в России), а также выходят отдельными книжными фотоизданиями – именно в то время, когда ценность фотографии как документа, «отношение текста к изображению» (Pal, 2010: 39) ставятся под сомнение, когда сами фотографы свидетельствуют об «украденном» газетами смысле фотоизображений (Ibid).

Франсуа-Мари Банье возвращает фотоизображению «украденный» смысл, он создает феномен второй жизни фотографии в словесном рассказе и/или живописно-графическом нарративе поверх изображения, абсолютизируя право фотографа и на словесный ряд. Его фотоистории и фоторисунки становятся ярким примером форм креолизованного (негомогенного, поликодового) текста.

Потребность в слове как инструменте связана в первую очередь с потребностью фотографа мыслить, рефлексировать в рамках фотографии. Метод введения словесной наррации в фотографию можно было бы именовать «медленным ритмом работы с материалом» (Савчук, 2015: 116). Медленный ритм передается и читателю при работе с фотографией. Вводя слово или рисунок в фотографию, автор превращает фотографию в интерпретацию, которую Сьюзен Сонтаг считала прерогативой литературы и живописи, максимально сближая фотографию с «высказыванием» (2013: 13–14). В некоторых случаях рукописный текст, вписанный в фотопортреты (излюбленный жанр Банье), становится примером каллиграфической эквилибристики и не только выполняет функцию нарратива (содержание которого для человеческого глаза без дополнительного оптического инструмента становится уже недоступным), но и выступает в качестве декоративного элемента фотопортрета. К приме-

ру, в фотопортрете Елизаветы II вербальный текст, выполненный в «бисерной» технике и располагающийся поверх фотографического изображения (по линии королевской диадемы, вдоль рукавов, лифа и клиньев платья героини), формирующий геометрию фоновых занавесей, вступает в контекстуальный диалог с инкрустированными деталями королевского облачения, а на уровне паратекста – в конфликт с официальными речами британской королевы, сдержанность которых известна публике. Таким образом, автор вводит в фототекст элемент игрового начала, указывая, возможно, на потенциал речевых украшательств, находящихся за пределами узуса официально-делового стиля, свойственного публичному поведению королевы, и экстериоризируя его не только как мысли автора, но и как внутреннюю речь героини (рис. 2).



Рисунок 2. Франсуа-Мари Банье. Королева Елизавета II. 1992

Создавая сложное синтаксическое целое, фотограф с помощью рукотворного письма и рисунка организует, помимо фотографической реальности, как минимум еще две среды, в которых фотография развивается в новых для нее смыслах и возможностях.

Необходимо при этом отметить, что в визуальной культуре попытки объединения письма и рисунка предпринимались задолго до наступления эры фотографии – к примеру, подобного рода синтез двух кодирующих систем можно встретить в манускриптах начала XV в. в Южной Германии (сюжет о слепом Орионе, на плечах которого сидит слуга и показывает путь своему хозяину). Вербальный текст заполняет собой не только часть свободного пространства страницы, но и частично вписывается в фигуру Ориона (рис. 3).

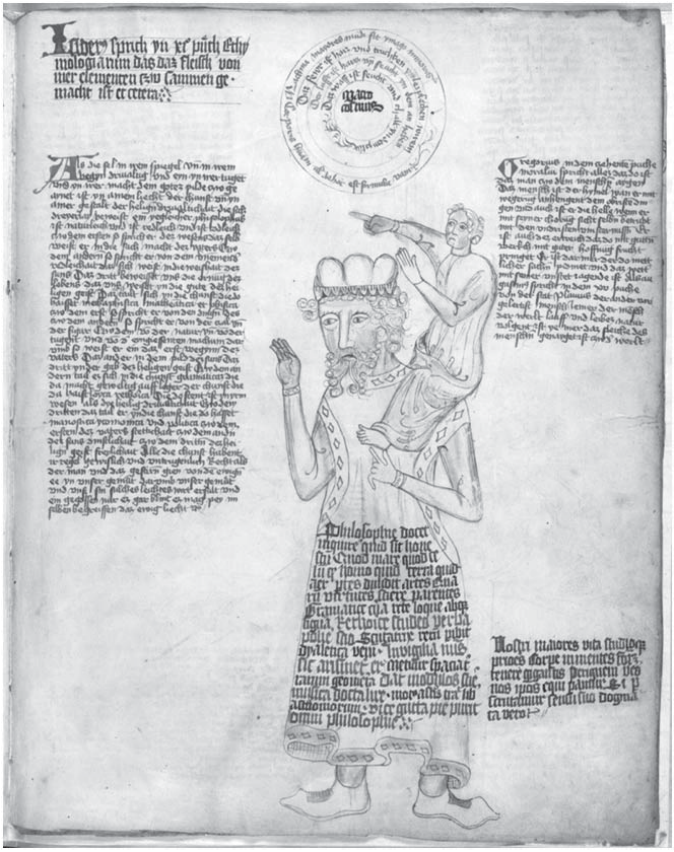


Рисунок 3. Седалион на плечах слепого великана Ориона показывает путь своему хозяину. Манускрипт 1410 г., Южная Германия[9]

Развертывание литературного текста внутри фотографии приближено к принципу автоматического письма, о котором в «Манифесте сюрреализма» 1924 г. Андре Бретон писал как о «диктовке мысли» «при отсутствии какого-либо контроля со стороны разума, поверх озабоченности эстетикой или моралью» (Breton, 1985: 36). Автоматическое письмо сродни эксплозии потока сознания, пронизанного формами ассоциативного мышления. Через такое письмо обозначается и утверждается не столько значение каждого прорвавшегося сквозь немоту слова, сколько эффект присутствия грезящего наяву автора. По мнению Розалинды Краусс, «автоматизм — письмо, но, в отличие от других письменных знаков западной культуры, он — не представление, а особого рода присутствие, прямое присутствие внутреннего мира художника» (2014: 146). В письме как таковом манифестируется и правдивость изображаемого. Этот тезис Бретона Краусс трактует как утверждение истинности и замечает, что «визуальный “обманчивый” образ подозрителен, тогда как скорописный след — правдив» (2014: 146).

По собственному признанию Банье, фотографировать для него – значит бежать от лжи псевдожизни: «Эта ложь возмущала меня. Меня преследовало желание выйти из нее. Я искал жизнь. Фотокамера стала таким выходом»[10].

Именно в поисках подлинной реальности успешный фотопортретист Франсуа-Мари Банье вышел из фотостудии на улицы. Стрит-фотография стала для него альтернативой студийной фотографии. Уличные фотоистории мастера с полным правом можно именовать лайфстайл-фотографиями. Уличная история на фотографиях Банье, отраженная в поликодовом тексте (частично рукотворном), превращается в театральный спектакль, перформанс. Улица становится сценой, повседневность – искусством, а лайфстайл-фотограф, выводящий стиль жизни горожан на уровень не реального, а воображаемого события, – грезящим наяву постановщиком зрелища.

Именно уличная фотография дала Банье толчок к активному внедрению в нее литературного письма и рисунка. Самой первой фотографией-письмом стало изображение зимнего парка в Санкт-Петербурге, сделанное в 1991 г. (рис. 4).

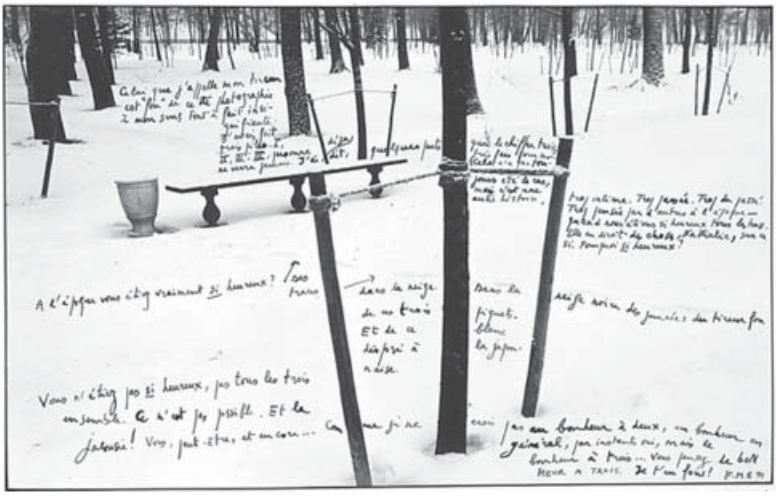


Рисунок 4. Франсуа-Мари Банье. Три колышка на снегу в Санкт-Петербурге. 1991

Сам автор так описывает свой первый опыт фотописьма: «Я писал между колышками на снегу несколько строк о моей жизни... Именно эти сочетания слов, высеченных на снегу, показали мне, как вмешательство линии может перевести фотографию в другой мир форм»[11].

Линейные и нелинейные связи в пространстве фотографии

В композиции одного кадра Банье соединяет линеарную форму культуры – письмо – с нелинейной структурой фотообраза и рисунка. Рукописный текст, размещенный в непривычной для него среде, взрывает привычные представления о фотографии. По мнению Ю. М. Лотмана, «в естественном языке графическая структура — его письменная форма — не является ни стилем, ни какой-либо особой системой выразительности» (1996: 77). Однако в среде, противоположной вербализированному дискурсу (например, в фотографии), и буквенная, и живописная формы текста (начертательные формы) становятся выразительными средствами авторского высказывания. Переключение регистров чтения позволяет смотрящему сосредотачиваться на фотографии достаточно протяженное время и воспринимать фототекст как чрезвычайно объемный.

Банье моделирует поликодовый текст, схожий отчасти с кинематографическим. Показательно, что именно через композиционные приемы монтажа, коллажа фотохудожник обнаруживает синкопированную реальность, в которой, если пользоваться музыкальными коннотациями, происходит продление звука, а значит, замедление времени в тех пустотах, которые открываются глазу. Так смысл длится за пределами означаемого, где остаются и незначимые (неозначаемые) части пространства. Используя «пробел», «зазор» в пространстве фотографии, плотно заполняя его вербальным текстом или рисунком поверх фотографии, Банье добивается эффекта мерцания смысла. Например, «фаршируя» словами фотографический портрет Владимира Горовица, сам фотограф определяет пространство, насыщенное словами, «как расстояние между ним [героем] и миром»[12], в котором проявляется «таинственная сущность пианиста»[13] на метафизическом уровне текста (рис. 5).

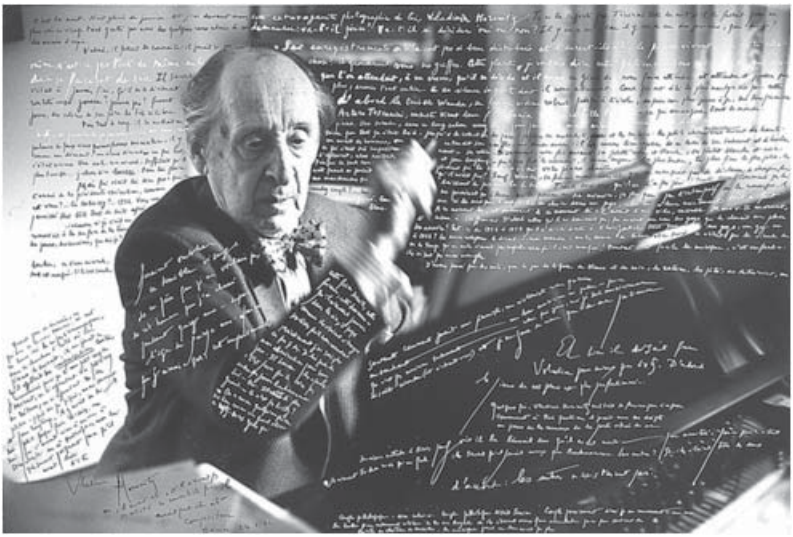


Рисунок 5. Франсуа-Мари Банье. Владимир Горовиц. 1992

Искусственно преувеличенные расстояния внутри кадра, как и расстояние между созерцателем и созерцаемым, отмечают в качестве одного из эффектов замедления и авторы «Медлительности и фотографии»[14].

Сам художник говорит, что надписи на фотографиях появляются не для того, чтобы украсить фотографии, а чтобы «продлить их, как

видение»[15]. Это стремление продлить время фотографии, превращая его в длящееся пространство, замедляет взгляд смотрящего, как будто речь идет о ритуальном акте. В своих текстах, предпосланных выставкам, Франсуа-Мари Банье подчеркивает гипнотический характер этих письмен: «Мои фотографии порождают истории, которые я спонтанно пишу, не говоря уже о том, что они пишут себя сами»[16].

Фотописьма Банье не только создают движение образа внутри кадра, но и приглашают к активному диалогу зрителя, который в обычных условиях общения с классической фотографией оказывается перед неподвижностью запечатленного. Ибо, как утверждает исследователь творчества Банье Дьёнджи Пал, именно «неподвижность фотографического изображения создает проблему, поскольку она противостоит изображениям визуальной памяти... и мысленным образам» (Pal, 2010: 14–15). Намеренно задерживая зрителя перед фотографией, фотохудожник предоставляет зрителю возможность пережить впечатления, которые обычно «текут сквозь память так же, как вода утекает сквозь пальцы»[17]. Банье выводит наружу область ментального с помощью дополнительных кодов, предлагая их для расшифровки зрителю, который становится «со-толкователем» изображения вместе с фотохудожником.

Зависимость между замедлением поведенческих реакций и обострением человеческой памяти подчеркивал Жан-Клод Мужен: «Степень медлительности прямо пропорциональна интенсивности памяти» (Mougin, 2007). Именно союз памяти и воображения, документального и художественного, линеарного и нелинейного измерения активизируют воображение зрителя. Все эти сочетания использует при создании «медленной фотографии» Франсуа-Мари Банье.

Категория времени и памяти в «медленной фотографии»

Темпоральность является одной из главных категорий «медленной жизни» и ее форм. В синтетических работах Банье зритель сталкивается с тем феноменом времени, который был описан Юлией Кристевой применительно ко времени «Чисел» Филиппа Соллерса. Речь идет о феномене «ложного времени», «псевдовремени», которое «вытесняет настоящее и будущее и переносит их смысловой эффект на блок прошлого, которое, собственно, перестает быть временем» (2015: 243). В своем программном тексте-манифесте «Жизнь фотографии» Банье заявляет, что с помощью историй, записанных поверх изображения, он стремится «задушить время, которое про-

ходит. Схватить за горло время, чуждое нашим скорбям, нашим желаниям...»[18]. По сути, речь идет о времени во времени, когда внутри физического времени выкристаллизовывается время метафизическое, то самое «псевдовремя», фиксируемое Юлией Кристевой.

Фотограф ведет борьбу с отсутствием сущности, с утратой смысла, вторгается в область хтонического, причем устанавливает равнозначность двух творческих процессов в констатации исчезновения: «Писать или фотографировать – значит всегда говорить: этого больше никогда не будет»[19]. Но одновременно Банье допускает присутствие не-бывшего на фотографии: «Писать и фотографировать, чтобы спасти от обморока немногое из того, что мы понимаем из видимого, даже если иногда слышим: «Это было не так»[20], утверждая «псевдовремя» в фотографии.

Эта демонстрация отсутствия времени в фотографии усиливается обнаружением пространственных зазоров и пустот, сопряженных с мгновением раскрытия героя, точнее сказать – их «разомкнутостью» (Хоружий, 2009: 25). Можно сказать, что в такие мгновения фотограф застает своих героев на краю времени и пространства, в пороговом состоянии: «Я захватываю их на краю пропасти. В этот короткий момент, когда, находясь в рассеянности, они раскрываются. Кочевники или оседлые – неважно. Это тот драгоценный момент, когда их лица, их силуэты указывают путь их идей»[21]. Лучший пример этих слов – изображение идущих по воде людей, чьи очертания становятся идеограммами авторского нарратива (рис. 6).

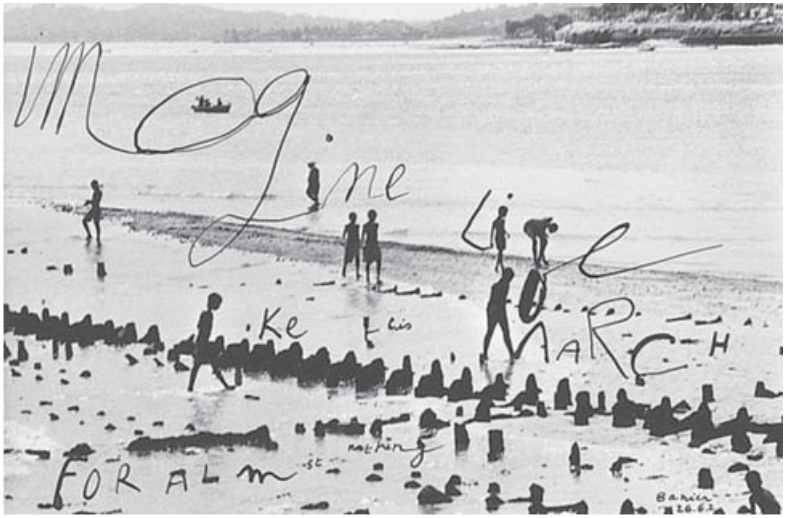


Рисунок 6. Франсуа-Мари Банье. Буквы-люди? 2002

Вторгающаяся в изображение словесная наррация влияет на структуру времени в фотографии. Она позволяет длить его, благодаря главному принципу повествования, – рассказывать о событиях, протекающих во времени. Но если Банье совмещает в фотописьме план документальный (фотографический) и художественный (словесный и/или живописный, графический), используя в качестве основы фотографический образ, то британский дуэт фотохудожников – Адама Брумберга и Оливье Чанарина, – начавших работать в медиапространстве в начале 2000-х гг., погружает зрителя в многослойную среду палимпсеста, в которой равноправные документальные реальности контрапунктивно сменяют друг друга, создавая более выразительный, чем на фотополотнах Банье, эффект «мерцания смысла».

Начав свой творческий путь в специализированном журнале лайфстайл-направления *Colors,* фотографы постепенно перешли из однонаправленной, векторной фотожурналистики в ее экспериментальную, нелинейную зону, где господствуют ассоциативные, интертекстуальные связи, к феномену «анти-фотографии»[22]. В серии «День, когда никто не умер», созданной в Афганистане в 2008 г., утверждается день без привычной на войне смерти. Вместо съемки с помощью фотокамеры авторы развернули семь метров фотобумаги и выставили ее на солнечный свет в течение 20 секунд, чтобы достичь эффекта засвеченной пленки и таким образом вывести фототекст из «чувства времени» в сферу отсутствия времени и, как следствие, отсутствия событийности, инфоповода, необходимых для классических СМИ. По словам британского арткритика Алисы Бакнелл, «они решили задокументировать эту катартическую паузу не-события»[23]. По собственному признанию Брумберга и Чанарина, вопросы подлинности они поставили выше вопросов воспроизводимости[24], отказавшись от изображения конкретных событий. День жизни на войне стал областью чистого света, сравнимого в литературном контексте с абсолютным молчанием. При этом авторы отрицают метафоричность данной работы, признавая лишь ее индексальность. А при ответе на вопрос, почему человека так беспокоит изображение, заостряют внимание на разнице между изображением и словом, говоря: «Требуется работа, чтобы быть обеспокоенным словами»[25].

Идея проекта Брумберга и Чанарина «Священная Библия» (2013) возникла из опыта прочтения «Военного букваря» Бертольда Брехта (1955), в котором 70 фотосвидетельств преступлений фашизма были

сопровождены катренами, написанными Брехтом, считавшим, что опубликованные в СМИ фотографии подобны иероглифам, которые нуждаются в расшифровке, словесном комментарии[26]. «Священная Библия» стала инверсивной репликой Брумберга и Чанарина на проект немецкого писателя. Фотохудожники создали вручную нелинейный фотоколлаж, сопроводив страницы цифровой версии Библии 1611 г. английского короля Якова фотокомментариями – документальными снимками конфликтов и гуманитарных катастроф XX в., которые авторы назвали «наррацией»[27] с отсылкой на брехтовское замечание о том, что фотоизображение – «не реальность, а история, которую нам рассказывают»[28].

В фотопроекте 2013 г. «Отходы» авторы используют метод двойной литографии, накладывая архивные изображения фотосерии 2003 г. «Гетто» на более поздние снимки других фотосерий. В центре каждой истории – портреты «лишних людей» (находящихся в тюрьме, лагерях для беженцев, в психиатрических клиниках по всему миру), судьба которых метафорически соотносится с судьбой бумаги, именуемой итальянскими печатниками *Scarti,* которую пропускают через типографский вал, чтобы очистить его от излишков краски перед началом печатного процесса. Листы бумаги с оттисками предыдущих изображений считаются отходами (*Scarti*), отсюда и название серии. Диахронический способ соединения фотоизображений в пространстве одной фотографии позволил проявиться скрытой онтологической сущности, «зашитой» между событиями и явлениями, не имеющими на первый взгляд очевидных пространственных, временных и причинных связей. Но, помещая своих героев в общий исторический контекст в условиях совмещенных фотореальностей, авторы позволяют действующим лицам фотографий пережить неосуществленную встречу, сблизиться друг с другом в рамках фотоистории и таким образом преодолеть свою ненужность и одиночество в глазах зрителя. Задача фотохудожников заключается также и в том, чтобы обнаружить в этих фотографиях пульсацию красоты мира, в котором люди соединены между собой невидимыми узами. Фотографы используют здесь прием параллелизма как «остранения» (Шкловский, 1929: 20) объекта восприятия, что и позволяет им достичь «семантического изменения» (Там же) изображаемого. Временной разрыв протяженностью в 10 лет позволил вызреть данному фотопроекту, превратив его в серию «медленных фотографий» с высвобожденной этико-эстетической авторской интенцией (рис. 7).

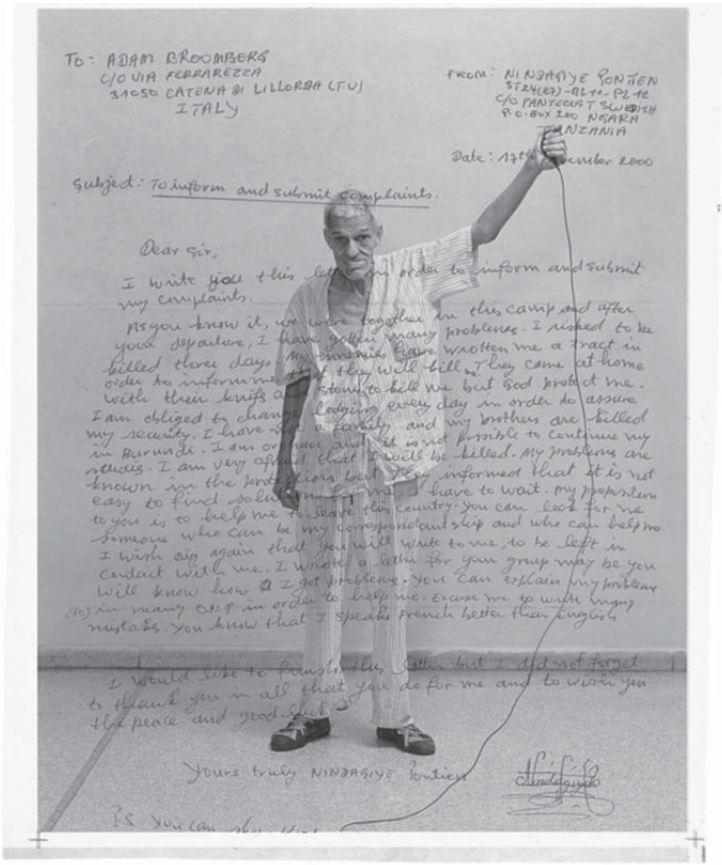


Рисунок 7. Адам Брумберг и Оливье Чанарин. Фотография из цикла Scarti, 2013[29]

Яркий пример нарративного фотопроекта, в котором литературное слово вступает в смысловой диалог с изображением, можно также обнаружить в работе российского фотохудожника Игоря Клепнёва на страницах русской версии журнала *Esquire* (№ 2, 2019 г.). Кавер-история о рэпере Хаски «Я не боюсь: мне наплевать», размещенная в рубрике «Стиль жизни», объединила в этой публикации портретную фотосерию и текст интервью с известным музыкантом[30]. Несмотря на композиционное единство вербального и визуального контента, Игорь Клепнёв подчеркивает независимость фотоистории от интервью. По его словам, фототекст представляет собой завершенное самодостаточное произведение, которое «может жить вне контекста интервью»[31]. Необходимо отметить, что в дан-

ном проекте фотограф выступал и как дизайнер, разрабатывая сюжетную линию съемки, и как арт-директор и фоторедактор, работая над версткой всего материала. Соавтором фотопроекта Игорь Клеппнёв считает самого героя, который стал автором рукописных строк, нанесенных поверх фотоизображений. Так, пространство одного из черно-белых портретов заполнено по всей поверхности текстом повествовательного характера, в котором отражены событийные узлы жизни героя, говорящего о себе в третьем лице с максимальной «остраненностью», без использования модальных оттенков, цитирующего зачастую высказывания СМИ о себе (рис. 8).

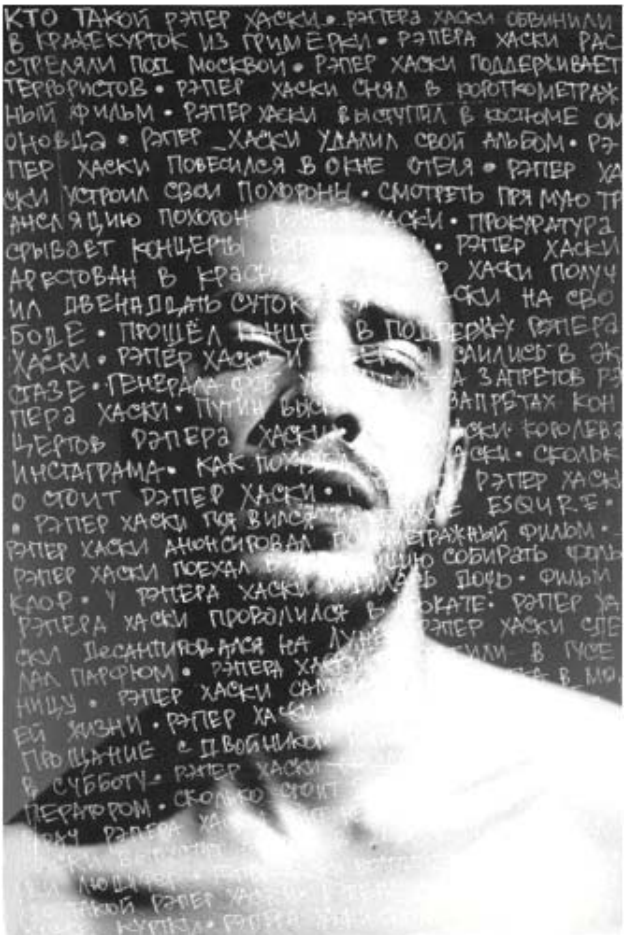


Рисунок 8. Игорь Клеппнёв. Фотопортрет Хаски[32]

Выступая не только и не столько фиксатором реальности, фотограф становится нарратором, рассказчиком истории человека. Так в лайфстайл-фотографии отражается осмысляемая в слове жизнь героя.

Выводы

«Медленные фотографии» Франсуа-Мари Банье, Адама Брумберга и Оливье Чанарина, Игоря Клепнёва как часть «медленной культуры» и «медленных медиа», созданные с помощью фотографических, словесных и живописных кодов, занимают промежуточное положение между фотографией, литературой и живописью, выходят за рамки визуальной коммуникации со зрителем. Они становятся феноменом трансфотографии, подчеркивая состояние переходности «медленных медиа». Фототексты являются пространством креативной игры со зрителем, ребусом, интерпретация которого зависит от медленного характера дешифровки фотоработы, от глубины погружения в нее.

Фотопроекты, которые создают фотохудожники, свидетельствуют о трансформации привычных форм медиа. «Медленная фотография» в их работах становится своеобразным модусом визуального искусства. Вслед за трансформацией фотоконтента трансформируется и способ его восприятия. Тенденцию «изменения вектора матрицы восприятия» (Azoulay, 2008: 107) фиксируют современные исследователи фотографии. Так, Ариелла Азулай видит в фотографии «сложную область отношений», которая проистекает из целого комплекса условий «объема, расстояния, времени, скорости, количества, ясности и т. д.» (Ibid).

В технологическом отношении «медленная фотография» может рождаться при помощи реанимированных ретрокамер с ручной фокусировкой, с сохранением длительной выдержки экспозиционного времени при создании размытого изображения, в результате реконструкции ручных технологий в фотопроизводстве (платино-палладиевая печать), а также при использовании арт-технологий в создании фотоконтента.

С содержательной точки зрения «медленная фотография» не только и не столько погружает читателя в медитативную среду, доставляя удовольствие от созерцания изображенного мира, сколько будоражит мысль и воображение зрителя, заставляя его сосредоточиться на сложном поликодовом контенте с целью декодирования

скрытых в нем смыслов за счет умножения коннотативных значений изобразительных и словесных кодов, вводимых (с помощью мануальных техник в том числе) в сложное синтаксическое целое фотографии и не всегда употребляемых в их прямом значении. По сути, «медленная фотография» является сегодня особым видом визуального искусства, балансируя на грани документального и художественного.

Введение слова в рамки собственно фотографического текста преобразует его как пространственный вид медиаискусства и выводит на уровень временного вида. К тому же введенное слово призывает зрителя не только созерцать фотографию, но и мыслить ее (обнаруживая связь мышления и речи) и, как следствие, «замедлять» процесс восприятия фототекста. Поэтому мы представляем «медленную фотографию» как текст, который требует не только достаточного количества времени для производства, но и протяженной во времени расшифровки заложенных в фотографию визуальных и вербальных кодов и продолжительного осмысления при восприятии фототекста.

Очевидно, что, балансируя на грани документального и художественного, воспринимаемая зачастую как произведение искусства (по способу производства и потребления), «медленная фотография» завоевывает свои позиции особенно в лайфстайл-журналистике, нацеленной на осознанное медиапотребление своей аудитории, для которой визуальный и вербальный компоненты медиатекста, как правило, равноценны. Процесс «всматривания», «вчувствования» в изображение совмещается с процессом «вчитывания» в сопровождающий фотографию словесный ряд. Такой способ получения информации характерен для читателя «медленных медиа», лайфстайл-медиа и возможен в том случае, когда медиапотребление определяют «не как пассивное восприятие медиапродукции, а как активную социальную практику по переработке символического материала» (Коломиец, 2010: 62). Полагаем, что «медленная фотография», насыщенная символическим содержанием и использующая слово как пояснение изображенного, предназначена не только для расшифровки и интерпретации, но и для критического осмысления аудиторией. Если же слово не только сопровождает фотографию, но и входит в ее состав как неотъемлемый элемент художественного целого, то медиатекст получает особую гравитационную силу, а процесс его восприятия требует от читателя дополнительных усилий.

Возможности, которые открываются перед использованием «медленной фотографии» в медиа, пока недостаточно оценены производителями медиаконтента. На наш взгляд, у подобного рода фотографии, создающей пограничную реальность между документальной и художественной, большое будущее в «медленных медиа», в том числе в лайфстайл-журналистике, сосредоточенной на вневременных инфоповодах, на медленной реакции фотографа (не туриста, а путешественника) в поиске красоты повседневности, на качестве контента, на синергии повседневных культурных практик в рамках вневременных тем, затрагивающих ценностные основы бытия, на стремлении к диалогу с аудиторией, испытывающей переживание сопричастности к происходящим событиям внешней и внутренней жизни общества и человека, портрет которого насыщается новыми смыслами за счет использования арт-технологий в фотографии, за счет соединения искусства и жизни, слова и изображения в «медленной фотографии».

Примечания

[1] Köhler B., David S., Blumtritt J. (2010) *Das Slow Media Manifest*. Available at: https://www.slow-media.net/manifest (accessed: 20.05.2021).

[2] Там же.

[3] *La programme du 3-ème Congrès de la Photographie Haute Résolution à Montreux*. Available at: http://rencontrephotographiquemontreux.blogspot.com (accessed: 15.06.2021).

[4] Généré B., Genevrier M., Péronne G., Peyre H. (2007) *Lenteur et photographie: une tentative d'exploration*. Available at: https://cdn.website-editor.net/b5735e74265d40c2bf2d66e31b501f53/files/uploaded/La%2520Lenteur%25201.pdf (accessed: 05.07.2021).

[5] Mougin, J.-C. (2007) *Eloge de la lenteur (suivi d'une petite philosophie de la lenteur)*. Available at: https://www.academia.edu/34862288/Eloge_de_la_lenteur_suivi_dune_petite_philosophie_de_la_lenteur (accessed: 05.07.2021).

[6] Hesjedal F. (2013) Det langsomme fotografiet. Med våte plater og lange lukkertider trer trekkene bak fasaden frem i Johanne Seines Svendsen portretter. *Foto.no: Hele Norges fotoportal,* 30 January. Available at: https://fokus.foto.no/a/45359 (accessed: 06.07.2021).

[7] Фотограф Анатоль Грин. Остановиться на бегу // Artifex.Ru. 2017. № 28. Режим доступа: https://artifex.ru/фотография/анатоль-грин/ (дата обращения: 03.07.2021).

[8] *Robert Hunting. Slow Photographs of Thai Spirit Houses (with Shrines)*. Available at: https://www.lensculture.com/projects/726806-slow-photographs-of-thai-spiri_(accessed: 06.07.2021).

[9] Encyclopedic manuscript containing allegorical and medical drawings. *Library of Congress, Rossenwald 4, Bl*. Available at: http://lccn.loc.gov/50041709 (accessed: 05.07.2021); https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=14901168 (accessed: 05.07.2021).

[10] Banier F.-M. (2003) La vie de la photo. In *Catalogue d'exposition à la Maison Européenne de la Photographie (Mars–Juin 2003). Rétrospective de l'oeuvre du photographe né*

en 1947, essentiellement des portraits... Paris: Gallimard. Available at: https://fmbanier.com/texts/la-vie-de-la-photo (accessed: 05.07.2021).

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Généré B., Genevrier M., Péronne G., Peyre H. (2007) *Lenteur et photographie: une tentative d'exploration*. Available at: https://cdn.website-editor.net/b5735e74265d40c2bf2d66e31b501f53/files/uploaded/La%2520Lenteur%25201.pdf (accessed: 05.07.2021).

[15] Banier, F.-M. (2003) La vie de la photo. In *Catalogue d'exposition à la Maison Européenne de la Photographie (Mars-Juin 2003). Rétrospective de l'oeuvre du photographe né en 1947, essentiellement des portraits...* Paris: Gallimard. Available at: https://fmbanier.com/texts/la-vie-de-la-photo (accessed: 05.07.2021).

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Bucknell A. (2017) Against the ‚New normal': how artists are responding to terror and tragedy with alternative media. *Artnet'news,* 29 August. Available at: http://www.broombergchanarin.com/against-the-new-normal (accessed: 17.06.2021).

[23] Там же.

[24] Broomberg & Chanarin. *The day nobody died*. Available at: http://www.broombergchanarin.com/text-on-the-day-nobody (accessed: 17.06.2021).

[25] Somerstein R. (2014) Image, Author, Failure, Chance: a conversation with Oliver Chanarin and Adam Broomberg. *Afterimage*, March. Available at: http://www.broombergchanarin.com/text-image-author-failure (accessed: 18.06.2021).

[26] Clark L. (2013) Holy Bible reprinted with images of war, genocide and comedy overlaid. *Wired*, June. Available at: http://www.broombergchanarin.com/text-holy-bible-reprinted-with-images (accessed: 19.06.2021).

[27] Somerstein R. (2014) Image, Author, Failure, Chance: a conversation with Oliver Chanarin and Adam Broomberg. *Afterimage*, March. Available at: http://www.broombergchanarin.com/text-image-author-failure (accessed: 18.06.2021).

[28] Clark L. (2013) Holy Bible reprinted with images of war, genocide and comedy overlaid. *Wired*, June. Available at: http://www.broombergchanarin.com/text-holy-bible-reprinted-with-images (accessed: 19.06.2021).

[29] Broomberg A., Chanarin O., Giannuzzi G. (2013) *Scarti*. London: Trolley Books. Available at: http://www.broombergchanarin.com/hometest#/new-page-2/ (accessed: 19.06.2021).

[30] *Минаев С.* Хаски: «Я не боюсь, мне наплевать» // Esquire. 2019. №2. Режим доступа: https://esquire.ru/hero/81392-haski-ya-ne-boyus-mne-naplevat/ (дата обращения: 20.06.2021).

[31] Интервью автора с фотографом Игорем Клепнёвым. 2020. Июль.

[32] *Минаев С.* Хаски: «Я не боюсь, мне наплевать» // Esquire. 2019. №2. Режим доступа: https://esquire.ru/hero/81392-haski-ya-ne-boyus-mne-naplevat/ (дата обращения: 20.06.2021).

Библиография

Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. *Г. К. Косикова*. М.: Прогресс, 1989.

Барт Р. Фотографическое сообщение // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. *С. Н. Зенкина*. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.

Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр. *М. Рыклина*. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2011.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе // пред., сост., пер. и прим. *С. А. Ромашко*. М.: Немецкий культурный центр имени Гете; МЕДИУМ, 1996.

Вебер М. Критические исследования в области наук // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. *Ю. Н. Давыдова*; предисл. *П. П. Гайденко*. М.: Прогресс, 1990.

Коломиец В. П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. №1.

Кристева Ю. Вневременность // Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / пер. с фр. *Э. А. Орловой*. М.: Академический проект, 2015.

Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы / пер. с англ. *А. Матвеевой*. М.: Художественный журнал, 2003.

Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. *И. С. Вдовиной*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.

Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством / пер. с фр. *М. Михайловой*. СПб.: Клаудберри, 2014.

Сонтаг С. О фотографии / пер. с англ. *В. Голышева*. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.

Флюссер В. За философию фотографии / пер. с нем. *Г. Хайдаровой*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

Хоружий С. С. Философия под антропологическим углом зрения // Философский журнал. 2009. №2 (3). С. 22–38.

Шкловский В. Б. Искусство как прием // Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Федерация , 1929.

Aragon L. (1989) La Peinture au defi. In L. Aragon (ed.) *L'oeuvre poetique*, *2e edition, tome II, livre V*. Paris: Messidor/Livre Club Diderot.

Arentz D. (2005) *Platinum & Palladium Printing. 2nd Edition*. Boston; Oxford: Focal Press.

Azoulay A. (2008) *The Civil Contract of Photography.* New York: Zone books.

Osbaldiston N. (2013) Slow Culture. In N. Osbaldiston (ed.) *Culture of the Slow. Social Deceleration in an Accelerated World.* London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137319449

Pal G. (2010) *Le dispositif photo-littéraire en France dans la seconde moitié du XXème siècle: analyse de l'oeuvre de François-Marie Banier, Jean-Loup Trassard, Lorand Gaspar et Denis Roche. Littératures.* PhD thesis. Université Rennes 2, Université Européenne de Bretagne; University of Szeged. Rennes. Available at: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00481329/file/thesePal.pdf (accessed: 17.01.2021).

Notes

Banier F.-M. (2003) La vie de la photo [The Life of the Photo]. In *Catalogue d'exposition à la Maison Européenne de la Photographie (Mars–Juin 2003). Rétrospective de l'oeuvre du photographe né en 1947, essentiellement des portraits.* [Exhibition Catalogue at the European House of Photography (March–June 2003). Retrospective of the Works of the Photographer Born in 1947, Mostly Portraits]. Paris: Gallimard. Available at: https://fmbanier.com/texts/la-vie-de-la-photo (accessed: 05.07.2021).

Broomberg & Chanarin. *The Day Nobody Died*. Available at: http://www.broombergchanarin.com/text-on-the-day-nobody (accessed: 17.06.2021).

Broomberg A., Chanarin O., Giannuzzi G. (2013) *Scarti*. [Scraps] London: Trolley Books. Available at: http://www.broombergchanarin.com/hometest#/new-page-2/ (accessed: 19.06.2021).

Bucknell A. (2017) Against the 'New Normal': How Artists Are Responding to Terror and Tragedy with Alternative Media. *Artnet'news,* 29 August. Available at: http://www.broombergchanarin.com/against-the-new-normal (accessed: 05.07.2021).

Clark L. (2013) Holy Bible Reprinted with Images of War, Genocide and Comedy Overlaid. *Wired*, June. Available at: http://www.broombergchanarin.com/text-holy-bible-reprinted-with-images (accessed: 19.06.2021).

Encyclopedic Manuscript Containing Allegorical and Medical Drawings. *Library of Congress, Rossenwald 4, Bl*. Available at: http://lccn.loc.gov/50041709 (accessed: 05.07.2021); https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=14901168 (accessed: 05.07.2021).

Fotograf Anatol' Grin. Ostanovit'sja na begu [Photographer Anatole Green. To Stop on the Run] (2017) *Tvorcheskij al'manah Artifex.Ru* 28. Available at: https://artifex.ru/fotografija/anatol'-grin/ (accessed: 03.06.2021).

Généré B., Genevrier M., Péronne G., Peyre H. (2007) *Lenteur et photographie: une tentative d'exploration* [Slowness and Photography: an Attempt at Exploration] (In French). Available at: https://cdn.website-editor.net/b5735e74265d40c2bf2d66e31b501f53/files/uploaded/La%2520Lenteur%25201.pdf (accessed: 15.06.2021).

Hesjedal F. (2013) Det langsomme fotografiet. Med våte plater og lange lukkertider trer trekkene bak fasaden frem i Johanne Seines Svendsen portretter [The Slow Photograph. With Wet Plates and Long Shutter Speeds, the Features Behind the Façade Appear in Johanne Seines Svendsen's Portraits]. *Foto.no: Hele Norges fotoportal,* 30 January. Available at: https://fokus.foto.no/a/45359 (accessed: 29.06.2021).

Interview with Photographer Igor Klepnev. 2020. July.

Köhler B., David S., Blumtritt J. (2010) *Das Slow Media Manifest* [The Slow Media Manifesto]. Available at: https://www.slow-media.net/manifest (accessed: 20.05.2021).

La programme du 3-ème Congrès de la Photographie Haute Résolution à Montreux [The Program of the 3d Congress of High Resolution Photography in

Montreux]. Available at: http://rencontrephotographiquemontreux.blogspot.com (accessed: 15.06.2021).

Minaev S. (2019) Khaski: «Ya ne boyus', mne naplevat'» [I'm not afraid, I don't give a damn]. *Esquire* 2. Available at: https://esquire.ru/hero/81392-haski-ya-ne-boyus-mne-naplevat/ (accessed: 20.06.2021).

Mougin J.-C. (2007) *Eloge de la lenteur (suivi d'une petite philosophie de la lenteur)* [In Praise of Slowness (Followed by a Little Philosophy of Slowness)]. Available at: https://www.academia.edu/34862288/Eloge_de_la_lenteur_suivi_dune_petite_philosophie_de_la_lenteur (accessed: 10.06.2021).

Robert Hunting. Slow Photographs of Thai Spirit Houses (with Shrines). Available at: https://www.lensculture.com/projects/726806-slow-photographs-of-thai-spiri (accessed: 03.06.2021).

Somerstein R. (2014) Image, Author, Failure, Chance: a Conversation with Oliver Chanarin and Adam Broomberg. *Afterimage*, March. Available at: http://www.broombergchanarin.com/text-image-author-failure (accessed: 18.06.2021).

References

Aragon L. (1989) La Peinture au defi [Painting Defies]. In L. Aragon (ed.) *L'oeuvre poetique*, *2e edition, tome II, livre V* [Poetic Works, 2nd ed., vol. 2, book 5]. Paris: Messidor/Livre Club Diderot. (In French)

Arentz D. (2005) *Platinum & Palladium Printing. 2nd Edition*. Boston; Oxford: Focal Press.

Azoulay A. (2008) *The Civil Contract of Photography.* New York: Zone books.

Bart R. (1989) Ritorika obraza [Rhetoric of the Image]. In *Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ. (In Russian)

Bart R. (2003) Fotograficheskoe soobshhenie [The Photographic Message]. In *Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System. Articles on Semiotics of Culture]. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh Publ. (In Russian)

Bart R. (2011) *Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Camera Lucida. Reflections on Photography]. Moscow: OOO 'Ad Marginem Press' Publ. (In Russian)

Benjamin V. (1996) Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti [A Work of Art in the Era of Its Technical Reproducibility]. In *Benjamin V. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [A Work of Art in the Era of Its Technical Reproducibility. Selected Essays]. Moscow: Goethe German Cultural Center. "MEDIUM" Publ. (In Russian)

Flusser V. (2008) *Za filosofiju fotografii* [For the Philosophy of Photography]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ. (In Russian)

Khoruzhiy S. S. (2009) Filosofiya pod antropologicheskim uglom zreniya [Philosophy from an Anthropological Perspective]. *Filosofskiy zhurnal* 2 (3): 22–38. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-pod-antropologicheskim-uglom-zreniya (accessed: 13.01.2021). (In Russian)

Kolomiets V. P. (2010) Mediasreda i mediapotreblenie v sovremennom rossiyskom obshchestve [Media Environment and Media Consumption in Modern Russian Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 1: 58–66. (In Russian)

Krauss R. (2003) *Podlinnost' avangarda i drugie modernistskie mify* [The Authenticity of Avant-Garde and Other Modernist Myths]. Moscow: "Khudozhestvennyy zhurnal" Publ. (In Russian)

Kristeva Yu. (2015) Vnevremennost' [Timelessness]. In *Kristeva Yu. Semiotika: Issledovaniya po semanalizu* [Semiotics: Studies in Semanalysis]. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ. (In Russian)

Lotman Yu. M. (1996) Analiz poeticheskogo teksta [An Analysis of Poetic Text]. In *Lotman Yu. M. O poetakh i poezii* [On Poets and Poetry]. St. Petersburg: "Iskusstvo- SPB" Publ. (In Russian)

Osbaldiston N. (2013) Slow Culture. In N. Osbaldiston (ed.) *Culture of the Slow. Social Deceleration in an Accelerated World*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137319449

Pal G. (2010) *Le dispositif photo-littéraire en France dans la seconde moitié du XXème siècle: analyse de l'oeuvre de François-Marie Banier, Jean-Loup Trassard, Lorand Gaspar et Denis Roche. Littératures*. PhD thesis [The Photo-Literary Device in France in the Second Half of the 20th Century: an Analysis of the Works of François-Marie Banier, Jean-Loup Trassard, Lorand Gaspar and Denis Roche. Literatures. PhD thesis]. Université Rennes 2, Université Européenne de Bretagne; University of Szeged. Rennes. Available at: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00481329/file/thesePal.pdf (accessed: 17.01.2021). (In French)

Ricoeur P. (2002) *Konflikt interpretacij. Ocherki o germenevtike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow: "KANON-press-C", "Kuchkovo pole" Publ. (In Russian)

Rouillé A. (2014) *Fotografiya. Mezhdu dokumentom i sovremennym iskusstvom* [Photography. Between Document and Contemporary Art]. St. Petersburg: Klaudberri Publ. (In Russian)

Shklovskiy V. B. (1929) Iskusstvo kak priem [Art as a Device]. In *Shklovskiy V. O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Federatsiya Publ. (In Russian)

Sontag S. (2013) *O fotografii* [About Photography]. Moscow: OOO "Ad Marginem Press" Publ. (In Russian)

Weber M. (1990) Kriticheskie issledovaniya v oblasti nauk [Critical Research in Science]. In *Weber M. Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
07.07.2021

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Балакина Юлия Владимировна, PhD, доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия; e-mail: julianaumova@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА В ЗАРУБЕЖНЫХ МЕДИА[1]

Актуальность представляемой теоретической работы обусловлена растущей популярностью разнообразных форм визуального контента современных СМИ, в которых традиционные мультимодальные тексты конкурируют с новыми формами. Таким образом, цель исследования заключается в необходимости продемонстрировать уникальность и непреходящую актуальность жанра политической карикатуры. В рамках работы было проведено сравнение карикатуры и мема, представлен перечень социально значимых событий, триггером которых явились карикатуры, а также обзор современных зарубежных исследований по теме. Результаты исследования показывают, что карикатура – сатирический жанр, обладающий политическим потенциалом, – сегодня занимает свою нишу в СМИ. Таким образом, несмотря на разнообразие средств визуализации современных СМИ, возможность дальнейшего развития жанра карикатуры в сети Интернет не вызывает сомнений.

Ключевые слова: *политическая карикатура, мем, визуализация, мобилизация, карикатурный скандал.*

Julia V. Balakina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Literature and Cross-Cultural Communication, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: julianaumova@gmail.com

POLITICAL CARTOONS IN FOREIGN MEDIA

The timeliness of the present theoretical study is determined by the growing popularity of various forms of visual content in modern media, where traditional multimodal texts compete with emerging new forms. Thus, the article aims at revealing the uniqueness and undying relevance of political cartoons as a traditional genre of media communication. To achieve the aforementioned goal, a comparative analysis of cartoons and memes was conducted, a list of socially important events triggered by cartoons was presented, and a review of foreign research on this subject was made. Taking into account the results achieved, the author concludes that despite a wide variety of visualization means, cartoons as a genre fill their own niche

in the media as a complex mechanism of satire production, possessing political potential. Therefore, there seem to be no obstacles on the way to further development of this genre on the Internet.

Key words: *political cartoon, meme, visualization, mobilization, cartoon scandal.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.95115

Введение

В эпоху Интернета, интенсивного развития современных технологий и непрерывно увеличивающегося потока информации основная задача СМИ – представить данные максимально просто, быстро и наглядно. Этому способствуют современные формы визуализации: рисунки, инфографика, фотографии, типографика и многие другие. Визуальный контент непрерывно обновляется, пополняется все более замысловатыми формами, способными удовлетворить потребности современной аудитории, которой свойственно «клиповое мышление» – «познание действительности через мгновенное выделение главного» (Симакова, 2017: 136), а именно по принципу «изображение – заголовок – текст».

Смещению акцента с текста на изображение способствовал так называемый «иконический», или «визуальный», поворот (Boehm, Mitchell, 2009), когда языковых ресурсов перестало хватать для отображения действительности. Однако поворот вовсе не означает замещения текста графическими объектами. Иконический поворот расширил возможности языка, позволив представлять факты в соответствии с вызовами времени новых технологий и растущего объема информации, а также наделив аудиторию эффективным инструментом для обработки сообщений. Кроме того, со смещением акцента с текста на изображение частично был снят вопрос языкового барьера, что представляется особенно актуальным в эпоху глобализации и доступности информации. Таким образом, для первичной обработки сообщения и выделения смысла читателю достаточно декодировать изображение, которое берет на себя основную смысловую нагрузку. Данная возможность позволила существенно расширить аудиторию современных СМИ.

При этом следует отметить, что производство изображений в современных СМИ поставлено на поток. В итоге утрачивается уникальность, индивидуальность, которую мы так ценим в изобрази-

тельном искусстве или, например, в фотографии. Это приводит к тому, что некоторые виды визуализации утрачивают популярность из-за невозможности тиражирования, а также значительных финансовых затрат. Одним из таких уникальных авторских жанров, вытесняемых более современными аналогами, является карикатура, первые упоминания которой датируются XVII в., а У. Хогарт, гравюры и картины которого созданы в XVIII в., считается основоположником нового жанра в журналистике[2].

С появлением Интернета карикатура как жанр традиционных печатных СМИ перекочевала в онлайн-издания, составив конкуренцию новым формам визуализации информации политического характера, таким как, например, мемы. Однако, принимая во внимание тенденцию сокращения количества карикатур в изданиях, а также тот факт, что должности штатных карикатуристов были упразднены в большинстве изданий, как экономически невыгодные, зададимся следующими вопросами: устарела ли карикатура как жанр, утратила ли популярность, какую функцию выполняют карикатуры в жизни социума? Для ответа на них в представляемой обзорной статье с элементами критического анализа будет проведен сравнительный анализ карикатуры и визуальной формы мема, набирающей популярность, представлены факты, подтверждающие действенность политической карикатуры, а также обзор современных зарубежных исследований, посвященных политической карикатуре.

Политическая карикатура и мемы: конкуренция и/или сосуществование

Чтобы ответить на вопрос о сосуществовании двух жанров в современном медиапространстве, необходимо обратиться к их особенностям, выделив общие черты и различия. При этом мы будем опираться на работы О. А. Никитиной, О. А. Гудковой, Ф. Зандер (2018), П. Колозариди (2016), Е. М. Лысенко (2016), С. В. Канашиной (2016), содержащие классификации анализируемых жанров.

Карикатура – уникальный авторский продукт, представляющий собой мультимодальный текст с выраженным комическим эффектом, основанный на преувеличении за счет вербально-визуальных метафор и «узнаваемости» изображения.

Мем – мультимодальный текст, единица интернет-коммуникации, чаще юмористической направленности, реализуемой

с помощью разнообразных стилистических приемов или графических средств, обладающий способностью к мимикрии и редупликации.

С точки зрения формальных признаков и свойств карикатура и мем имеют много общего. Так, карикатуры и мемы можно найти как в онлайн-изданиях, так и в печатных СМИ. Оба жанра отличает то, что они позволяют создавать серии со схожей тематикой. Несомненно, оба жанра интерпретируют актуальные события общественной и политической жизни, в некоторых случаях транслируя определенную идеологию. Политические карикатуры и мемы политической направленности, обладают интенцией – оказывают воздействие на адресата и побуждают его к определенным действиям. Эмоциональность и экспрессивность обоих жанров реализуется с помощью различных лингвистических средств, например концептуальных метафор (Lakoff, Johnson, 1980), основанных на взаимодействии вербальной и визуальной составляющих текста.

Традиционно считается, что для понимания информации, представленной в мемах и карикатурах, необходимо учитывать контекст. Так, Гузаерова отмечает, что «мемы бессмысленны вне общественного и культурного контекстов» (2017: 52). Колозариди (2016) утверждает, что правильное декодирование возможно только с учетом культурного подтекста, и в своей работе приходит к выводу, что для расшифровки карикатур необходимо детальное знание социальной и культурной информации (см. также: О. А. Никитина, О. А. Гудкова, Ф. Зандер, 2018; Цакона (Tsakona), 2009: 1186). Очевидно, что юмор карикатур и мемов контекстуально и культурно обусловлен. Обусловленность эта описывается понятиями прецедентности и интертекстуальности (Караулов, 1987; Kristeva, 1986) – неотъемлемыми элементами жанров карикатуры и мема. Однако в настоящее время, в ходе глобализации, происходит размывание национальных границ культуры и обуславливаемых ими контекстов, вследствие чего границы прецедентности и интертекстуальности расширяются и декодирование заложенного в карикатурах и мемах юмора становится доступно любому реципиенту независимо от культурно-языковых характеристик (*cultural background*).

Кроме того, оба жанра характеризуются привлекающей внимание визуальной составляющей с сопроводительной надписью, что относит их к категории мультимодальных текстов (Kress, van Leeu-

wen, 2001) с одновременным использованием текстового и визуального семиотических модусов в рамках одного продукта.

О взаимоотношениях текстовой и визуальной составляющей Самсон и Хубер (Samson, Huber, 2007: 14) пишут следующее:

- картинка может быть иллюстрацией словесной шутки без добавления юмористического эффекта; следовательно, только текст отвечает за юмористический эффект;

- изображение содержит вспомогательную информацию, не содержащуюся в юмористическом тексте; следовательно, и текст, и изображение способствуют юмористическому эффекту;

- картинка необходима для создания юмора; следовательно, юмор основан только на картинке, а не на тексте, если таковой имеется.

Абрахам (Abraham, 2009: 159) отмечает, что, хотя карикатуры считаются преимущественно визуальным жанром, косвенный характер визуальной составляющей, а также отсутствие однозначно трактуемого синтаксиса требует, чтобы изображение было соотнесено с текстом для уточнения конструируемых смыслов.

Однако с развитием обоих жанров появляются другие типы взаимоотношений вербального и визуального текста. Здесь в первую очередь стоит отметить гибридное взаимодействие, основывающееся на теории блендинга (теории концептуальной интеграции), разработанной Ж. Фоконье и М. Тернером (Fauconnier, Turner, 1998). Каждый компонент привносит часть своего значения в общий смысл, для успешного декодирования бленда необходимо обладать знаниями о всех компонентах, однако простая сумма компонентов не идентична значению бленда. Здесь хотелось бы привести дополнительную классификацию взаимодействия смыслов, предложенную Канашиной (2016: 152–167), которая представляется актуальной как для мемов, так и для карикатур.

- Гибридная модель, основанная на дополнении/достраивании (*completion*) смысла бленда: изображение дополняет смысл вербального компонента и предоставляет дополнительную информацию.
- Гибридная модель, основанная на соединении (*composition*) вербального и визуального компонентов: вербальный и невербальный компоненты играют равнозначную роль в формировании смысла бленда, их содержание как бы «соединяется» в бленде.
- Гибридная модель, основанная на наращивании (*elaboration*) смысла визуальным компонентом под воздействием

вербального компонента, позволяющая расширить значение изображения, или наоборот.

Далее будут представлены уникальные характеристики, позволяющие проиллюстрировать тот факт, что каждый из жанров в настоящий момент занимает собственную нишу в СМИ.

Карикатура и мем представляют собой целостные продукты, однако зачастую мем рождается путем переноса визуальной составляющей в новый ситуативный контекст, где текст является прецедентным феноменом или наоборот. Таким образом, мем обладает определенной степенью вариативности с возможностью модифицировать компоненты мема (изображение или текст) и тем самым редуплицировать его бессчетное количество раз (Канашина, 2016; Никитина, Гудкова, Зандер, 2018). Росс и Риверс в своей работе отмечают, что создатель мема может изменить его значение, внеся изменения в вербальную составляющую, и, таким образом, получить новую итерацию или же подвергнуть изменению вербальную и визуальную составляющую, что в итоге приведет к появлению совершенно нового деривата (Ross, Rivers, 2017: 2). В отличие от мема, карикатура – это уникальный авторский продукт, вербальный и визуальный компонент которого принадлежат к одному и тому же контексту. Сложно себе представить вариативность карикатуры, так как и вербальная, и визуальная составляющие представляют собой реакцию на конкретное событие «здесь и сейчас». Перенос карикатуры в другой ситуативный контекст приведет к потере ее основных свойств, а именно способности разоблачать сущность проблемы, критического осмысления ситуации, остроты юмора и сатиры.

Также необходимо отметить способность мема к распространению путем переадресации, создания ссылок и копирования (Shifman, 2013: 365). Пользователи применяют к мемам следующие стратегии, способствуя их распространению и поддержанию вариативности, – мимикрия и ремикс (Ibid). Однако далеко не все мемы становятся вирусными. В процессе конкурентной борьбы за внимание пользователей выделяются мемы, порождающие тысячи своих вариантов, и просто трендовые мемы (Marwick, 2013: 13).

Вирусность не типична для карикатуры, однако стоит отметить исключения из этого правила: 12 карикатур на пророка Мухаммеда, а также некоторые карикатуры С. Елкина.

Если в некоторых случаях можно сказать, что «мем – это просто смешно» (Колозариди, 2016: 225) и запустить мем может

по сути любой, наложив на смешную картинку смешной текст, то создание карикатуры – это сложный процесс, что подтверждается значительным количеством исследований, посвященных юмору в карикатурах (Sanina, 2019; Tsakona, 2009; Yingchi Chu, 2020; Середина, 2017 и др.) Так, карикатуры сложны для понимания из-за разнообразия и взаимодействия механизмов, порождающих юмор. Юмористические сценарии основаны на явных знаниях и общепринятых убеждениях, которые известны читателям заранее. Если сценарии не являются легко узнаваемыми и широко известными, то юмор может быть не понят (Tsakona, 2009).

Возвращаясь к теме актуальности и политизированности обоих жанров, в первую очередь стоит отметить политический характер интернет-мемов. Так, Абдель-Рахим отмечает, что «мемы – это мультимодальная форма, которая приобретает все более политический характер и используется самими политиками для передачи и распространения информации» (Abdel-Raheem, 2020: 306). Мемы являются популярной формой цифрового политического участия (Ross, Rivers, 2017). Кроме того, исследования подтверждают роль мемов в протестных движениях. Мемы конструируют протестный дискурс, становятся символами мобилизации различных слоев населения, ставят под сомнения властный дискурс (Shomova, 2021; Moreno-Almeida, 2021).

Однако основная роль мемов в политике – подхватывание и распространение идеи, что способствует формированию определенного образа мышления, формы поведения и действий социальных групп (Knobel, Lankshear, 2007).

Карикатуры же на протяжении всей своей истории зарекомендовали себя как чрезвычайно мощное средство высмеивания и критики режимов и социальных обычаев. Например, они использовались общественными и политическими движениями во время арабской весны (Borjabad, Ruiz del Olmo, 2020). Карикатуры не только были транслятором определенного мнения, но и мотивировали людей на борьбу, выступили в качестве мирного оружия для победы над режимом. Или, например, в своей работе А. Крстић, Г. Аиелло, Н. Владисавлэвић (Krstić, Aiello, Vladisavljević, 2020) исследуют, как политические карикатуры отражали и стимулировали сопротивление растущему авторитаризму власти в современной Сербии. Авторы заключают, что карикатуры служат контрдискурсом и инструментом противодействия режиму и лояльным

ему СМИ. Еще один пример – работа Нойбергера и Кремара (Neuberger, Kremar, 2008). Исследование показало, что карикатуры могут иметь важное значение для принятия политических решений: участники экспериментального исследования изменили свое мнение о проблемах, после того как подверглись воздействию политической карикатуры.

Таким образом, можно заключить, что и мемы, и карикатуры являются непременными «участниками» современных политических процессов. Однако, несмотря на растущую популярность мемов, до настоящего момента они не были вовлечены ни в один скандал такого масштаба, как карикатуры, и их публикации не ассоциируются с человеческими жертвами. Далее будет представлен краткий обзор реальных событий, триггерами которых послужили карикатуры.

Реальность воздействия политической карикатуры: карикатуры как триггеры.

Несмотря на кажущуюся неактуальность политической карикатуры, невозможно отрицать силу воздействия, которую она оказывает на общество при определенных обстоятельствах.

Например, 30 сентября 2005 г. произошел «карикатурный скандал» (*conflict* – Olesen, 2009; *crisis* – Kuipers, 2011; Gregersen, 2009; *the global scandalisation* – Jahn, 2015), после того как в крупнейшей датской газете «Юлландс-Постен» (*Jyllands-Posten*) было опубликовано несколько карикатур на пророка Мухаммеда. Публикация повлекла за собой беспорядки и протесты. Это был не просто локальный конфликт: в течение нескольких месяцев полемика переросла в полномасштабное транснациональное явление. Протесты достигли кульминации в феврале 2006 г., когда были совершены поджоги датских представительств в Ливане и Сирии (Olesen, 2009). То, что начиналось как локальный сюжет в маленьком европейском государстве, превратилось в итоге в конфликт между исламом и Западом (Wetherly, 2012).

Далее, 12 февраля 2008 г. датская полиция арестовала троих по подозрению в планировании убийства Курта Вестера-Гаарда, карикатуриста, автора «человека в тюрбане в форме бомбы». 17 крупных газет в Дании переиздали карикатуры, что повлекло за собой новые демонстрации и новые бойкоты (Gregersen, 2009).

7 января 2015 г. в редакции французской газеты «Шарли Эбдо» (*Charlie Hebdo*) было расстреляно 12 сотрудников. Предпосылкой послужил комикс на пророка Мухаммеда.

14 и 15 февраля 2015 г. в Копенгагене произошел теракт с «карикатурной подоплекой». На мероприятии был убит шведский художник Ларс Вилкс, который предположительно являлся главной целью террористов из-за его рисунков Мухаммеда.

16 октября 2020 г. был убит французский учитель Самюэль Пати, после того как на лекции продемонстрировал карикатуры на пророка Мухаммеда.

Так, казалось бы, простое графическое изображение явилось триггером межнациональных и межконфессиональных конфликтов и повлекло за собой человеческие жертвы.

В главе под названием «Карандаш сильнее автомата Калашникова» Леггатт (Leggatt, 2021) отмечает, что карикатуры, кажется, предполагают, что можно бороться с терроризмом и победить его с помощью силы изображения. Но такая гегемонистская демонстрация карикатур в первую очередь провоцирует террористическое насилие.

Нет никаких сомнений в способности карикатуры упорядочивать социальные проблемы и задействовать коллективное сознание сообщества. Очень важно попытаться понять, как этот визуальный способ коммуникации конструирует смыслы, как карикатурам удается включаться в социальную критику, способную направлять общественное понимание проблем (Abraham, 2009: 162).

Стоит также отметить, что трагические события и конфликты, триггерами которых послужили карикатуры, побудили общественность к переосмыслению таких вопросов, как свобода слова и международные отношения (Kuipers, 2011; Wetherly, 2012), межгосударственная политическая активность (Olesen, 2009) и многие другие.

Современные исследования политической карикатуры за рубежом

Политические карикатуры, являющиеся объектом исследований за рубежом, не ограничиваются религиозной тематикой. Широкий спектр актуальных событий, освещаемых через сатирическую призму карикатуры, является эффективным инструментом разоблачения социальных проблем.

Лингвистические исследования с использованием количественных и качественных методов демонстрируют реализуемые в авторских карикатурах стереотипы и клише, циркулирующие в обществе, а также акцентируют внимание на глобальных проблемах, выходящих за рамки национальных контекстов.

Однако метаанализ, проведенный Чен, Пхиддиан, Стюарт (Chen, Phiddian, Stewart, 2017), показывает, что место исследований политической карикатуры в науке до сих пор четко не определено, так как их изучением занимаются разные специалисты, а также проводятся междисциплинарные исследования.

Результаты проведенного нами анализа зарубежной литературы в целом совпадают с результатами метаанализа, в результате которого авторы выделили шесть подтем: метаисследования политических карикатур, свойства политических карикатур, политическая карикатура как зеркало культуры, влияние политических карикатур, восприятие аудиторией и экосистема политической карикатуры.

Далее будет представлен краткий обзор современных зарубежных исследований карикатурного жанра как средства отражения в СМИ процессов, происходящих в обществе.

Целый ряд исследований посвящен гендерным стереотипам, транслируемым при помощи карикатур.

В. Чикаипа (Chikaipa, 2019) в своем исследовании карикатур на Джойс Банду, первую женщину-президента Малави, приходит к выводу, что серии карикатур изображают ее как нерешительного, неэффективного, невежественного и слабого политика, основываясь на укоренившихся в обществе гендерных стереотипах, а не на действиях президента, управляющего страной.

К похожим выводам приходит и Джонсон-Майерс (Johnson-Myers, 2019), заключая, что гендерные стереотипы и концепции присутствовали в оценке лидерских качеств премьер-министра Симпсон-Миллер. Карикатуристы высмеивали ее склонность к расходам, сравнивая с прошлыми премьер-министрами (мужчинами), а также высказывали преувеличенные опасения по поводу уровня ее образования.

Однако исследователи гендерных карикатур в Европе, точнее в Испании, не обнаружили систематической «травли» женщин, впервые занимающих тот или иной высокий политический пост. Напротив, женские политические прорывы чаще получают признание, чем игнорируются или высмеиваются, но изображение

женщин-политиков не лишено тривиальных черт, особенно со стороны консервативных карикатуристов (Pastor,Verge, 2021).

Карикатуры также являются эффективным инструментом трансляции этнических стереотипов и идентичности.

Исследование Леннон, Килби (Lennon, Kilby, 2020) посвящено политическим карикатурам на тему референдума в Великобритании о членстве в Европейском Союзе и последующего голосования за выход в 2016 г. В фокусе работы – риторика карикатур, свидетельствующая о конструировании национальной идентичности и инаковости. Утверждается, что такие карикатуры можно рассматривать как микропримеры закрепления Брексита как самореференциального политического разрыва, определяемого оппозиционными дискурсами и сопутствующим им интеллектуальным наследием.

Зайнутдин, Махамуд (Zainuddin, Mahamood, 2018) в своем исследовании анализировали карикатуры Лэта, известного малазийского карикатуриста, раскрывающие уникальность многонационального малазийского общества, необходимость сохранения национального наследия. В работах Лэта всегда отражаются особенности малазийской культуры, социальная, экономическая и политическая системы страны.

Стоит также выделить большой пласт исследований карикатур, посвященных экологическим проблемам.

В исследовании Манзо (Manzo, 2012) карикатура предстает способной эффективно представлять геополитику изменения климата. Изучив карикатуры, представленные в 2008 г. на международном политическом конкурсе карикатур *Earthworks*, автор заключает, что они способны обеспечивать более полное понимание проблем изменения климата, чем другие визуальные формы (рисунки, фотографии). Разнообразие, наряду со способностью карикатуры представить сложные вопросы в упрощенной и доступной форме, дает им возможность играть существенную роль в дискурсе изменения климата.

В исследовании Айнзидель, Ремиллард, Гомаа, Зеаитер (Einsiedel, Remillard, Gomaa, Zeaiter, 2017) изучались изображения биотоплива в политических карикатурах в Интернете. Результаты исследования показывают неослабевающую роль карикатуры на политической арене.

Особо стоит отметить исследования, посвященные прикладному использованию карикатур в сфере образования. В работе Вавра

(Wawra, 2018) рассматривается тема мультимодальной грамотности. Автор утверждает, что анализ политических карикатур может быть применен в качестве учебного пособия по обучению чтению на уроках английского языка в средней и высшей школе. Автор отмечает, что карикатуры можно использовать для улучшения понимания учащимися взаимодействия различных модусов (текстового и визуального) и того, как основные риторические стилистические средства, такие как метафора, метонимия и персонификация, конструируются в разных модусах.

Оуэнс (Owens, 2016) также отмечает, что эффективность политических карикатур в преподавании теоретического и концептуального материала и улучшении навыков критического мышления явно недооценена. Изучение политических карикатур помогает студентам отточить свои аналитические навыки, оживляя дискуссии в классе.

Также в работах зарубежных исследователей предлагается ряд теоретико-методологических подходов к исследованию карикатур как сложившейся экосистемы.

Так, в своей работе Абдель-Рахим (Abdel-Raheem, 2020) утверждает, что визуальный и мультимодальный дискурс выиграет от принятия теории ментальных моделей ван Дейка в качестве базовой модели для анализа. Автор отмечает, что изучение политических карикатур как дискурса все еще остается маргинальной областью в исследованиях массовых коммуникаций и журналистики, в то время как кино, комиксы, реклама и другие жанры изучены несравненно глубже. Особенно актуален тот факт, что политические карикатуры практически не изучались с эпистемологической точки зрения. Систематический анализ способов интерактивного «управления» знаниями (выражаемыми, предполагаемыми, формулируемыми, организованными, подразумеваемыми и т. д.) в рамках структуры и стратегий мультимодального текста может быть определен как эпистемический мультимодальный анализ дискурса.

Свейн (Swain, 2012) в своей работе использует теорию оценки для интерпретации оценочного значения, конструируемого сложными визуальными и вербальными ресурсами в политических карикатурах. Автор вводит понятие «оценочного ключа», или стиля межличностного общения. В итоге было обнаружено два типа конфигурации: «голос репортера» и «голос писателя». Голос ре-

портера поддерживает видимость объективности, приписывая оценочные высказывания внешним источникам, избегая, таким образом, авторской оценки любого рода. Голос писателя далее подразделяется на голос «корреспондента» и голос «комментатора». Оба эти ключа используют авторское отношение, но голос комментатора имеет тенденцию к использованию авторского суждения чаще. Голос корреспондента имеет тенденцию вызывать уважение и признательность со стороны общества.

Исследование Ингчи (Yingchi Chu, 2020) посвящено вопросам понимания юмора в политической карикатуре. Автор утверждает, что мейнстримные политические карикатуры уникально сочетают в себе три черты иконичности: прямое сходство, диаграмматическую схематизацию и метафорическое смещение, что Чарльз С. Пирс (Pierce, 1992) называл концепцией гипоиконичности. Соответственно, потребители карикатур (*the readers*) реконструируют прямое сходство карикатуры с реальными историческими личностями и ситуациями посредством метафорического искажения, представленного в карикатуре, и тем самым восстанавливают схематическое, визуальное структурное мышление автора, чтобы в итоге прийти к пониманию сатирического послания автора карикатуры.

Заключение и выводы: о будущем политической карикатуры

Подводя итоги, можно заключить, что, несмотря на разнообразие доступных средств визуализации, в СМИ конкурентов у карикатуры нет. Это связано прежде всего с тем, что ни один жанр до сих пор не продемонстрировал такую силу воздействия и такой политический потенциал, как карикатура.

При том что большое количество работ посвящено тонкой сатире и юмору карикатуры, до сих пор остается открытым вопрос «правильного» декодирования смысла, заложенного автором. Комплексный механизм производства юмора карикатуры включает в себя взаимодействие визуальной и текстовой составляющей, в основе которых лежат концептуальные метафоры, приемы преувеличения и противопоставления. Таким образом, в зависимости от того, насколько читатель знаком с представляемыми в карикатуре сценариями, зависит его способность интерпретировать смысл карикатуры. При исследовании влияния карикатуры на аудиторию

следует принимать во внимание тот факт, что из одной карикатуры можно извлечь разные смыслы,

Почему мемы не заменят карикатуры? Использование шаблонных изображений упрощает порождаемые смыслы. Задача мема, смешного и понятного самой широкой аудитории, – распространять идеи. Карикатура – комплексный феномен, «штучный товар», создаваемый под конкретное событие, максимально точно и злободневно представляющий социальную проблему. С другой стороны, нельзя не отметить тот факт, что карикатуры, как и новости, быстро утрачивают актуальность.

Смогут ли карикатуры идти в ногу со временем и адаптироваться к требованиям современных СМИ? Для этого не существует никаких видимых препятствий. Несмотря на кажущееся сокращение присутствия, благодаря Интернету жанр политической карикатуры продолжает развиваться: создаются глобальные платформы, где художники со всего мира делятся своими произведениями, например *cartoonmovement.com, gocomics.com, politico.com* и другие.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31335.

[2] Энциклопедия «Всемирная история». Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/karikatura (дата обращения: 23.06.2021).

Библиография

Гузаерова Р. Р. Интернет-мем как знак современного медиапространства // Филология и культура. 2017. № 2 (48). С. 50–54.

Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Колозариди П. Мем о бесславии // Logos. 2016. №6. С. 219–235.

Лысенко Е. М. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестн. СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 410–424. DOI: https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.403

Никитина О. А., Гудкова О. А., Зандер Ф. Интернет-мем как мультимодальный феномен немецкоязычного интернет-дискурса // Язык и культура. 2018. № 43. С. 74–87. DOI: 10.17223/19996195/43/5

Середина Е. В. Ирония в политической карикатуре // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–6. С. 66–70.

Симакова С. И. Визуализация в СМИ: вынужденная необходимость или объективная реальность? // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2017. № 1.2. С. 135–139.

Abdel-Raheem A. (2020) Mental Model Theory as a Model for Analysing Visual and Multimodal Discourse. *Journal of Pragmatics* 155: 303–320. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.09.012

Abraham L. (2009) Effectiveness of Cartoons as a Uniquely Visual Medium for Orienting Social Issues. *Journalism & Mass Communication Monographs* 11 (2): 117–165. DOI: 10.1177/152263790901100202

Boehm G., Mitchell W. J. T. (2009) Pictorial versus Iconic Turn: Two Letters. *Culture, Theory and Critique* 50 (2–3): 103–121. DOI: https://doi.org/10.1080/14735780903240075

Borjabad S. A. F., Ruiz del Olmo F. J. (2020) Arab Political Cartoons and Facebook: Nadia Khiari, Ali Ferzat and Mohammed Sabaaneh. *Journal of Communication Inquiry* 75 (3): 1–23. DOI: https://doi.org/10.1177/0196859920977115

Chen K. W., Phiddian R., Stewart R. (2017) Towards a Discipline of Political Cartoon Studies: Mapping the Field. In J. M. Davis (ed.) *Satire and Politics*. *Palgrave Studies in Comedy*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 125–162. DOI: 10.1007/978-3-319-56774-7

Chikaipa V. (2019) Caring Mother or Weak Politician? A Semiotic Analysis of Editorial Cartoon Representations of President Joyce Banda in Malawian Newspapers. *Critical Arts* 33 (2): 14–28. DOI: 10.1080/02560046.2019.1655583

Einsiedel E., Remillard C., Gomaa M., Zeaiter E. (2017) The Representation of Biofuels in Political Cartoons: Ironies, Contradictions and Moral Dilemmas. *Environmental Communication* 11 (1): 41–62. DOI: https://doi.org/10.1080/17524032.2015.1076017

Fauconnier G., Turner M. (1998) Conceptual integration networks. *Cognitive science* 22 (2): 133–187. DOI: https://doi.org/10.1016/S0364-0213(99)80038-X

Gregersen N. H. (2009) On Taboos: The Danish Cartoon Crisis 2005–2008. *Dialog* 48: 79–96.

Jahn E. (2015) The Globalisation of the Danish Cartoon Dispute. In *German Domestic and Foreign Policy*. Berlin; Heidelberg: Springer. Pp. 59–73. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-662-47929-2_4

Johnson-Myers T. M. (2019) Negative Media Frames and Female Politicians: A Case Study of Jamaica's First Female Prime Minister, Portia Simpson-Miller. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society* 28 (1): 193–214.

Knobel M., Lankshear C. (2007) *A new literacies sampler*. New York: Peter Lang.

Kress G. R., van Leeuwen T. (2001) *Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication*. London: Edward Arnold Publ.

Kristeva J. (1986) Word, dialogue and novel. In T. Moi (ed.) *The Kristeva Reader*. Oxford: Basil Blackwell. Pp. 34–61.

Krstić A., Aiello G., Vladisavljević N. (2020) Visual metaphor and authoritarianism in Serbian political cartoons. *Media, War & Conflict* 13 (1): 27–49. DOI: https://doi.org/10.1177/1750635219856549

Kuipers G. (2011) The politics of humour in the public sphere: Cartoons, power and modernity in the first transnational humour scandal. *European Journal of Cultural Studies* 14 (1): 63–80. DOI: https://doi.org/10.1177/1367549410370072

Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Leggatt M. (2021) The Pencil is Mightier Than the Kalashnikov: What Cartoons Can Tell Us About Our (Mis)understanding of Terrorist Acts in the Wake of the Charlie Hebdo Massacre. In E. Caoduro, K. Randell, K. A. Ritzenhoff (eds.) *Mediated Terrorism in the 21st Century*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 159–288. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-73511-1

Lennon H. W., Kilby L. (2020) A Multimodal Discourse Analysis of 'Brexit': Flagging the Nation in Political Cartoons. In M. A. Demasi, S. Burke, C. Tileag (eds.) *Political Communication. Palgrave Studies in Discursive Psychology*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 115–146. DOI: 10.1007/978-3-030-60223-9

Manzo K. (2012) Earthworks: The Geopolitical Visions of Climate Change Cartoons. *Political Geography* 31 (8): 481–494. DOI: 10.1016/j.polgeo.2012.09.001

Marwick A. (2013) Memes. *Contexts* 12 (4): 12–13. DOI: https://doi.org/10.1177/1536504213511210

Moreno-Almeida C. (2021) Memes as snapshots of participation: The role of digital amateur activists in authoritarian regimes. *New Media and Society* 23 (6): 1545–1566. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444820912722

Neuberger L., Kremar M. (2008) *Exploring the Effects of Editorial Cartoons on Attitude Change: An Experimental Analysis. Presentation, at the Annual Convention of the International Communication Association, Montreal, Canada, May 22–26.*

Olesen T. (2009) The Muhammad Cartoons Conflict and Transnational Activism. *Ethnicities* 9 (3): 409–426. DOI: https://doi.org/10.1177/1468796809337432

Owens K. A. (2016) Captioning Political Cartoons from Different Perspectives as a Tool for Student Reflection. In L. Byrne (ed.) *Learner-Centered Teaching Activities for Environmental and Sustainability Studies*. Cham: Springer. Pp. 301–306. DOI: 10.1007/978-3-319-28543-6

Pastor R., Verge T. (2021) The Symbolic Representation of Women's Political Firsts in Editorial Cartoons. *Feminist Media Studies*. DOI: 10.1080/14680777.2021.1886140

Pierce Ch. (1992) Reason and the Logic of Things: The Cambridge Conferences Lectures of 1898. In K. L. Ketner (ed.) *Charles Sanders Pierce*. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press.

Ross A. S., Rivers D. J. (2017) Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S Presidential candidates. *Discourse, Context & Media* 16: 1–11. DOI: https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001

Samson A. C., Huber O. (2007) The Interaction of Cartoonist's Gender and Formal Features of Cartoons. *Humor-International Journal of Humor Research* 20 (1): 1–25. DOI: 10.1515/HUMOR.2007.001

Sanina A. (2019) Who Are You Kidding?: Visual Political Irony in Contemporary Russia. *Qualitative Inquiry* 25 (4): 432–444. DOI: https://doi.org/10.1177/1077800418790292

Shifman L. (2013) Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker. *Journal of Computer - Mediated Communication* 18: 362–377. DOI: https://doi.org/10.1111/jcc4.12013

Shomova S. (2021) «Hieroglyphs of protest»: Internet Memes and Protest Movement in Russia. *Problems of Post-Communism*. DOI: 10.1080/10758216.2020.1864217

Swain E. (2012) Analysing Evaluation in Political Cartoons. *Discourse, Context & Media* 1 (2–3): 82–94. DOI: 10.1016/j.dcm.2012.09.002

Tsakona V. (2009) Language and Image Interaction in Cartoons: Towards a Multimodal Theory of Humor. *Journal of Pragmatics* 41 (6): 1171–1188. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.12.003

Wawra D. (2018) Multimodal Literacy: Meaning Negotiations in Political Cartoons on the Refugee Crisis. *System* 77: 10–18. DOI: 10.1016/j.system.2018.02.018

Wetherly P. (2012) Freedom of Expression, Multiculturalism and the 'Danish Cartoons'. In M. Farrar, S. Robinson, Y. Valli, P. Wetherly (eds.) *Islam in the West*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 36–55. DOI: 10.1057/9781137025067_4

Yingchi Chu (2020) On the Hypoiconic Structure of Cartoons. *Social Semiotics*: 1–17. DOI: 10.1080/10350330.2020.1756587

Zainuddin N., Mahamood M. (2018) National Identity in Lat's Editorial Cartoons. In R. Anwar, M. Mahamood, D. Md. Zain, M. Abd Aziz, O. Hassan, S. Abidin (eds.) *Proceedings of the Art and Design International Conference (AnDIC 2016)*. Singapore: Springer. Pp. 27–34.

Notes

Entsiklopediya «Vsemirnaya istoriya» [Encyclopedia "World History"]. Available at: https://w.histrf.ru/articles/article/show/karikatura (accessed: 23.06.2021).

References

Abdel-Raheem A. (2020) Mental Model Theory as a Model for Analysing Visual and Multimodal Discourse. *Journal of Pragmatics* 155: 303–320. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.09.012

Abraham L. (2009) Effectiveness of Cartoons as a Uniquely Visual Medium for Orienting Social Issues. *Journalism & Mass Communication Monographs* 11 (2): 117–165. DOI: 10.1177/152263790901100202

Boehm G., Mitchell W. J. T. (2009) Pictorial versus Iconic Turn: Two Letters. *Culture, Theory and Critique* 50 (2-3): 103–121. DOI: https://doi.org/10.1080/14735780903240075

Borjabad S. A. F., Ruiz del Olmo F. J. (2020) Arab Political Cartoons and Facebook: Nadia Khiari, Ali Ferzat and Mohammed Sabaaneh. *Journal of Communication Inquiry* 75 (3): 1–23. DOI: https://doi.org/10.1177/0196859920977115

Chen K. W., Phiddian R., Stewart R. (2017) Towards a Discipline of Political Cartoon Studies: Mapping the Field. In J. M. Davis (ed.) *Satire and Politics. Palgrave Studies in Comedy*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 125–162. DOI: 10.1007/978-3-319-56774-7

Chikaipa V. (2019) Caring Mother or Weak Politician? A Semiotic Analysis of Editorial Cartoon Representations of President Joyce Banda in Malawian Newspapers. *Critical Arts* 33 (2): 14–28. DOI: 10.1080/02560046.2019.1655583

Einsiedel E., Remillard C., Gomaa M., Zeaiter E. (2017) The Representation of Biofuels in Political Cartoons: Ironies, Contradictions and Moral Dilemmas. *Environmental Communication* 11 (1): 41–62. DOI: https://doi.org/10.1080/17524032.2015.1076017

Fauconnier G., Turner M. (1998) Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science* 22 (2): 133–187. DOI: https://doi.org/10.1016/S0364-0213(99)80038-X

Gregersen N. H. (2009) On Taboos: The Danish Cartoon Crisis 2005–2008. *Dialog* 48: 79–96.

Guzaerova R. R. (2017) Internet-mem kak znak sovremennogo mediaprostranstva [Internet Meme as a Sign of Modern Media Space]. *Filologiya i kul'tura* 2 (48): 50–54. (In Russian)

Jahn E. (2015) The Globalisation of the Danish Cartoon Dispute. In *German Domestic and Foreign Policy*. Berlin; Heidelberg: Springer. Pp. 59–73. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-662-47929-2_4

Johnson-Myers T. M. (2019) Negative Media Frames and Female Politicians: A Case Study of Jamaica's First Female Prime Minister, Portia Simpson-Miller. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society* 28 (1): 193–214.

Kanashina S. V. (2016) *Internet-mem kak novyy vid polimodal'nogo diskursa v internet-kommunikatsii (na materiale angliyskogo yazyka):* dis. ... kand. filol. nauk. [Internet Meme as a New Type of Polymodal Discourse in Internet Com-

munication (on the material in English): PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Karaulov Yu. N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Knobel M., Lankshear C. (2007) *A New Literacies Sampler*. New York: Peter Lang.

Kolozaridi P. (2016) Mem o besslavii [The Meme About Infamy]. *Logos* 6: 219 235. (In Russian)

Kress G. R., van Leeuwen T. (2001) *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London: Edward Arnold Publ.

Kristeva J. (1986) Word, Dialogue and Novel. In T. Moi (ed.) *The Kristeva Reader*. Oxford: Basil Blackwell. Pp. 34–61.

Krstić A., Aiello G., Vladisavljević N. (2020) Visual Metaphor and Authoritarianism in Serbian Political Cartoons. *Media, War & Conflict* 13 (1): 27–49. DOI: https://doi.org/10.1177/1750635219856549

Kuipers G. (2011) The politics of humour in the public sphere: Cartoons, power and modernity in the first transnational humour scandal. *European Journal of Cultural Studies* 14 (1): 63–80. DOI: https://doi.org/10.1177/1367549410370072

Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Leggatt M. (2021) The Pencil is Mightier than the Kalashnikov: What Cartoons Can Tell Us About Our (Mis)understanding of Terrorist Acts in the Wake of the Charlie Hebdo Massacre. In E. Caoduro, K. Randell, K. A. Ritzenhoff (eds.) *Mediated Terrorism in the 21st Century*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 159–288. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-73511-1

Lennon H. W., Kilby L. (2020) A Multimodal Discourse Analysis of 'Brexit': Flagging the Nation in Political Cartoons. In M. A. Demasi, S. Burke, C. Tileag (eds.) *Political Communication. Palgrave Studies in Discursive Psychology*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 115–146. DOI: 10.1007/978-3-030-60223-9

Lysenko E. M. (2017) Internet-memy v kommunikacii molodezhi [Internet memes in youth communication]. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya* 10 (4): 410 424. DOI: https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.403 (In Russian)

Manzo K. (2012) Earthworks: The Geopolitical Visions of Climate Change Cartoons. *Political Geography* 31 (8): 481–494. DOI: 10.1016/j.polgeo.2012.09.001

Marwick A. (2013) Memes. *Contexts* 12 (4): 12–13. DOI: https://doi.org/10.1177/1536504213511210

Moreno-Almeida C. (2021) Memes as Snapshots of Participation: the Role of Digital Amateur Activists in Authoritarian Regimes. *New Media and Society* 23 (6): 1545–1566. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444820912722

Neuberger L., Kremar M. (2008) *Exploring the Effects of Editorial Cartoons on Attitude Change: an Experimental Analysis. Presentation, at the Annual*

Convention of the International Communication Association, Montreal, Canada, May 22–26.

Nikitina O. A., Gudkova O. A., Zander F. (2018) Internet-mem kak mul'timodal'nyy fenomen nemetskoyazychnogo internet-diskursa [Internet Meme as a Multimodal Phenomenon in German Internet Discourse]. *Yazyk i kul'tura* 43: 74–87. (In Russian)

Olesen T. (2009) The Muhammad Cartoons Conflict and Transnational Activism. *Ethnicities* 9 (3): 409–426. DOI: https://doi.org/10.1177/1468796809337432

Owens K. A. (2016) Captioning Political Cartoons from Different Perspectives as a Tool for Student Reflection. In L. Byrne (ed.) *Learner-Centered Teaching Activities for Environmental and Sustainability Studies*. Cham: Springer. Pp. 301–306. DOI: 10.1007/978-3-319-28543-6

Pastor R., Verge T. (2021) The Symbolic Representation of Women's Political Firsts in Editorial Cartoons. *Feminist Media Studies*. DOI: 10.1080/14680777.2021.1886140

Pierce Ch. (1992) Reason and the Logic of Things: The Cambridge Conferences Lectures of 1898. In K. L. Ketner (ed.) *Charles Sanders Pierce*. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press.

Ross A. S., Rivers D. J. (2017) Digital Cultures of Political Participation: Internet Memes and the Discursive Delegitimization of the 2016 U.S Presidential Candidates. *Discourse, Context & Media* 16: 1–11. DOI: https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001

Samson A. C., Huber O. (2007) The Interaction of Cartoonist's Gender and Formal Features of Cartoons. *Humor-International Journal of Humor Research* 20 (1): 1–25. DOI: 10.1515/HUMOR.2007.001

Sanina A. (2019) Who Are You Kidding?: Visual Political Irony in Contemporary Russia. *Qualitative Inquiry* 25 (4): 432–444. DOI: https://doi.org/10.1177/1077800418790292

Seredina E. V. (2017) Ironiya v politicheskoy karikature [Irony in Political Caricature]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy* 3–6: 66–70. (In Russian)

Shifman L. (2013) Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker. *Journal of Computer - Mediated Communication* 18: 362–377. DOI: https://doi.org/10.1111/jcc4.12013

Shomova S. (2021) «Hieroglyphs of Protest»: Internet Memes and Protest Movement in Russia. *Problems of Post-Communism*. DOI: 10.1080/10758216.2020.1864217

Simakova S. I. (2017) Vizualizatsiya v SMI: vynuzhdennaya neobkhodimost' ili ob"ektivnaya real'nost'? [Visualization in the Media: a Forced Necessity or an Objective Reality?]. *Vestnik Samarskogo Universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* 1 (2): 135–139. (In Russian)

Swain E. (2012) Analysing Evaluation in Political Cartoons. *Discourse, Context & Media* 1 (2–3): 82–94. DOI: 10.1016/j.dcm.2012.09.002

Tsakona V. (2009) Language and Image Interaction in Cartoons: Towards a Multimodal Theory of Humor. *Journal of Pragmatics* 41 (6): 1171–1188. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.12.003

Wawra D. (2018) Multimodal Literacy: Meaning Negotiations in Political Cartoons on the Refugee Crisis. *System* 77: 10–18. DOI: 10.1016/j.system.2018.02.018

Wetherly P. (2012) Freedom of Expression, Multiculturalism and the 'Danish Cartoons'. In M. Farrar, S. Robinson, Y. Valli, P. Wetherly (eds.) *Islam in the West*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 36–55. DOI: 10.1057/9781137025067_4

Yingchi Chu (2020) On the Hypoiconic Structure of Cartoons. *Social Semiotics*: 1–17. DOI: 10.1080/10350330.2020.1756587

Zainuddin N., Mahamood M. (2018) National Identity in Lat's Editorial Cartoons. In R. Anwar, M. Mahamood, D. Md. Zain, M. Abd Aziz, O. Hassan, S. Abidin (eds.) *Proceedings of the Art and Design International Conference (AnDIC 2016)*. Singapore: Springer. Pp. 27–34.

Поступила в редакцию
09.08.2021

Громова Тамара Михайловна, старший преподаватель кафедры международной журналистики, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: t.gromova@spbu.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ ИННОВАЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Актуальность исследования определяется сложной, многокомпонентной структурой понятия «инновация», успешно адаптированного в менеджменте, социологии и другие областях знаний, но крайне малоизученного в медиадискурсе. Исследование медиадискурса об инновациях позволит определить, почему одни инновации обсуждаются и становятся популярными, а другие остаются неизвестными и затухают. В статье представлены результаты контент-анализа материалов, отфильтрованных на онлайн-ресурсе «ИноСМИ» по тегу «инноваци». Автор исследует тематическую, жанровую направленность текстов, ключевых героев публикаций, посвященных инновациям. По итогам анализа выявлены ключевые характеристики инноваций, использующиеся в зарубежных журналистских текстах. Ключевой вывод заключается в том, что классификация инноваций, адаптированная из менеджмента, может быть успешно использована при контент-анализе медиадискурса. При этом теме инноваций посвящено большое число публикаций в международном медиадискурсе и характеристики этих инноваций весьма прозрачны. Таким образом, исследование открывает перспективы для дальнейших изысканий в выбранной области.

Ключевые слова: *инновация, международный медиадискурс, медиадискурс инноваций, характеристики инноваций, классификация инноваций.*

Tamara M. Gromova, Senior Lecturer at the Chair of International Journalism, Institute Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: t.gromova@spbu.ru

CHARACTERISTICS OF INNOVATIONS IN INTERNATIONAL MEDIA DISCOURSE

The relevance of this research is determined by the complex, multicomponent structure of the concept of 'innovation', successfully adapted to management, sociology and other areas of knowledge, while the operation of this concept in media discourse, wherein it is actively used, remains very poorly studied. This also gives rise to a lack of tailored analysis for media content dedicated to innovations. Research into media discourse on innovations will

ultimately clarify why some innovations are vigorously debated and never lose their popularity, while others remain unknown and fade. This paper presents the results of the content analysis of media materials on the InoSMI online resource. In particular, an attempt was made to determine the characteristics of innovations in the international media context searching for publications by the tag "innovat". The author explores thematic and genre orientation of the texts, the key characters of the publications devoted to innovations and also considers the visibility of the innovation classification from management in media discourse. The analysis revealed the key characteristics of innovations used in foreign media texts, as well as the texts about innovations themselves. The key finding is that the innovation classification adapted from management can be equally well used in the content analysis of media discourse. At the same time, a large number of publications in international media discourse are devoted to the topic of innovations, and the characteristics of these innovations are rather transparent. Thus, the study opens up prospects for further research in the chosen area.

Key words: *innovation, international media discourse, media discourse on innovations, characteristics of innovations, classification of innovations.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.116139

Введение

За последние несколько десятилетий инновации – от Интернета и компьютеров до нанотехнологий и биороботов – значительно изменили жизнь людей. Понятие «инновация» активно используется в научном, политическом, медийном и других дискурсах, однако единого понимания этого термина нет. Инновациям посвящено большое количество научных трудов в различных научных областях, таких как менеджмент, политология, социология, маркетинг и других. Большая часть их находится в междисциплинарном поле.

Так, работы Э. А. Уткина, Н. И. Морозовой, Г. И. Морозовой (1996); Ф. Ф. Бездудного, Г. А. Смирновой, О. Д. Нечаевой (2006); А. Л. Суворовой (1999), Н. М. Авсянникова (2002), В. Г. Медынского (2005), Ю. П. Морозова (2000), А. Фатхутдинова (2008) и других исследователей посвящены изучению инновационных процессов и инновационной деятельности в трансформации результатов творческих разработок в продукт или товар. Например, А. Л. Суворова трактует инновацию как объект, являющийся результатом научных открытий и разработок: «Инновация – использование результатов

научных исследований и разработок, направленных на совершенствование процесса деятельности производства, экономических, правовых и социальных отношений в области науки, культуры, образования и других сферах деятельности» (1999: 15). Ю. П. Морозов подразумевает под инновацией введение новаций, новшеств: «С момента принятия к распространению новация приобретает новое качество – становится инновацией» (2000: 6). Т. Л. Короткова (2018), А. Л. Власов (Короткова, Власов, 2012) и другие изучают сферу маркетинга инноваций с точки зрения успешности их коммерциализации посредством разного рода инструментов, в том числе маркетинговых. В частности, Т. Л. Короткова и А. Л. Власов в монографии «Коммерциализация и маркетинг инноваций» дают определение инновациям с точки зрения коммерческого успеха: «Термином «инновации» обозначаются любые новые идеи, воплощенные прежде всего в товарах и услугах, а также различных видах деятельности. Успех на рынке инновационной продукции обеспечивается только при условии коммерциализации процессов ее создания и освоения» (2012: 8). Таким образом, авторы делают акцент на извлечении прибыли от инноваций посредством «арсенала коммерческих и маркетинговых инструментов». Пересечению культурологии и инноватики посвящены труды Е. Я. Дугина (2017), Б. К. Лисина (2008), С. В. Задоркиной (2012), К. Согнера (Антюшина (ред.), 2016) и других исследователей. В представленных работах изучается связь между традицией и инновацией как культурологическими концептами (Дугин, 2017; Задоркина, 2012). Доктор социологических наук, профессор Е. Я. Дугин, рассуждая о взаимосвязи традиций и инноваций в контексте медиа и журналистики, подчеркивает важность разграничения терминов «новация» и «инновация»: «Рассматривая дихотомию «традиция – инновация», необходимо быть предельно осторожным, поскольку то, что сегодня воспринимается в качестве инновации, завтра становится традицией, а то, что по общему признанию является традицией, когда-то было новацией. Исследователи нередко смешивают понятия «новация» (новшество) и «инновация» (нововведение). Разделение этих понятий имеет основополагающее значение для понимания динамики традиции, определяющей “четкую дифференциацию двух состояний практического опыта: новационного и общепринятого (индивидами или группами), т. е. стереотипизированного. Инновация как раз и относится ко второму состоянию, выражающему начальный этап формиро-

вания традиции. Тем самым оно относится уже к общественному классу традиционных (а не собственно инновационных) явлений". Иными словами, под инновацией принято понимать введение новых технологий или продвинутых моделей деятельности» (2017: 6). Так, исследователь рассматривает инновации через призму традиций, подразумевая, что инновация – производная традиции, а новация или новшество – то, что ранее не было принято традиционной парадигмой. Таким образом, с позиций культурологии инновация нередко рассматривается в качестве элемента культурной экспансии. В данном контексте релевантным является уже социологическое понятие «инновационной культуры», которое Б. К. Лисин представляет как «область общекультурного процесса, характеризующую степень восприимчивости личностью, группой, обществом различных новшеств в диапазоне от толерантного отношения до готовности и способности к превращению их в инновации» (2008: 49). Инновационная культура, в частности, способна формировать общество инновационной культуры (Антюшина (ред.), 2016: 20–21) со своими особенностями, структурами, связями и предпосылками. Политологией и инноватикой занимаются С. А. Агарков, Е. С. Кузнецова, М. О. Грязнова (2011), Я. Эдлер, Я. Фагерберг (Edler, Fagerberg, 2017), А. С. Звездкина (2005), Д. В. Грибанов (2011), Д. М. Степаненко (2010), П. Холл, К. Лёвгрен (Hall, Löfgren, 2017) и другие российские и зарубежные ученые. Эти исследования посвящены государственной политике в области инноваций, инновационной политике, а также подходам к государственному регулированию инноваций. Ряд работ зарубежных исследователей посвящен медиа и инновациям: к примеру, Э. Вальдхер (Waldherr, 2012) и Д. Нордфорс (Nordfors, 2004 a; 2004 b) определяют роль медиа в национальных инновационных системах.

В нормативно-правовой базе Российской Федерации определение инновации представлено в Федеральном законе о науке и государственной научно-технической политике. Согласно документу, инновация – это «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях (часть дополнительно включена с 26 июля 2011 года Федеральным законом от 21 июля 2011 года № 254-ФЗ)»[1]. Важно отметить, что определение в точности соответствует дефиниции, данной в методических

рекомендациях «По сбору и интерпретации инновационных данных», созданных в 2005 г. в г. Осло по заказу Организации Экономического Сотрудничества и Развития и Евростата[2]. В одной из стран-лидеров с точки зрения инновационного развития – Швеции – понимание инновации сводится к следующему: «Инновации – это новые или улучшенные способы создания ценности для общества, бизнеса и отдельных лиц. Инновации – это новые решения, которые удовлетворяют потребности и запросы в повседневной жизни <...> события, посредством которых новые идеи, модели поведения и процедуры вводятся в общество, а затем распространяются»[3]. Таким образом, помимо разных интерпретаций понятия «инновация» в научных кругах, существуют серьезные расхождения в его трактовке и в международном нормативно-правовом дискурсе. Ключевое отличие в понимании инновации в России и Швеции заключается в подходе к определению: в первом случае фокус на экономической составляющей, во втором – на социальной. Таким образом, в России инновация – это в первую очередь новый продукт или процесс рынка, деловой деятельности, в Швеции – решения, способствующие улучшению жизни общества и отдельного человека.

Популярность и неоднозначность термина «инновация» делает его востребованным в том числе и в журналистике и предопределяет исследовательские вопросы о спектре представлений об инновациях в медиадискурсе. Имеющиеся научные труды – с учетом мультидисциплинарности термина – не дают представления о том, как именно медиа рассказывают аудитории об инновациях. Изучение медиадискурса инноваций представляется важным и потому, что именно медиа создают у аудитории представление об инновациях, а также формируют предпосылки для инновационной культуры (Антюшина (ред.), 2016; Дугин, 2017; Задоркина, 2012; Лисин, 2008) и, как следствие, для инновационного типа мышления. Медиадискурс способствует легитимации инновационных практик и диффузии инноваций в обществе.

Методика исследования

Для изучения характеристик инноваций в контексте международного медиадискурса нами был выбран метод контент-анализа. При этом нашей задачей было максимально широко охватить тематику инноваций как в российском, так и в зарубежном медиа-

дискурсах. Наиболее подходящим для изучения мы посчитали «ИноСМИ» – ресурс, обладающий широким набором изданий-первоисточников и отслеживающий множество разноязычных источников информации. Данное медиа имеет обширную аудиторию в России (82,32%), Украине (3,38%), Казахстане (1,95%), Германии (1,76%), Белоруссии (1,59%)[4] и увеличивает охваты за счет публикации материалов в мессенджерах и социальных сетях – суммарно на «ИноСМИ» подписано более 475 тыс. аккаунтов[5].

В настоящем анализе использовалась сплошная выборка по тегу «инноваци». По итогам поиска было проанализировано 387 материалов из 110 изданий со всего мира, опубликованных в период с 1 августа 2017 до конца июля 2018 г. Для исследования был создан классификатор, насчитывающий 47 категориальных наименований. Первая часть категорий посвящена характеристикам самой публикации: оригинальному источнику публикации, первоначальной и переводной датам публикации, разделу, в котором «ИноСМИ» опубликовали данный материал, а также его жанру. Далее фиксировалось наличие иллюстраций и видеоконтента. Следующий блок категорий был посвящен тематике и акторам, упомянутым в тексте: отмечались основная тема и 3 дополнительные, а также 3 ключевых актора. Третья группа категорий была посвящена характеристикам инноваций, представленным в конкретных текстах.

Опорной системой категорий стала классификация из учебного пособия «Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика» С. А. Агаркова, Е. С. Кузнецовой и М. О. Грязновой (2011), адаптированная к задачам данного исследования. При анализе были определены акторы, темы и характеристики инноваций, наиболее часто используемые журналистами. Отметим, что контент-анализ выполнялся вручную в силу невозможности автоматизированного анализа сложносоставных категорий, таких, например, как «эмоционально-оценочная стилистическая окраска» или любая другая категория, требующая осмысления.

Среди ограничений исследования можно указать отбор иностранных публикаций согласно редакционной политике издания «ИноСМИ», а также исключение некоторых единиц анализа за счет числовых пределов классификатора. Так, из-за последнего ограничения нам не удалось включить в категорию «Основная тема публикации» темы, которые появлялись в процессе анализа. В связи с этим было принято решение вручную прописывать все темы в последнем столбце таблицы с данными.

Результаты исследования

Как мы упоминали ранее, было проанализировано 387 упоминаний тега «инновац», который появлялся в 110 медиа за выбранный период. География представлена 28 странами, частоту упоминаний в зависимости от страны можно увидеть на рисунке 1.



Рисунок 1

Тег варьировался: в текстах использовались такие языковые единицы, как «инновация», «инновационный». Наиболее часто тег использовался изданиями «Проджект Синдикейт» (*Project Syndicate*), США – 46 упоминаний; «ИноСМИ», Россия – 21; «Политико» (*Politico*), США – 19; «Ди Вэльт» (*Die Welt*), Германия – 17; «Блумберг» (*Bloomberg*), США – 16; «Зе Нэйшнал Интерест» (*The National Interest*), США – 13; «Диджитал Тонто» (*Digital Tonto*), США – 10; «Зеркало недели», Украина – 10. Остальные медиа использовали выбранный тег менее 10 раз. Американские издания стоят на первом месте по количеству упоминаний конструкции «инновац».

Мы изучили жанровое разнообразие, включив в анализ категорию «жанр». Из 387 упоминаний чаще всего журналисты писали в аналитических жанрах, например в жанре комментария (114 публикаций), который в нашем случае понимался как «расширение новости с целью ее разъяснения или оценки» (Колесниченко, 2008: 73), что, вероятно, может быть связано с западной традицией журналистики мнений. Следующей по популярности оказалась аналитическая статья (109) – расширенный вариант комментария,

«жанр, предназначенный прежде всего для анализа актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей» (Тертычный, 2000). Реже использовались жанры интервью (38), обзора (33) и лонгрида (29). Далее – новость (заметка или расширенная новость) – 21 публикация, фиче – 7, репортаж – 6 публикаций. Отметим, что большая часть проанализированных интервью были аналитическими, когда герой разъяснял сложные процессы или явления и был представлен в качестве эксперта в заявленной теме. Лонгрид понимался нами как смешанный, включающий в себя несколько жанров, большой по объему текст с использованием мультимедийных форм подачи материала (Булаева, 2015). Под другими жанрами мы понимали те, которые не вошли в классификатор, например, полные тексты выступлений политиков. В данном случае можно отметить абсолютное преобладание аналитических жанров журналистики. Отметим, что мы адаптировали классификатор во время анализа, добавляя при необходимости отсутствующие жанры. Если выделить тексты, опубликованные в рубрике «политика», жанры распределяются следующим образом: аналитический комментарий – 52 упоминания, аналитическая статья – 34, интервью – 23, другое – 17, обзор – 9, новость – 7, лонгрид – 7, репортаж – 6.

Темы публикаций варьируются: чаще всего тег упоминается, когда основной темой публикации является политика, далее – экономика, затем – наука и научные открытия. Четвертую позицию занимает «другое» – темы, которые изначально не были включены в классификатор, однако обнаружились в 31 случае: например, экология, кибербезопасность и космос. Военное дело стало основной темой 20 публикаций, взаимодействие искусственного интеллекта и человека – 19. Далее тема цифровой экономики – 16, инновации в оборонном комплексе и общественные проблемы, общество – 15. Невостребованными среди основных тем оказались демократия и изменения в органах государственной власти в части инновационной политики. Также всего единожды основной темой публикации стали мобильные телефоны, образование, научные исследования, научный процесс, изменения в законодательстве стран в отношении инноваций и государственно-частное партнерство (см. рис. 2).



Рисунок 2

Для анализа акторов (героев) публикаций созданный классификатор был разделен на подгруппы: герой (медийная персона); социальные акторы по профессиональной принадлежности, эксперты и прочие; объединение, организация; компания, корпорация; страна как актор (также граждане страны, население, потребители страны и т. д.) и социальная группа. Наиболее часто актором публикации, где упоминался тег «инновац», выступал эксперт в определенной области – ученый, исследователь, аналитик – в 10,6% (123 упоминания). На рисунке представлен топ акторов из классификатора, который насчитывал 108 единиц.

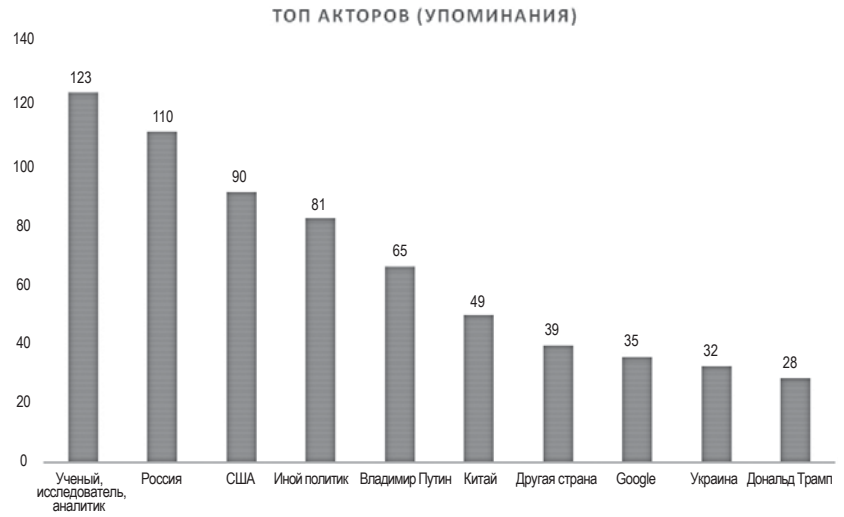


Рисунок 3

С точки зрения значимости исследователи инноваций выделяют следующие виды: «базисные инновации, которые реализуют крупные изобретения и становятся основой формирования новых поколений и направлений техники; улучшающие инновации, обычно реализующие мелкие и средние изобретения и преобладающие на фазах распространения и стабильного развития научно-технического цикла; псевдоинновации, направленные на частичное улучшение устаревших поколений техники и технологий» (Агарков, Кузнецова, Грязнова, 2011). В качестве дополнительных пунктов в классификаторе использовались «другое» и «не указано», если принадлежность анализируемой единицы была не ясна или не указана. Лидером среди определяемых по значимости инноваций стали базисные инновации – 30,5% (76 упоминаний). При анализе данных к базисным относились крупные, общие инновации, инновационные системы, проекты и идеи или явления, которые представляют собой сложный, многосоставный процесс, к примеру когда в публикации речь шла об инновации в области искусственного интеллекта или инновационной системе здравоохранения. Улучшающие по значимости инновации набрали 16,8%, псевдоинновации – 2,8%, другое – 0,4%.

Относительно характеристики «время выхода на рынок» были представлены две подкатегории: инновации-лидеры и инновации-последователи. Проценты распределились следующим образом: 52,6% – инновации-лидеры, 14,5% – инновации-последователи. К примеру, в тексте «Американские Силы специальных операций – это машина для убийства. А как обстоят дела у других стран?» (*The National Interest,* США) журналист пишет и об инновациях-лидерах, и об инновациях-последователях. В первом случае речь идет об инновационных разработках оборонной промышленности США в части приборов ночного видения и тепловизоров: «Среди других инноваций можно назвать системы *AN/PSQ-20* и *AN/PSQ-36*, которые способны накладывать термальные изображения на ночные изображения, и этот процесс, получивший название «слитного изображения» (*fusion vision*), позволяет оператору использовать лучшие качества тепловизоров и приборов ночного видения»[6]. В данном случае инновации представлены как работающие в условиях повышенного риска, носящие упреждающий (стратегический) характер, с запасом экономической прочности, конкурентоспособные. Второй пример – из того же текста: «Судя по всему, подобного рода инновации еще не дошли до российских Сил специальных операций. Даже в рекламных роликах бойцы этого подразделения, похоже, используют только монокулярные приборы»[7]. В данном случае упоминание классифицировалось как «инновации-последователи», которые меньше рискуют, являются, как правило, реакцией на инновации лидеров и имеют при этом более низкие экономические показатели конкурентоспособности[8].

Результаты по итогам категории «Вид новшества» представлены в диаграмме 4. Можно увидеть, что лидирующие позиции занимают технологии, методы, способы – 19,3% от общего числа прямых упоминаний. В качестве примера такого вида инновации можно взять текст *Project Syndicate* (США), посвященный инициативе «РЭДД+» (*REDD+*) о сохранении тропических лесов: «Несмотря на успех пилотного партнерства, программа *REDD+* сегодня отчаянно нуждается в капиталах. И во многих смыслах решение этой проблемы может быть похоже на солнечное предложение Маска в Пуэрто-Рико. Только на этот раз инновации являются не техническими, а финансовыми. Создание рынка кредитов *REDD+* позволило бы повысить инвестиционную заинтересованность в сохранении тропических лесов у компаний и отраслей

с большими объемами выбросов»[9]. Таким образом, автор говорит о возможности сохранения лесов посредством формирования кредитного рынка в рамках программы.



Рисунок 4

Далее по частоте упоминаний идут продукты, их конструкции или устройства, системы и механизмы. Если предыдущий вид новшества характеризовался процессами, то в данном случае рассматривались конкретные инновации, физические объекты. Так, удачным примером являются тексты про оборонную промышленность, военное дело и технологии. В материале «Россия и Китай возненавидят новый американский супертанк» (*The National Interest*, США) журналист рассказывает о новом танке, который готовится к выпуску: «Постоянная модернизация, инновации и усовершенствования «Абрамса» в предстоящие годы – это та главная идея, которая положена в основу создания быстросменных модулей. Речь идет о подробно обсуждаемой концепции «открытой архитектуры», в рамках которой стандарты компьютерных вычислений, электронику, аппаратное и программное обеспечение можно успешно интегрировать с новыми технологиями по мере их появления»[10]. В данном примере видно, что под инновациями подразумеваются конкретные конструкции и системы, созданные для усовершенствования «Абрамса».

Следующая категория – масштабы распространения инновации в пределах определенных границ. На диаграмме ниже представлены упоминания по мере их убывания. Чаще всего (38,5%) упоминался транснациональный тип распространения инноваций, когда инновация выходит за пределы государства. Примером транснациональной инновации могут быть любые инновации из цифрового пространства. В частности, «ИноСМИ» в авторской публикации «Мания, паника и *ICO*» пишет: «Изобретение *ICO*, возможно, и впрямь существенная инновация, которая принесет большие прибыли ее «первопроходцам». В то же время регуляторы могут не позволить данному явлению стать чем-то большим, чем результат простого любопытства»[11]. Из приведенного фрагмента видно, что данная услуга уже распространена по всему миру, так как автор поясняет, что некоторые страны уже успели ее запретить.

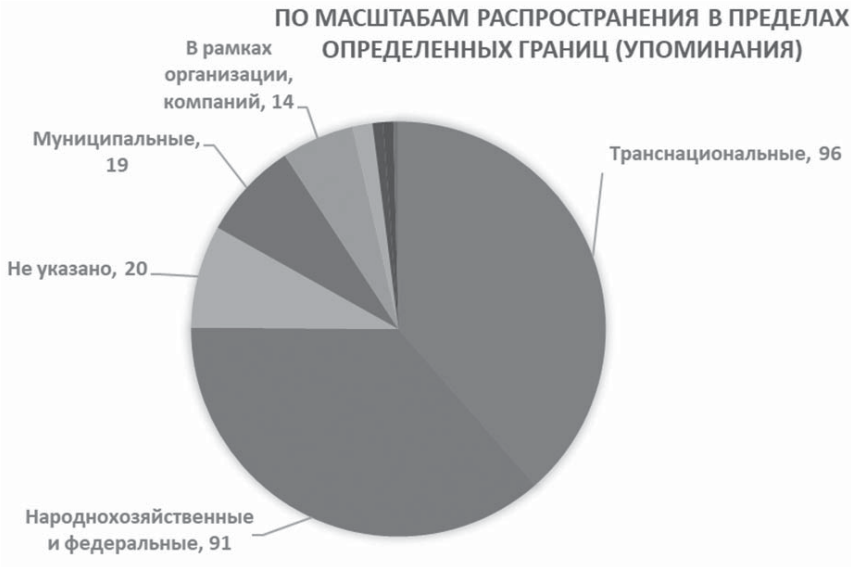


Рисунок 5

Следующий тип распространения – народнохозяйственный, или федеральный, на него пришлось чуть меньше – 36,5% прямых упоминаний. В материале «Надежды на взлет российской экономики не оправдались даже после распада СССР» (*Folha*, Бразилия)

журналист пишет о российской экономике, анализируя при этом историю страны. В частности, он обращается к советскому времени: «Между 1928 и 1960 годом национальный доход рос на шесть процентов в год, вероятно, к тому моменту это был самый резкий скачок экономического роста в истории, — говорят они (журналист цитирует книгу известных экономистов. – *Т.Г.*). Однако экстрактивные институты, которые обеспечивали экспансию, не давали хода инвестициям в более технологические сектора, отвечающие за постоянную инновацию»[12]. Из данного фрагмента понятно, что речь идет не о мировых новшествах, а об инновациях внутри СССР, развиваться которым мешала экспансивная политика страны. В 8% случаев масштабы распространения указаны не были. Далее следует муниципальный тип распространения (7,6%), куда включались инновации, распространенные в рамках менее крупных территориальных единиц – городов. В данном случае показательным является пример материала «“Гугл” строит город будущего в Торонто. Захочет ли кто-то в нем жить?» (*Politico*, США): «Современные города развиваются благодаря информации, но ни один из них не строился схожим образом на основе инфраструктуры данных; соединение группы менее масштабных инноваций за счет общей, образующей сеть цифровой платформы может само по себе быть невероятно мощной инновацией»[13]. Здесь речь идет исключительно о городской инфраструктуре, что подтверждает факт муниципального типа распространения инновации. Стоит отметить, что в классификации также присутствовал и региональный тип распространения, однако на него пришлось лишь 0,8% упоминаний. Следующий тип распространения – внутри организации или компании (5,6%). В данном случае интересен пример Сколково. В тексте «Россия, хозяйка Чемпионата мира по футболу, – империя стартапов?» (*Forbes*, США) авторы рассуждают о развитии инноваций и приводят пример бизнес-инкубатора. К примеру, подзаголовок «Сколково – город инноваций»[14] был отнесен к типу распространения инноваций внутри организации, компании, так как в данном текстовом фрагменте нет прямых указаний на то, что инновации распространены за пределами Сколково. Тем не менее возник вопрос: к какой подкатегории относить Сколково в данной группе – к муниципальному типу распространения или же к организации, компании? Было принято решение в пользу второй подкатего-

рии, так как Сколково – это в первую очередь проект, согласно ФЗ-244 «Об инновационном центре «Сколково»[15] от 28.09.2010.

По темпам осуществления в классификаторе инновации были распределены следующим образом: быстрые, нарастающие; равномерные; медленные, затухающие и неуказанный темп. Среди представленных превалировали быстрые, нарастающие инновации – 22%. Далее следуют инновации с медленными, затухающими темпами развития – 16,5%, затем равномерные – 8,4%. Все три типа темпов распространения можно встретить в материале «Наука – не конек Путина и Трампа» (*Kansan Uutiset*, Финляндия). Быстрые, нарастающие инновации описаны в следующем фрагменте: «Пока сверхдержавы не могут определиться, что делать с наукой и ее финансированием, Китай, который все считали способным только на копирование инноваций, начал активно финансировать научные исследования. За десять лет страна в четыре раза увеличила свои вложения в науку»[16]. В тексте указано на рекордные темпы развития китайской науки, в то время как российский пример описан следующим образом: «В период президентства Владимир Путин не ставил науку в центр своего внимания. Однако в феврале этого года на встрече с представителями науки и образования он пообещал во время своего следующего президентского срока сделать развитие науки и инновационных технологий приоритетным. Избрание Путина на новый срок считалось чем-то само собой разумеющимся, но к выполнению обещаний, данных на следующий срок, пока относятся с осторожностью. Больше всего ученые задумываются над тем, сможет ли Россия после 30 лет застоя достичь уровня развития советской науки»[17]. Данный абзац, в противоположность предыдущему, говорит о медленных темпах развития инновационных технологий в России, это подтверждает, в частности, последнее предложение. Третий пример из того же текста описывает равномерный темп осуществления инноваций: «Особенно активным спонсором научных исследований в Америке является медицинская промышленность. По данным организации *BRDIS*, занимающейся вопросами развития и инновационной деятельности бизнеса, вклад медицинской промышленности в проведение фундаментальных исследований с 2008 по 2014 год вырос с трех до восьми миллиардов долларов»[18]. Этот пример интересен тем, что в тексте представлены три подкатегории темпа реализации инноваций в трех НИС – китайской, российской и американской – и финское издание описывает их по-разному.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что всего было найдено 387 упоминаний тега «инновац» в 110 изданиях со всего мира за год, что свидетельствует о существовании медиапрактики, целью которой является информирование аудитории об инновациях. Отметим, что изученные характеристики, заимствованные из категориального аппарата менеджмента, достаточно отчетливо прослеживались при анализе медиа.

Чаще всего авторы текстов писали в аналитических жанрах, таких как аналитический комментарий и статья, а также аналитическое интервью и обзор. Такая жанровая направленность, безусловно, определяет тематику. Так, наиболее популярными темами стали политика и экономика, а среди главных героев эксперты – ученые, исследователи и аналитики, а также политики. Признание России и США в качестве ключевых акторов может быть связано с повесткой дня «ИноСМИ» и американских изданий. Это предположение подтверждается и абсолютным преимуществом американских медиа при упоминании анализируемого тега.

Помимо актуальной повестки дня на характеристики инноваций может оказывать влияние тип переведенного медиа. К примеру, Си-Эн-Эн (*CNN*), вероятнее всего, будет писать о базисных инновациях с радикальными изменениями, глобальным масштабом распространения в рамках отрасли, способных удовлетворять новые потребности. Также чаще всего представленные медиа, ориентированные на международную повестку, пишут об инновациях-лидерах, о стратегических инновациях, характеризующихся мировой новизной, транснациональным типом распространения в пределах определенных границ, глобальной широтой воздействия и быстрыми, нарастающими темпами. Можно предположить, что инновации, которые не носят глобального, оперативного и масштабного характера, не представляют интереса для крупных медиа.

Однако приведенные данные могут быть обоснованы международным характером публикаций, выбираемых редакторами «ИноСМИ». Вероятно, при исследовании медиа с национальной или региональной повесткой ситуация выглядела бы иначе. С другой стороны, в публикациях зачастую встречались темы и акторы, не зависящие от национальной принадлежности переведенного медиа. Помимо глобальных, стратегически и идеологически важных, журналисты писали о ранее неизвестных героях,

событиях или явлениях, частных идеях и проектах: например, об инициативе сохранения тропических лесов или об инновациях в области музыкальных инструментов (материал американского издания *Smithsonian* «Удивительное перерождение кнопочного аккордеона»[19]). Такое широкое разнообразие может свидетельствовать об интересе к публикациям об инновациях в повестке мировых медиа.

Дальнейшие исследования в представленной области могут фокусироваться на сравнении повестки медиа разной направленности – национальных медиа разных стран, национальных и региональных медиа и так далее с учетом апробированных выше характеристик.

Дискуссия

Безусловно, данная область исследований требует дополнительного изучения. Так, необходимо расширить границы контент-анализа, не ограничиваясь одним изданием, включить ряд медиа на национальных языках стран-лидеров в области инновационного развития. Классификация инноваций также требует доработки и дополнений.

Изучение инноваций в контексте медиадискурса может способствовать лучшему пониманию особенностей научно-технологического развития: новаторских идей, способов их продвижения, специфики инновационного цикла, в котором они существуют. Изучение дискурса инноваций в медиа также позволит более детально проанализировать особенности национальной и транснациональной инновационной культуры.

Анализ «ИноСМИ» показал, что инновационный медиадискурс является продолжением политического медиадискурса, поскольку опосредован политическими взглядами журналистов. Таким образом, исследования идеологической составляющей в медиатекстах об инновациях представляются перспективными. Также важной особенностью стала конвенционализация понятия «инновация». Частота его упоминаний может свидетельствовать об общемировой тенденции к закреплению его значения посредством медиаматериалов. Во многих случаях речь идет об уникальных, выдающихся, успешно реализуемых идеях, услугах, товарах и т. д., то есть о конкретных инновациях, вызывающих журналистский и читательский интерес. С другой стороны, жан-

ровая аналитическая составляющая во многом влияет на характер описания инноваций – нередко понятие упоминается без конкретных примеров, в экономическом или историческом контекстах. Частое использования журналистами понятия «инновация» может свидетельствовать и о легитимации инновационных практик – возвращаясь к категориям менеджмента, можно предположить, что сообщение об инновации в медиа можно включить в жизненный цикл инновации. Посредством медиа инновация становится видимой для широкой аудитории, приобретает форму и определенные характеристики. При этом в 234 случаях из 387 изученных нами слово «инновация» имеет положительную эмоционально-оценочную стилистическую окраску. Еще одна яркая особенность – транснациональный характер многих инноваций – может быть следствием сразу нескольких процессов: во-первых, на транснациональность инноваций в медиадискурсе могут влиять глобализационные метаморфозы; во-вторых, повестка «ИноСМИ» и цитируемых изданий зачастую фокусируется на критике или поощрении инновационной деятельности других государств, что способствует вовлечению медиа в технологическую гонку.

Примечания

[1] Федеральный закон РФ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изменениями на 23 мая 2016 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/9028333 (дата обращения: 28.10.2020).

[2] *A joint publication of OECD and Eurostat Oslo Manual. Guidelines for collecting and interpreting innovation data. Third Edition* (2005) Oslo. P. 46. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5889925/OSLO-EN.PDF/60a5a2f5-577a-4091-9e09-9fa9e741dcf1?version=1.0 (accessed: 08.05.2021).

[3] The Swedish Innovation Strategy. Government offices of Sweden. The Swedish Ministry of Enterprise, Energy and Communications. *Swedish Government website*. P. 9. Available at: https://www.government.se/contentassets/cbc9485d5a34467296322585811 8273b/the-swedish-innovation-strategy (accessed: 08.05.2021).

[4] Данные мониторинга проекта *Similarweb.com* представлены за январь 2020 г. Режим доступа: https://www.similarweb.com/website/inosmi.ru (дата обращения: 30.11.2021).

[5] База «ИноСМИ» представлена более чем 2800 изданиями. Социальные сети и мессенджеры насчитывают: «Фейсбук» (*Facebook*) 186 029 подписчиков; «Твиттер» (*Twitter*) 165 800 читателей; «Одноклассники» 15 589 участников; «ВКонтакте» 83 458 подписчиков; «Телеграм» (*Telegram*) 24 920 подписчиков. Данные представлены на 06.08.2021.

[6] *Чарли Гао*. Американские Силы специальных операций – это машина для убийства. А как обстоят дела у других стран? // ИноСМИ. 2018. Июль, 3. Режим доступа: https://inosmi.ru/military/20180703/242657306.html (дата обращения: 27.12.2020).

[7] Там же.

[8] *Мингалева Ж. А., Григорьян О. С.* Словарь инновационных терминов. Режим доступа: http://projects.innovbusiness.ru/content/document_r_0534FB3F-84A2-4255-9689-1167A37E18E6.html (дата обращения: 28.12.2020).

[9] *Лоренцо Бернаскони*. Назвать цену тропических лесов // ИноСМИ. 2017. Ноябрь, 17. Режим доступа: https://inosmi.ru/social/20171117/240749116.html (дата обращения: 27.12.2020).

[10] *Крис Осборн*. Россия и Китай возненавидят новый китайский супертанк // ИноСМИ. 2017. Сент., 19. Режим доступа: https://inosmi.ru/military/20170919/240316253.html (дата обращения: 27.12.2020).

[11] *Нана Яковенко*. Мания, паника и ICO // ИноСМИ. 2017. Окт., 17. Режим доступа: https://inosmi.ru/economic/20171018/240548351.html (дата обращения: 27.12.2020).

[12] *Эрика Фрага*. Надежды на взлет российской экономики не оправдались даже после распада СССР // ИноСМИ. 2017. Окт., 20. Режим доступа: https://inosmi.ru/economic/20171020/240569873.html (дата обращения: 27.12.2020).

[13] *Нэнси Скола*. «Гугл» строит город будущего в Торонто. Захочет ли кто-то в нем жить? // ИноСМИ. 2018. Июль, 8. Режим доступа: https://inosmi.ru/social/20180708/242699269.html (дата обращения: 27.12.2020).

[14] Россия, хозяйка Чемпионата мира по футболу, – империя стартапов? // ИноСМИ. 2018. Июнь, 21. Режим доступа: https://inosmi.ru/politic/20180621/242551259.html (дата обращения: 27.12.2020).

[15] Фонд «Сколково». О фонде «Сколково». Режим доступа: https://dochub.sk.ru/foundation/about/ (дата обращения: 27.12.2020).

[16] *Майппи Тапанайнен*. Наука – не конек Путина и Трампа // ИноСМИ. 2018. Март, 24. Режим доступа: https://inosmi.ru/science/20180324/241797532.html (дата обращения: 27.12.2020).

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] *Дэниэл Шихи*. Удивительное перерождение кнопочного аккордеона // ИноСМИ. 2017. Дек., 28. Режим доступа: https://inosmi.ru/social/20171228/241117479.html (дата обращения: 09.02.2021).

Библиография

Авсянников Н. М. Инновационный менеджмент. М.: Изд-во РУДН, 2002.

Агарков С. А., Кузнецова Е. С., Грязнова М. О. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика: учеб. пособие. М.: Академия естествознания, 2011. Режим доступа: https://monographies.ru/ru/book/section?id=3767 (дата обращения: 28.12.2021).

Бездудный Ф. Ф., Смирнова Г. А., Нечаева О. Д. Сущность понятия «инновация» и его классификация // Инновации. 2006. № 2. С. 3–13.

Булаева М. Н. Мультимедийный лонгрид как новый журналистский формат // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 121–123.

Грибанов Д. В. Государственная инновационная политика: понятия, уровни, принципы // Вестн. Финанс. ун-та. 2011. № 3. С. 5–12.

Дугин Е. Я. Традиции и инновации в осмыслении медиа и журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 3. С. 3–17.

Задоркина С. В. Средства массовой информации в контексте инновационного развития современного общества // Власть. 2012. № 10. С. 32–34.

Звездкина А. С. Инновационная деятельность в России: проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.

Инновационное развитие в ЕС: некоторые аспекты / *Н. М. Антюшина*, *В. В. Антюшина*, *А. И. Бажан*, *Л. Г. Ходов*, *В. С. Циренщиков* / под ред. *Н. М. Антюшиной*. М.: Ин-т Европы РАН, 2016.

Колесниченко А. В. Практическая журналистика: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008.

Короткова Т. Л. Маркетинг инноваций: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018.

Короткова Т. Л., Власов А. В. Коммерциализация и маркетинг инноваций: монография. М.: Креативная экономика, 2012.

Лисин Б. К. Инновационная культура // Инновации. 2008. № 10 (120). С. 49–53.

Медынский В. Г. Инновационный менеджмент: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005.

Морозов Ю. П. Инновационный менеджмент: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2000.

Степаненко Д. М. Формирование инновационного законодательства как инструмент модернизации экономики России: доклад // Новая экономическая ассоциация. Секция 1.4. Национальная инновационная система. 2010. Режим доступа: https://www.econorus.org/onim/report.phtml?sid=4&rid=10&appid=10 (дата обращения: 28.12.2020).

Суворова А. Л. Инновационный менеджмент. М.: Инфра-М, 1999.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000.

Уткин Э. А., Морозова Г. И., Морозова Н. И. Инновационный менеджмент: науч. издание. М.: АКАЛИС, 1996.

Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2008.

Edler J., Fagerberg J. (2017) Innovation policy: What, why, and how. *Oxford Review of Economic Policy* 33 (1): 2–23. DOI: 10.1093/oxrep/grx001

Hall P., Löfgren K. (2017) Innovation policy as performativity – the Case of Sweden. *International Journal of Public Administration* 40 (4): 305–316. DOI: 10.1080/01900692.2015.1107740

Nordfors D. (2004 a) The Concept of Innovation Journalism and a Programme for Developing it. *Innovation journalism* 1 (1): 1–12.

Nordfors D. (2004 b) The Role of Journalism in Innovation Systems. *Innovation journalism* 1 (7): 1–18.

Waldherr A. (2012) The Mass Media as Actors in Innovation Systems. In J. M. Bauer et al. (eds.) *Innovation Policy and Governance in High-Tech Indus-*

tries: The complexity of coordination. Springer. Pp. 77–100. DOI: 10.1007/978-3-642-12563-8

Notes

A Joint Publication of OECD and Eurostat Oslo Manual. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data. Third Edition (2005) Oslo. P. 46. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5889925/OSLO-EN.PDF/60a5a2f5-577a-4091-9e09-9fa9e741dcf1?version=1.0 (accessed: 08.05.2021).

Charli Gao (2018) Amerikanskie Sily spetsial'nykh operatsiy – eto mashina dlya ubiystva. A kak obstoyat dela u drugikh stran? [The US Special Operations Forces Are a Killing Machine. What about Other Countries?]. *InoSMI*, 3 July. Available at: https://inosmi.ru/military/ 20180703/242657306.html (accessed: 27.12.2020).

Daniel Sheehy (2017) Udivitel'noe pererozhdenie knopochnogo akkordeona [An Astonishing Metamorphosis of a Button Accordeon]. *InoSMI,* 28 December. Available at: https://inosmi.ru/social/20171228/241117479.html (accessed: 09.02.2021).

Dannye monitoringa proekta Similarweb.com predstavleny za janvar' 2020 goda [Data on the Monitoring of the Similarweb.com project are presented for January 2020]. Available at: https://www.similarweb.com/website/inosmi.ru (accessed: 30.11.2021).

Erika Fraga (2017) Nadezhdy na vzlet rossiyskoy ekonomiki ne opravdalis' dazhe posle raspada SSSR [Hopes for the Surge of Russian Economy Did not Come True Even After the Collapse of the USSR]. *InoSMI*, 20 October. Available at: https://inosmi.ru/economic/20171020/240569873.html (accessed: 27.12.2020).

Federal'nyy zakon RF «O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike» (s izmeneniyami na 23 maya 2016 goda) [The Federal Law of RF "On Science and Governmental Scientific and Technical Policies" (as amended on May 23, 2016)]. *Elektronnyy fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii*. Available at: http://docs.cntd.ru/document/9028333 (accessed: 28.10.2020).

Fond «Skolkovo». O fonde «Skolkovo» [The Skolkovo Foundation. About the Skolkovo Foundation]. Available at: https://dochub.sk.ru/foundation/about/ (accessed: 27.12.2020).

Kris Osborn (2017) Rossiya i Kitay voznenavidyat novyy kitayskiy supertank [Russia and China Will Hate the New Chinese Supertank]. *InoSMI*, 19 September. Available at: https://inosmi.ru/military/20170919/240316253.html (accessed: 27.12.2020).

Lorenzo Bernasconi (2017) Nazvat' tsenu tropicheskikh lesov [To Name the Price of Tropical Forests]. *InoSMI,* 17 November. Available at: https://inosmi.ru/social/20171117/240749116.html (accessed: 27.12.2020).

Maippi Tapanainen (2018) Nauka – ne konek Putina i Trampa [Science Is Not A Pet Fancy of Putin and Trump]. *InoSMI,* 24 March. Available at: https://inosmi.ru/science/20180324/241797532.html (accessed: 27.12.2020).

Mingaleva Zh. A., Grigor'yan O. S. *Slovar' innovatsionnykh terminov* [Dictionary of Innovative Terms]. Available at: http://projects.innovbusiness.ru/content/document_r_0534FB3F-84A2-4255-9689-1167A37E18E6. html (accessed: 28.12.2020).

Nana Yakovenko (2017) Maniya, panika i ICO [Mania, Panic and ICO]. *InoSMI,* 17 October. Available at: https://inosmi.ru/economic/20171018/240548351.html (accessed: 27.12.2020).

Nancy Scola (2018) «Google» stroit gorod budushchego v Toronto. Zakhochet li kto-to v nem zhit'? [Google Is Building the City of the Future in Toronto. Will Anyone Volunteer to Live in It?]. *InoSMI,* 8 July. Available at: https://inosmi.ru/social/20180708/242699269.html (accessed: 27.12.2020).

Rossiya, khozyayka Chempionata mira po futbolu, – imperiya startapov? [Is Russia, the Host of the World Cup, an Empire of Startups?] (2018) *InoSMI*, 21 June. Available at: https://inosmi.ru/politic/20180621/242551259.html (accessed: 27.12.2020).

The Swedish Innovation Strategy. Government Offices of Sweden. The Swedish Ministry of Enterprise, Energy and Communications. *Swedish Government website*. P. 9. Available at: https://www.government.se/contentassets/cbc9485d5a34467296322585811827 3b/the-swedish-innovation-strategy (accessed: 08.05.2021).

References

Agarkov S. A., Kuznetsova E. S., Gryaznova M. O. (2011) *Innovatsionnyy menedzhment i gosudarstvennaya innovatsionnaya politika: ucheb. posobie* [Innovative Management and State Innovative Policy: a Study Guide]. Moscow: Russian Academy of Natural History Publ. (In Russian)

Antyushina N. M. (ed.) (2016) *Innovatsionnoe razvitie v ES: nekotorye aspekty* [Innovative Development in the EU: Some Aspects]. Moscow: Institute of Europe RAS Publ. (In Russian)

Avsyannikov N. M. (2002) *Innovatsionnyy menedzhment* [Innovative Management]. Moscow: RUDN Publ. (In Russian)

Bezdudnyy F. F., Smirnova G. A., Nechaeva O. D. (2006) Sushchnost' ponyatiya «innovatsiya» i ego klassifikatsiya [The Essence of the Concept of Innovation and Its Classification]. *Innovacii* 2: 3–13. (In Russian)

Bulaeva M. N. (2015) Mul'timediynyy longrid kak novyy zhurnalistskiy format [Multimedia Long Read as a New Journalistic Format]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik* 4: 121–123. (In Russian)

Dugin E. Ya. (2017) Tradicii i innovacii v osmyslenii media i zhurnalistiki [Traditions and Innovations in Media and Journalism Understanding]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 3: 3–17. (In Russian)

Edler J., Fagerberg J. (2017) Innovation Policy: What, Why, and How. *Oxford Review of Economic Policy* 33 (1): 2–23. DOI: 10.1093/oxrep/grx001

Fatkhutdinov R. A. (2008) *Innovatsionnyy menedzhment: uchebnik dlya vuzov* [Innovative Management: a Textbook for Universities]. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russian)

Gribanov D. V. (2011) Gosudarstvennaya innovatsionnaya politika: ponyatiya, urovni, printsipy [State Innovation Policy: Notions, Levels, Principles]. *Vestnik Finansovogo universiteta* 3: 5–12. (In Russian)

Hall P., Löfgren K. (2017) Innovation Policy as Performativity – the Case of Sweden. *International Journal of Public Administration* 40 (4): 305–316. DOI: 10.1080/01900692.2015.1107740

Kolesnichenko A. V. (2008) *Prakticheskaya zhurnalistika: ucheb. posobie* [Practical Journalism: a Study Guide]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Korotkova T. L. (2018) *Marketing innovatsiy: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriat* [Innovations Marketing: a Textbook and Tutorial for Academic Bachelors]. Moscow: Yurayt Publ. (In Russian)

Korotkova T. L., Vlasov A. V. (2012) *Kommertsializatsiya i marketing innovatsiy: monografiya* [Innovations Commercialization and Marketing: a Monograph]. Moscow: Kreativnaya ekonomika Publ. (In Russian)

Lisin B. K. (2008) Innovatsionnaya kul'tura [Innovation Culture]. *Innovacii* 10 (120): 49–53. (In Russian)

Medynskiy V. G. (2005) *Innovatsionnyy menedzhment: uchebnik* [Innovative Management: a Textbook]. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russian)

Morozov Yu. P. (2000) *Innovatsionnyy menedzhment: ucheb. posobie dlya vuzov* [Innovative Management: A Study Guide for Universities]. Moscow: JuNITI–DANA Publ. (In Russian)

Nordfors D. (2004 a) The Concept of Innovation Journalism and a Programme for Developing It. *Innovation journalism* 1 (1): 1–12.

Nordfors D. (2004 b) The Role of Journalism in Innovation Systems. *Innovation journalism* 1 (7): 1–18.

Stepanenko D. M. (2010) Formirovanie innovatsionnogo zakonodatel'stva kak instrument modernizatsii ekonomiki Rossii: doklad [Innovation Legislation Formation as a Tool for Russia's Economy Modernization: a Report]. In *Novaya ekonomicheskaya assotsiatsiya. Sektsiya 1.4. Natsional'naya innovatsionnaya Sistema* [New Economic Association. Section 1.4. National Innovation System]. Available at: https://www.econorus.org/onim/ report.phtml?sid=4&rid=10&appid=10 (accessed: 28.12.2020). (In Russian).

Suvorova A. L. (1999) *Innovatsionnyy menedzhment* [Innovative Management]. Moscow: Infra-M Publ. (In Russian)

Tertychnyy A. A. (2000) *Zhanry periodicheskoy pechati: ucheb. posobie* [Periodical Press Genres: a Study Guide]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Utkin E. A., Morozova G. I., Morozova N. I. (1996) *Innovatsionnyy menedzhment: nauch. izdanie* [Innovative Management: a Scientific Publication]. Moscow: AKALIS Publ. (In Russian)

Waldherr A. (2012) The Mass Media as Actors in Innovation Systems. In J. M. Bauer et al. (eds.) *Innovation Policy and Governance in High-Tech Industries: The complexity of coordination*. Springer. Pp. 77–100. DOI 10.1007/978-3-642-12563-8

Zadorkina S. V. (2012) Sredstva massovoy informatsii v kontekste innovatsionnogo razvitiya sovremennogo obshchestva [Mass Media in the Context of Modern Society's Innovative Development]. *Vlast'* 10: 32–34. (In Russian)

Zvezdkina A. S. (2005) *Innovacionnaja dejatel'nost' v Rossii: problemy pravovogo regulirovanija*: dis. ... kand. polit. nauk. [Innovative Activity in Russia: Problems of Legal Regulation. PhD polit. sci. diss.] Moscow. (In Russian).

Поступила в редакцию
30.12.2020

ДИСКУССИЯ

Лазутина Галина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры периодической печати, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: galvik34@mail.ru

Панкеев Иван Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: iap56@mail.ru

СВОЙСТВА ЖУРНАЛИСТИКИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Цель статьи – привлечь внимание аудитории к аспекту журналистики, который дает основания относить ее к саморегулирующимся, саморазвивающимся социальным системам, однако позволяет несколько расширить взгляд на механизмы ее функционирования. Рассмотрев проявления системности, целостности, структурности, функциональности, саморегулируемости и саморазвиваемости журналистики, говорящие о правомерности включения ее в класс саморазвивающихся социальных систем, авторы сосредотачивают внимание на осмыслении перечисленных свойств как результате совокупного действия внутренних, сущностных связей – законов и закономерностей, определяющих ее функционирование. При этом устанавливается, что в рассмотренных свойствах журналистики проявляются закономерности, характеризующие все системные образования. На нее распространяется действие единого механизма функционирования саморегулирующихся систем. Свойства же, в которых обнаруживает себя специфика журналистики, с данной точки зрения объяснения не получают. Остается неясным, что именно определяет возникновение специфики журналистики, ее отличия от других видов деятельности. Этот причинный ряд нуждается в изучении. Таким образом, статья ставит проблему выявления еще одного ряда закономерностей, которыми движется функционирование и развитие журналистики.

Ключевые слова: *саморазвивающиеся системы, журналистика как система, функционирование и развитие журналистики, закон и закономерность, общие и специфические свойства.*

Galina V. Lazutina, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher at the Chair of Periodical Press, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: galvik34@mail.ru

Ivan A. Pankeev, Doctor of Philology, Professor at the Chair of History and Legal Regulation of Domestic Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: iap56@mail.ru

PROPERTIES OF JOURNALISM AS A MANIFESTATION OF REGULARITIES

The article is a theoretical study of the laws of journalism. It consists of an introduction, four chapters, and conclusions. The purpose of the article is to draw the audience's attention to the aspect of journalism, which gives grounds to relegate it to self-regulating, self-developing social systems and makes it possible to significantly widen the view of the mechanisms of its operation. In the introduction and the first chapter, the authors characterize the properties of self-managed systems that are recognized in theoretical and empirical studies as general systemic qualities and also show how these qualities manifest themselves in journalism, confirming its systemic nature. The second and third chapters consistently consider the manifestations of integrity, structure, functionality, self-regulation and self-development of journalism, which speak about the legitimacy of including it into the class of self-developing social systems. In the fourth chapter, the authors identify new aspects in the considered characteristics of journalism, which allow us to somewhat deepen the existing ideas about the mechanisms of its operation. Attention is focused on the fact that the listed properties of journalism, synthesized by observing their external manifestations, are distinguished by stability, repeatability, and commitment. These features are also inherent in the internal, unobservable essential connections of self-regulating entities, which are displayed in scientific theories as the category "law". The totality of such connections in the system (the totality of laws) is designated in scientific discourse as the category "regularities". This theoretical concept is correlated with the considered properties of journalism: they show the result of the action of its laws. These patterns represent the mechanism of operation and development of journalism. At the same time, they act as laws of broad action, since journalism bears the general characteristics of self-developing systems and, therefore, functions on the basis of general laws. However, the fact that specific properties are also found in journalism suggests that other laws are also involved in the mechanism of its operation. The need to identify them is considered by the authors of the article as an important scientific problem that calls for research, since its solution can open up new opportunities for the development of journalism.

Key words: *self-developing systems, journalism as a system, operation and development of journalism, law and regularity, general and specific properties.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.140163

Введение

Задача данной статьи заключается в том, чтобы помочь читателю взглянуть под новым углом зрения на свойства журналистики, уже в значительной степени зафиксированные наукой. Этот угол зрения открывает возможность разглядеть ракурс журналистики, позволяющий включать ее в число саморегулирующихся, саморазвивающихся социальных образований. Разглядеть в данном случае – значит определить, каким образом общие признаки систем кибернетического типа проявляются именно в журналистике и почему это делает ее особым, отличающимся от других явлением.

Заметим сразу: слова «кибернетического типа» следует относить именно к *ставшим* системам, которые уже сформировались и ведут свое существование, борясь за самосохранение, стараясь поддерживать гомеостаз. Системы *становящиеся,* т. е. переживающие период формирования своей структуры, правомерно рассматривать, на наш взгляд, как образования синергетического типа. Это не умаляет их значения, но обязывает к употреблению в науке терминологии не под влиянием модных тенденций, а в соответствии с типом ее рациональности, с уровнем конкретно-исторического познания предмета науки (Степин, 2006). Замечание представляется принципиально важным, поскольку в последние годы часто отмечается поспешное стремление вытеснить реальную значимость того или иного подхода термином, претендующим на актуальность, прежде чем проявится его сущностный смысл (Шелов, 2010).

Что касается общих признаков систем кибернетического типа, то они рассматривались наукой многократно, с достаточной степенью надежности. Теоретические и эмпирические исследования разной направленности на протяжении длительного исторического периода подтверждают довольно широкий круг их характеристик (Винер, 1958; Клаус, 1967; Юдин, 1997: 412; Валлерстайн, 2001; Гидденс, 2005). В первую очередь следует выделить системность, целостность, структурность, функциональность, саморегулируемость и саморазвиваемость таких систем. Данные характеристики и станут для нас предметом рассмотрения, поскольку это диктуют цели исследования свойств журналистики, если она осознается как система кибернетического типа (хотя, как известно, существуют и другие теоретико-концептуальные подходы к пониманию журналистики).

Подчеркнем: названные термины упоминаются в науке довольно часто, однако смысл их применительно к журналистике далеко не полностью вскрыт. Именно это и побуждает нас в очередной раз обратиться к данной предметной области с намерением получить теоретическую модель журналистики, способную прояснить некоторые важные нюансы механизма действия этой системы, основанного на принципе прямых и обратных связей.

Наше исследование имеет именно теоретический характер. Предлагаемая методика строится на комбинировании логических и теоретических методов, позволяющих перенести свойства исходного объекта на изучаемый объект с учетом его особенностей. В качестве исходного объекта для нас выступает кибернетическая система как таковая – самоорганизующееся, саморегулирующееся и саморазвивающееся образование социального уровня. Соответственно, в качестве изучаемого объекта выступает журналистика со своей спецификой, определяющей ее особое место в мире.

В структуру методики оказываются включены как методы логические – в частности, дедукция и индукция, сравнение, абстрагирование; так и методы теоретические – идеализация, восхождение от абстрактного к конкретному, систематизация, моделирование, научное описание. Процедуры эмпирических замеров реальных процессов наша методика не предусматривает в связи с тем, что получение эмпирических данных предполагает иные исследовательские задачи и другой набор методов.

Уточним, что именно, с нашей точки зрения, характеризует тип кибернетических социальных образований, обусловливая общность их вышеназванных признаков. Это важно, поскольку представляет собой исходный момент для создания искомой модели.

Системность конкретного образования возникает в процессе развития как предзаданное условие отношений, которые обеспечивают связь создающей данное образование внутренней среды с внешней средой. Формирование философской картины любой реальности такого типа происходит на основе осознания познающим субъектом факта наличия в ней той связи, которая создает единство внутренней и внешней среды. Внутреннюю среду образуют элементы, взаимодействие которых ведет непосредственно к созданию продукта, выступающего целью системы. Внешняя среда выступает как более масштабное образование с открытым вхо-

дом и выходом, вбирающее в себя внутреннюю среду. При этом внутренняя среда на первых этапах изучения может восприниматься как «черный ящик», который при этом вырабатывает продукт, жизненно необходимый для внешней среды. Далее этот продукт должен выступить в новом качестве: он становится одним из элементов внешней среды, чтобы сыграть в ней отведенную ему роль и тем самым проявить ее готовность к функционированию на новом уровне системности. Принцип системности, таким образом, осознается в процессе познания как условие диалектического единства внешней и внутренней среды, создающее целостность системы. Вместе с тем он приоткрывает для нас еще одно архиважное обстоятельство: прямые и обратные связи данной системы оказываются включены в сеть, образуемую прямыми и обратными связями других систем. Тем самым они обусловливают принципиальное единство мироздания.

Однако обнаруживается *целостность* системного образования через взаимодействие его структурных частей, направляемое информационной программой, характерной именно для данной системы. Оно-то и ведет к результату (продукту), соответствующему этой программе. Тем самым система проявляет себя как нечто целостное, обособленное от остального и отличающееся от него, хотя и сохраняет с ним прямые и обратные связи.

Структурность системного образования с необходимостью определяется составом элементов, которые входят в данное образование. В зависимости от степени его сложности, структурность может проявляться либо на одном, либо на нескольких уровнях. Но в любом случае она наличествует, предопределяя сложность системного образования.

Функциональность также является свойством системы, которое диктуется составом элементов, предназначенных для выполнения определенных задач. Информационная программа предписывает элементу выполнение конкретных обязанностей в системе, объединяемых в единый процесс причинно-следственной связью. Такие причинно-обусловленные обязанности выступают как функции элементов по отношению к данному системному образованию.

Саморегулируемость системы состоит в ее способности самопроизвольно находить сбои, ошибки во взаимодействии элементов, составляющих внутреннюю среду системы, или связей ее внутренней и внешней среды. При этом она оказывается способна

вносить соответствующие исправления в процесс взаимодействия, не прерывая его. Тем самым достигается устойчивое функционирование системы.

Саморазвиваемость системных образований обнаруживает себя в оперативности их реакции на угрозы стабильному функционированию системы при необратимых изменениях внешней или внутренней среды. Эта реакция проявляется в поправках к информационной программе. Они вызывают модификацию в функционировании системы и ведут к устранению или нейтрализации угрозы ее существованию. Таким образом, взаимодействие внутренней и внешней среды оказывается для системы и актом ее обновления, стимулирующим новый этап ее развития.

Отталкиваясь от перечисленных признаков саморегулирующихся, саморазвивающихся образований, далее попытаемся осмыслить, как эти признаки дают себя знать в конкретной социальной системе, зафиксированной в российской истории под именем журналистики.

Журналистика – расширенное наименование сложившейся системы

Для начала вспомним о тех значениях понятия «журналистика», которые приводит в одном из своих исследований крупный российский ученый Е. П. Прохоров. Трудов, затрагивающих рассматриваемый нами подход к изучению журналистики, у него немало, однако разговор о данной работе имеет особый смысл. Она потому и стала хрестоматийной, что ученый одним из первых увидел в комплексе обозначенных здесь значений свидетельство многоуровневых и многоаспектных связей журналистики с целым рядом социальных явлений и осознал системный характер этих взаимоотношений. Отмечая, что журналистика – «явление социальное и составляет важнейшую органическую часть социальной системы в целом», исследователь выделил еще и такие значения интересующего нас понятия:

- журналистика как особый социальный институт;
- как система видов деятельности, необходимых для его функционирования;
- как совокупность профессий, причастных к этим видам деятельности;

- как система произведений, создаваемых журналистами;
- как комплекс каналов передачи массовой информации (2009).

В этой работе еще не были тогда вскрыты во всей глубине особенности схваченных мыслью ученого связей, но уже само по себе выявление перечисленных характеристик позволяло увидеть, что между всеми явлениями, о которых идет речь, существует зависимость. Она превращает их в части единого целого, хотя и представленные на разных уровнях, в разных аспектах.

Разные значения одного и того же понятия, зафиксированные Е. П. Прохоровым, возникли не случайно. Они с определенностью указывают на то, что в них отражается и общее, и особенное данного круга явлений. Общее их объединяет, особенное создает их уникальность, специфичность. При этом становится очевидным, что общее обусловлено причастностью их к одному и тому же социальному образованию с таким же названием. В силу своей зависимости от него, они выступают как его взаимодействующие элементы. Больше того, данное социальное образование и само оказывается частью более масштабной социальной системы, обогащая ее своим продуктом. Как видим, социальное образование, обозначенное как журналистика, предстает перед нами в виде сложной, масштабной системы. Она обладает совокупностью признаков, устойчиво выступающих как предмет изучения общей теории систем. В этом ключе журналистика и осознается целым рядом ученых, исследующих информационное пространство, сферу медиаиндустрии, сферу социальных коммуникаций. Работы таких разных авторов, как Н. Луман (2005) и Ю. Хабермас (1992), М. В. Шкондин и И. Н. Демина (2016), Д. С. Дмитровский (2015) и Л. Г. Свитич (2016), Е. Л. Вартанова (2018) и В. В. Савчук (2013), говорят о том, что в системном взгляде на медиа, при всей неожиданности конкретных проекций, заложена ориентация на целостность представлений о медиа и, следовательно, большой эвристический потенциал.

Для субъекта познания данное обстоятельство становится стимулом осознать принципиально важную вещь: стоит одному из перечисленных выше явлений выпасть из налаженного взаимодействия с другими – и процесс взаимодействия окажется нарушенным. Все данное социальное образование, входящее в более масштабную систему, столкнется с кризисом устойчивого функционирования. Выход из него с неизбежностью потребует коррекции системной программы, направляющей процесс функ-

ционирования. Осуществиться это может только благодаря специфическому качеству подобных социальных систем: они при всех обстоятельствах способны сохранять перетекание информационных сигналов, выступающих в качестве импульсов, которые направляют действия элементов, устремленные от внутренней среды системы к внешней и от внешней среды к внутренней, – прямые и обратные связи, как их со времени Шеннона обозначила научная мысль (Шеннон, 1963). Этот удивительный механизм, выработанный мирозданием, оказывается той отличительной особенностью, которая становится одним из самых действенных средств в борьбе за устойчивость социальных систем и их жизнеспособность. Тем важнее понять, чем примечателен этот механизм в журналистике, и убедиться, как сильно он влияет на ее стабилизацию.

История человечества надежно подтверждает справедливость заключений о роли прямых и обратных связей. На уровне отдельных стран можно привести немало примеров возникновения ситуаций, говорящих об этом, в том числе – в рамках журналистики как системы. Стоит вспомнить хотя бы, как во время Великой французской революции обозначила новую роль журналистики газета «Друг народа», как в России газета «Искра» зажгла пламя целой цепи революций или как «Огонек» Виталия Коротича, «Известия» Игоря Голембиовского и «Московские новости» Егора Яковлева подействовали на советскую однопартийную печать, превратив ее в многопартийную и многоформатную прессу России. Эти изменения не могли бы произойти, если бы в острых социальных обстоятельствах не проявилось с определенностью действие внутренних системных ресурсов – прямых и обратных связей, обусловивших коррекцию информационных программ, направлявших функционирование системы. Однако тот факт, что они произошли, заставляет нас осознать: свойства журналистики характеризуются не просто системными проявлениями, но проявлениями ее особенностей как системы кибернетического склада.

Системность, целостность, структурность

Системность журналистики подтверждается наличием внутренней среды, осуществляющей единый процесс движения к результату, который предназначен для внешней среды. Тем самым

этот единый процесс отделяет внутреннюю среду от внешней. А для внешней среды, которая в нашем случае есть подсистема коммуникаций общества, этот процесс образует вход, через который обнаруживает себя продукт процесса – произведенные им массовые информационные потоки, предназначенные для распространения в обществе. В системе общества, таким образом, обозначается новый элемент, использование которого должно приносить необходимые эффекты.

Целостность журналистики как системы становится ее очевидным свойством при выявлении устойчивости взаимодействия элементов ее внутренней среды, направляемого системной программой. Формируясь как реакция на информационные потребности общественного организма, эта программа, выражаемая социальными институтами, сообщает элементам разных структурных уровней устойчивую причинно-следственную зависимость. Таким образом она предопределяет их взаимодействие и направляет движение системы в целом к желаемому результату. Эта причинно-следственная зависимость распространяется и на взаимодействие с внешней средой: внутренняя среда на постоянной основе оказывается включена в подсистему общественных коммуникаций, образуя с нею единое целое. Как видим, спонтанно сложившиеся разные значения понятия «журналистика» неслучайно дают основания для превращения его в общее наименование системы, которая соединила в себе взаимодействие целого ряда связанных с нею социальных образований. Они вошли в нее в качестве элементов разных структурных уровней, показав тем самым, что *структурность* является третьим признаком журналистики как системного образования.

Подчеркнем, что наличие разных структурных уровней обусловлено сложностью системы журналистики, достигшей к сегодняшнему дню высокой степени развития. Вошедшие в нее элементы объединены разными отношениями, на разных основаниях и потому образуют многоуровневую структуру, скрепленную прямыми и обратными связями.

Один структурный уровень для их объединения задает деятельность – род активности человека, направленной в нашем случае на производство и распространение информационных продуктов массового предназначения. В журналистике отчетливо обознача-

ются две подсистемы, каждая из которых складывается из элементов, отражающих суть деятельности как таковой: субъект – предмет – средства деятельности – результат (продукт).

Другая структура системы возникает на основе сложившихся форм организации трудовых усилий участников деятельности. Она приобретает характеристики социального института, обозначаемого понятием «средства массовой информации» (СМИ). Многие из них закреплены законодательно. Центральным звеном для подсистемы производства массовых информационных потоков являются редакции, для подсистемы распространения их – издательства и технологические платформы. И те, и другие включают в себя более дробные элементы.

Третья структура формируется на базе каналов, которые соответствуют определенным знаковым системам и обладают необходимой спецификой «упаковки» информационных продуктов, подсказывающей пути их распространения. Именно так складывается развернутая сеть периодической печати, радиовещания, телевидения и так называемых «новых медиа», продолжающих сегодня бурно развиваться с помощью Интернета. И опять же они скреплены прямыми и обратными информационными связями.

Четвертую структуру определяет разнообразие создаваемого контента, элементами которого оказываются тексты разных жанровых групп. В научной литературе они описываются вариативно, но тяготеют к устойчивым признакам. Общим в ряду обозначенных признаков является ориентация на адекватное отображение в текстах реальности, сопряженное с пониманием специфики предмета отображения.

Пятая структура в системе журналистики – состав деятелей, лиц, выступающих как субъекты производства и распространения массовых информационных продуктов, объединяющий как профессионалов разных специальностей, так и непрофессионалов, наделенных высокой степенью гражданской активности.

Можно сказать, что журналистика как социальное явление есть полиструктурное образование, которое благодаря разветвленным прямым и обратным связям проникает в самые разные сферы общества, насыщая его достоверными сведениями, необходимыми ему в целом и каждому человеку в отдельности для ориентации в окружающей действительности.

Полифункциональность, саморегулируемость, саморазвиваемость

С полиструктурностью журналистики связан еще один признак ее системного характера – *полифункциональность*. Это проявляется через решение обязательных задач, достигаемое с помощью управляющего воздействия прямых связей на элементы того или иного ее структурного слоя. Скажем, функция подсистемы производства массовых информационных потоков состоит в насыщении общества актуальными продуктами достоверной массовой информации, а функция подсистемы распространения заключается в обеспечении достаточного числа тиражирующих эти продукты источников. У каждого из элементов названных подсистем есть свои причинно-обусловленные задачи – свои функции, от решения которых зависит устойчивость процесса функционирования системы и результат (продукт) ее деятельности.

Но это еще не все, самое главное заключается в том, что полифункциональность журналистики обнаруживает себя через продукт ее деятельности – массовые информационные потоки. Адресованные обществу в целом, они изначально ориентированы на решение интегральной задачи, которая закладывается в программу системы. По данным современных исследований, эта задача осознается наукой как *предназначение журналистики* (Прохоров, 2009; Корконосенко, 2010; Шкондин, 2013: 37–38). Заключается предназначение журналистики в том, чтобы содействовать устойчивости и развитию общества как совокупного субъекта социальной деятельности, достоверно освещая события текущей действительности и обеспечивая удовлетворение информационных потребностей социума на всех уровнях общественного бытия.

Решение данной задачи – и это принципиальный момент – обусловлено спецификой массовых информационных потоков: они обладают многоаспектным взаимодействием с потребителем. Такое взаимодействие объясняется тем, что они несут в себе целый комплекс сведений, потребность в которых испытывает массовая аудитория. Тут и сведения о движении действительности, представленном ее изменениями; тут и сведения о противоречиях, возникающих в процессе таких изменений и несущих в себе опасность конфликтов; тут новые данные о политических решениях, достижениях науки, событиях в мире искусства; тут сообщения о вариантах поведения людей – как

принимаемых окружающими, так и отвергаемых ими. Словом, массовые информационные потоки заключают в себе контент, способный удовлетворить самые разнообразные информационные потребности, интересы и ожидания аудитории. Тем самым решается множество конкретных задач, начиная от информирования людей и заканчивая управлением их практическими действиями.

В разные исторические периоды состав задач, как свидетельствуют источники, заметно меняется (Соколова, 2010). Однако у исследователей наблюдается устойчивое стремление выявить и типизировать основные из них, описав их как общественные функции журналистики. На сегодняшний день функциональный ряд, зафиксированный наукой, включает в себя достаточно большое число взаимосвязанных функций, сыгравших и продолжающих играть значительную роль в общественной жизни на разных ее этапах и в разных условиях (Lasswell, 1960: 97; Прохоров, 2001; Фомичёва, 2012). Для нас существенным является именно то обстоятельство, что в большинстве своем эти функции есть производное от воздействия, которое способен оказать на потребителя массовых информационных потоков их многообразный контент, прошедший к тому же проверку на надежность. Таким образом, полифункциональность журналистики обусловлена структурой и характером создаваемого ею контента.

Саморегулируемость журналистики очевидно обнаруживает себя в национальных системах медиа, представляющих собой частный случай целостных системных образований. Заметим, что речь идет обо всех национальных медийных системах, однако нужно иметь в виду: в силу своеобразия исторических условий того или иного государства, данный процесс происходит в разных странах не одномоментно. Во многом это обусловлено социальным характером журналистики. Активным действующим лицом ее является человек, наделенный сознанием, свободой воли и способностью выступать в процессе функционирования системы в разных ролях. С данной особенностью и связан тот факт, что проявление саморегулируемости оказывается вариативным.

В одном случае это обнаруживается, когда для системы в целом возникает необходимость изменить сложившееся функционирование. Она требует вмешательства в системную программу: изменение процесса функционирования протекает как сложный *акт саморегуляции системы* (Лазутина, 2017: 100), в котором в конеч-

ном счете участвуют и ее управляющие институты. Пример такого акта саморегуляции в медиасистеме России – процесс становления ее правового поля в начале 1990-х гг., когда стало формироваться системное законодательство о СМИ, положившее начало созданию упорядоченных правовых отношений.

Тот факт, что государство всегда обращало пристальное внимание на средства массовой информации, стремясь контролировать их деятельность, обусловил неизбежную после Октябрьской революции 1917 г. ситуацию в отношениях с прессой. Первым советским механизмом влияния на ее деятельность стали нормативные акты принудительного регулирования практики газет и журналов. Впоследствии, в течение почти всего советского периода, регулятор в виде законодательства в области СМИ фактически был подменен партийным руководством. Взаимодействие между медиасообществом, властью и аудиторией СМИ складывалось то стихийно, то произвольно до тех пор, пока не произошла перестройка общественных отношений.

Союзный закон «О печати и других средствах массовой информации», принятый в 1990 г., и ныне действующий Закон РФ «О средствах массовой информации», принятый в конце 1991 г.[1], ознаменовали начало развития в стране массово-информационного права, основанного на принципе свободы массовой информации и образовавшего относительно самостоятельную отрасль законодательства[2]. В совокупности все это являло собой развернутый акт саморегуляции общественной системы, который обеспечил системную работу механизмов правового регулирования в области СМИ, поскольку включил в себя и момент саморегулируемости журналистики (вариант первый).

Второй вариант саморегулируемости возникает, когда появляется необходимость внести коррективы в процесс реализации функций того или иного элемента системы. Проявляется саморегулируемость журналистики при этом уже по-иному: не как неизбежный акт саморегуляции системы, а как саморегулирование профессии – совокупность осознанных усилий, предпринимаемых деятелями в соответствии с установленными нормами и правилами. Пример данного варианта саморегулируемости журналистики – деятельность Общественной коллегии по жалобам на прессу, представленная в продолжающихся выпусках «Настольной книги по медийному регулированию» (Казаков, Федотов (ред.), 2010–2020).

Оба варианта проявления саморегулируемости системы направлены на обеспечение ее устойчивости, жизнеспособности, и поэтому их правомерно расценивать как фактор, играющий большую роль в закреплении системных свойств журналистики, прежде всего – ее способности к саморазвитию.

Способность к саморазвитию, точнее саморазвиваемость, как свойство журналистики отчетливо проявляется в ситуациях масштабных общественных перемен. Они ломают сложившийся порядок вещей и ставят журналистику перед необходимостью искать новые возможности существования в изменившихся условиях внешней среды, сохраняя свою сущность. Источники показывают, что общество уже переживало в своем историческом движении подобные переломы, подтолкнувшие журналистику к эволюции. Особую роль в этом играло техническое переоборудование общественных коммуникаций. Оно выступало как фактор, инициирующий комплексное, многофакторное и многоаспектное изменение социально-экономической ситуации. Журналистика при этом неизбежно получала новые импульсы для саморазвития и находила возможность актуализироваться в оптимальных формах, соответствующих ее социальному предназначению.

Так было, когда изменило мир изобретение Гутенберга, принесшее новый способ тиражирования информации, ставший началом и символом печатной медийной эпохи. Общество встало перед необходимостью осознать новую коммуникативную реальность как двусторонний процесс, в котором не только пресса влияет на социальную жизнь, но и социальная жизнь – на прессу.

Так было, когда свидетельством коренного перевооружения медиамира стало появление радио и телевидения, открывших для журналистики небывалую возможность приблизить к отдельному человеку жизнь всего общества. Правда, журналистика тогда оказалась вынуждена отстаивать свою профессиональную идентичность, так как многое из появившегося в теле- и радиоэфире того времени – например, реклама – поначалу ассоциировалось с журналистикой, хотя это были принципиально разные явления.

Еще более серьезные вызовы журналистика испытала и до сих пор испытывает в связи с колоссально быстрым и мощным развитием Интернета. По революционности, стремительности и силе воздействия, по значимости последствий в общественной жизни

он превосходит изобретения печати, радио и телевидения. Этот этап, как и предшествующие, потребовал от профессии нового переосмысления своих возможностей в рамках ее сущностного предназначения, причем в гораздо более высокой степени.

Похоже, что в недалеком будущем нас вновь поджидают перемены, которые сделают очевидным наступление следующего этапа в развитии журналистики. Во всяком случае, сегодня уже есть видимые приметы того, что вследствие интернетизации и цифровизации коммуникационных технологий в медиапространстве начался процесс преобразований, в которых просматриваются черты, не вполне характерные для привычной журналистской деятельности.

Это отразилось уже и в рефлексии журналистского сообщества. Не случайно в медиасреде все чаще возникают разговоры о том, что профессия журналиста отслужила свое, что на смену ей приходит робототехника. Более того, в повседневной медийной практике становится заметен поиск средств, которые могут обеспечить соответствие между предназначением журналистики, потребностями аудитории и тем продуктом, которого сейчас ждет от журналистов аудитория. Пока еще нет оснований утверждать, что это соответствие найдено, но сомнений в том, что такой поиск идет, все меньше. Вспомним опыты лаборатории «Однажды...», которые знакомят читателя с «заказной журналистикой», или варианты журналистских книг, предлагающих в репортажном ключе рассмотреть деяния замечательных людей, истории бизнесов, становление крупных социальных образований и осмыслить связанные с этим перемены в общественной жизни. Остается ждать, какими еще новациями обернутся поисковые усилия первопроходцев.

В любом случае остановка в развитии журналистике не грозит, поскольку жизнь показывает, что стремление получать адекватную информацию о происходящих событиях, осознавать их смысл и последствия остается у населения страны высоким. Социологические опросы свидетельствуют о потребности в достоверной новостной информации как об устойчивом тренде, независимо от формата, в котором эта информация представлена.

Так выглядят в целом и в частностях характеристики журналистики, позволяющие разглядеть в ней не просто свойства системы, но свойства системы самосохраняющейся, саморегулирующейся, саморазвивающейся. Попытаемся понять, что это добавляет к уже сложившимся представлениям о ее природе.

Свойства журналистики
как результат действия закономерностей

Размышляя о перечисленных выше свойствах журналистики как системного образования кибернетического типа, нетрудно убедиться, что все они представляют собой реакцию системы на изменения ее внутреннего или внешнего компонентов, с непреложностью возникающую при таких изменениях и соответствующую их характеру. При осмыслении фактов внешнего поведения подобных систем нельзя не зафиксировать, что этим их свойствам неизменно присущи *устойчивость, повторяемость и обязательность проявления*. Научная картина исследуемой реальности, согласно современному ее пониманию (Степин, 1999: 115–160), объясняет это как непреложное следствие того действия внутренних существенных связей, которое обусловлено их природой и с неизбежностью обнаруживает себя во всех образованиях данного типа. Теоретическое знание обозначает действие таких связей научной категорией «закон».

Определений закона существует множество. Во многих из них, чтобы не сказать в большинстве, сущность закона формулируется примерно так, как она передается Новейшим философским словарем: «Категория З. выражает в своем содержании тот не зависящий от нашего сознания факт, что предметы и явления окружающего мира функционируют и развиваются в соответствии с присущими им существенными, необходимыми, повторяющимися, устойчивыми отношениями (связями). Важнейшие черты З. – необходимость, всеобщность, повторяемость и инвариантность» (Грицанов (ред.), 1999).

Разделяя эту точку зрения, подчеркнем тем не менее одну примечательную особенность закона: он всегда отражает определенную связь, определенное отношение. Это в высшей степени важный момент: отдельный закон при всей его значимости не может быть достаточным при научной характеристике функционирования саморазвивающихся образований. Саморазвивающиеся системы действуют благодаря тому, что направляются рядом связей, рядом отношений. Научное познание зафиксировало эту особенность живого мира, включив в дискурс исследователей категорию «закономерности».

Закономерность, как и закон, отражает связи и отношения явлений и предметов реальности, однако объем этого понятия не-

сколько шире. В отличие от закона, закономерность отражает совокупность существенных связей, через которую реализуется информационная программа бытия того или иного образования (Сачков, 2009). Иначе говоря, категория «закономерность» обозначает комплекс законов, направляющих в определенном порядке функционирование конкретной системы.

На основании сказанного следует заключить, что рассмотренные свойства журналистики оказываются не просто ситуативными проявлениями ее особенностей. Они являются устойчивым следствием действия закономерностей, которыми определяется ее существование. Фактически эти закономерности выступают как механизм функционирования журналистики, обеспечивая ее результативность, необходимую для успешного взаимодействия с окружающим миром. Таково первое соображение, углубляющее, на наш взгляд, представление о свойствах журналистики как саморазвивающейся системы.

Еще один весьма значимый в этом плане момент обнаруживается, если остановить внимание на том, что перечисленные свойства журналистики совпадают с общими признаками саморазвивающихся систем. Логично считать в таком случае, что у свойств журналистики и свойств саморазвивающихся систем есть общий корень, из которого они вырастают, – действие одних и тех же закономерностей, входящих в механизм функционирования подобных систем. Как следствие, мы должны сделать вывод, что в закономерностях журналистики отчетливо проявляют себя закономерности широкого действия, определяющие функционирование всех кибернетических систем.

И тут перед исследователями неизбежно возникает вопрос: если так, то откуда же берется специфика данного социального явления? Откуда появляется особенное в разных социальных образованиях, при том что у них – одинаковый механизм функционирования? Как возникают их специфические свойства?

Разговор о специфических свойствах журналистики для науки не нов. Практика этого вида деятельности уже давно поставила исследователей перед необходимостью углубляться в те или иные аспекты профессионального дела и привела к существенным заключениям гносеологического, психологического, технологического, организационного характера. Многие из них дают основания трактовать те или иные черты журналистики как ее особенности, однако объяснить с достаточной полнотой и ясно-

стью их природу, выявить причины, в силу которых складываются их проявления, отличающиеся от проявлений других систем, пока не могут. Для отечественной науки это остается актуальной задачей. Поиск ее решения невольно приводит к мысли о том, что саморазвиваемость кибернетических систем, обладающих и выраженной спецификой, может осуществляться лишь тогда, когда они подчинены еще какому-то воздействию. Но какому? Ответа на этот вопрос пока нет.

Современному человеку не требуется доказывать, что наш глобальный мир отмечен не только проявлениями единства, но и проявлениями многообразия. Это многообразие само по себе говорит о том, что в механизмах мира существует нечто, определяющее возникновение в явлениях оригинального, уникального – того, что ранее не обнаруживало себя. При этом, возникнув, оригинальное не просто закрепляется в явлении, но становится его отличительной чертой. А специфика – это и есть совокупность отличительных черт. Следовательно, оригинальное и специфическое – слова, которыми обозначаются близкие, родственные явления. Так, может быть, корни специфики и следует искать в природе оригинального?

Понятие «оригинальное» привлекает внимание ученых уже довольно давно, в частности в связи с таким явлением, как гениальность. Европейский мыслитель Макс Нордау, анализируя проявления необычного в творчестве гения, пришел в свое время (в 1885 г.) к пониманию роли парадокса в рождении оригинальных идей (1996). Пессимизм и оптимизм, толпа и гений, оригинальное и банальное... Вглядываясь в эти явления, исследователь в очередной раз зафиксировал особенность парадоксальных отношений предметного мира – их парность. Научное сообщество эту особенность рассматривает с давних пор, обозначая ее по-разному. В одном случае она осознается как дуальность – двойственность (Мальцев, 2011), что обозначает воззрения, согласно которым человеческий интеллект дает образованиям реального мира двойственную характеристику и тем самым помогает различать их противоположные свойства (свет и тьма, добро и зло, порок и добродетель – ряд не предполагает ограничений). Во втором случае для обозначения данной особенности употребляется термин «дуализм». Со времен Декарта он получает однозначную трактовку как научное направление, утверждающее существование в человеке двух параллельных, не зависящих друг от друга и не своди-

мых друг к другу субстанций – материи и духа (природы и мышления), что упраздняет проблему первичности того или другого. Они всегда есть и всегда самостоятельны, хотя и связаны единым процессом функционирования организма (Декарт, 1994).

М. Нордау предпринял для рассмотрения двойственности выход на биологический уровень анализа, и это привело его к интересному выводу: «Каждое неделимое есть результат взаимодействия двух течений: первоначального закона жизни и наследственности. Первый стремится к созданию новых форм, пригодных для продолжения жизненного процесса; вторая – к повторению схемы уже существующей» (1996: 46).

Как нетрудно заметить, двойственность в понимании Нордау есть проявление взаимодействия каких-либо двух реально существующих противоположностей, направляемых разными законами. Да, они отражаются в мышлении человека, как и весь окружающий мир. Но отражаются потому, что они – есть. Природу оригинального мыслитель связал с реальным действием одной из управляющих сил, названной им «первоначальным законом жизни».

Сказанное не исчерпывает проблемы. Однако оно дает серьезное основание задуматься о том, как связаны наши представления о журналистике и возникающей в ней специфике с объективными основаниями, которые вызывают двойственные проявления предметов и явлений реального мира. Современная научная мысль отражает эти двойственные проявления, формулируя закон о единстве и борьбе противоположностей в реальных процессах. В наших исследованиях смысл следующего этапа заключается именно в том, чтобы понять, как в журналистике, являющей собой единое саморазвивающееся образование, обнаруживает себя эта борьба противоположностей и в чем конкретно она состоит, когда дело касается взаимосвязи закономерностей широкого действия и закономерностей, создающих специфику данной системы.

Выводы

1. Взгляд на журналистику как на саморегулирующееся, саморазвивающееся образование позволил представить ее как сложную, масштабную систему, обладающую свойствами, присущими социальным образованиям такого типа: системностью, целостностью, структурностью, полифункциональностью, саморегулируемостью и саморазвиваемостью.

2. Анализ перечисленных свойств журналистики показал, что они представляют собой результат взаимодействия закономерностей – совокупности скрытых, сущностных, не поддающихся непосредственному наблюдению связей, которые определяют возникновение и функционирование данной системы.

3. Выявилось, что закономерности журналистики проявляют себя как закономерности широкого действия, поскольку признаки ее свойств совпадают с признаками свойств всех саморазвивающихся систем, свидетельствуя о том, что их функционирование направляется единым механизмом.

4. В то же время обнаружилось, что за рамками закономерностей широкого действия остаются свойства журналистики, которые характеризуют ее специфику и могут объяснить причины ее возникновения. Этот причинный ряд нуждается в изучении.

5. Задача будущих исследований видится как необходимость провести рассмотрение свойств журналистики, составляющих ее специфику, в контексте данных о факторах, которые вызывают эту специфику. Наша гипотеза заключается в том, что уникальность механизма функционирования журналистики как саморазвивающейся системы определяется действием еще одного ряда закономерностей, оказывающих на процесс функционирования свое парадоксальное влияние, но пока должным образом не систематизированных.

Примечания

[1] О средствах массовой информации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021): Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 30.12.2020).

[2] Кроме Закона о СМИ – федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и др.

Библиография

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

Вартанова Е. Л. Теория медиа как перекресток научных подходов и методов // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 1. С. 165–176. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).165-176.

Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Декарт Р. Размышления о первой философии // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994.

Демина И. Н., Шкондин М. В. Синергетика и теория журналистики: аспекты исследования медиасистемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 14–28. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).14-28.

Дмитровский А. Л. Экзистенциальная теория журналистики: на пути к метатеории // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 5 (360). С. 15–20.

Закон // Новейший философский словарь / под ред. *А. Л. Грицанова*. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1999.

Клаус Г. Кибернетика и общество. М.: Прогресс, 1967.

Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение. М.: Логос, 2010.

Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста. М.: Юрайт, 2017.

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.

Мальцев С. Дуальность мира нашего. Воронеж: ИД Минаков, 2011.

Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 1–10 / под ред. *Ю. В. Казакова, М. А. Федотова*. М.: Творческий центр ЮНЕСКО, 2010–2020.

Норду М. В поисках за истиной («Парадоксы»). Минск: БелЭН, 1996.

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2009.

Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. М.: РИП-холдинг, 2001.

Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2013.

Сачков Ю. В. Закономерности // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. / под ред. *В. С. Степина*. М.: Мысль, 2009.

Свитич Л. Г. Изучение журналистики в контексте общенаучных парадигм // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 546–561.

Соколова А. Н. Развитие теоретических представлений о функциях журналистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 1999.

Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.

Фомичёва И. Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2012.

Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 29–56.

Шелов С. Д. Еще раз об определении понятия «термин» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 795–799.

Шеннон К. Э. Математическая теория связи // Работы по теории информации и кибернетике. М.: ИИЛ, 1963.

Шкондин М. В. Миссия журналистики: системные аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 1. С. 37–48.

Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Едиториал УРСС, 1997.

Lasswell H. D. (1960) The Structure and Function of Communication in Society. In W. Schramm (ed.) *Mass Communications*. Urbana, IL: University of Illinois Press. Pp. 117–129.

Notes

O sredstvakh massovoy informatsii (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2021): Zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 30.12.2020) [On Mass Media (with amendments and additions, became operative on 01.01. 2021): the RF Law from 27.12.1991 № 2124-1 (the version dated 30.12.2020)].

References

Dekart R. (1994) Razmyshleniya o pervoy filosofii [Reflections on the First Philosophy]. In *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Writings in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)

Demina I. N., Shkondin M. V. (2016) Sinergetika i teoriya zhurnalistiki: aspekty issledovaniya mediasistemy [Synergetics and Theory of Journalism: the Aspects of Media System Research]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism* 5 (1): 14–28. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).14-28 (In Russian)

Dmitrovskiy A. L. (2015) Ekzistentsial'naya teoriya zhurnalistiki: na puti k metateorii [Existential Theory of Journalism: Towards a Metatheory]. *Vestn. Chelyab. gos. un-ta* 5 (360): 15–20. (In Russian)

Fomicheva I. D. (2012) *Sotsiologiya SMI* [Media Sociology]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Giddens A. (2005) *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian)

Gritsanov A. L. (ed.) (1999) Zakon [Law]. In *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [Latest Philosophical Dictionary]. Minsk: V. M. Skakun Publ. (In Russian)

Habermas Ju. (1992) K logike sotsial'nykh nauk. Teoriya kommunikativnogo deystviya [To the Logic of Social Sciences. Theory of Communicative Action]. In *Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya. Vyp. 1* [Modern Western Theoretical Sociology. Issue 1]. Moscow: INION RAN Publ. Pp. 29–56. (In Russian)

Kazakov Yu. V., Fedotov M. A. (eds.) (2010–2020) *Nastol'naya kniga po mediynomu samoregulirovaniyu. Vyp. 1–10* [A Reference Book on Media Self-Regulation]. Moscow: Tvorcheskiy tsentr UNESCO Publ. (In Russian)

Klaus G. (1967) *Kibernetika i obshhestvo* [Cybernetics and Society]. Moscow: Progress Publ. (In Russian)

Korkonosenko S. G. (2010) *Teoriya zhurnalistiki: modelirovanie i primenenie* [Theory of Journalism: Modeling and Application]. Moscow: Logos Publ. (In Russian)

Lasswell H. D. (1960) The Structure and Function of Communication in Society. In W. Schramm (ed.) *Mass Communications*. Urbana: University of Illinois Press. Pp. 117–129.

Lazutina G. V. (2017) *Professional'naya etika zhurnalista* [A Journalist's Professional Ethics]. Moscow: Yurayt Publ. (In Russian)

Luhmann N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow: Praksis Publ. (In Russian)

Mal'tsev S. (2011) *Dual'nost' mira nashego* [The Duality of Our World]. Voronezh: Minakov Publ. (In Russian)

Nordau M. (1996) *V poiskakh istiny ("Paradoksy")* [In Search of Truth ("Paradoxes")]. Minsk: BelEN Publ. (In Russian)

Prokhorov E. P. (2001) *Zhurnalistika i demokratiya* [Journalism and Democracy]. Moscow: RIP-holding Publ. (In Russian)

Prokhorov E. P. (2009) *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki* [Introduction to the Theory of Journalism]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Sachkov Yu. V. (2009) Zakonomernosti [Regularities]. In V. S. Stepin (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t. T. 2* [New Philosophical Encyclopedia in 4 vol. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)

Savchuk V. V.(2013) *Mediafilosofija. Pristup real'nosti* [Media Philosophy. A Fit of Reality]. St. Petersburg: RHGA Publ. (In Russian)

Shelov S. D. (2010) Eshche raz ob opredelenii ponyatiya "termin" [Once Again About the Definition of the Concept "Term"]. *Vestnik Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevskogo* 4 (2): 795–799. (In Russian)

Shennon K. E. (1963) Matematicheskaya teoriya svyazi [Mathematical Communication Theory]. In *Raboty po teorii informacii i kibernetike* [Works on Information Theory and Cybernetics]. Moscow: IIL Publ. (In Russian)

Shkondin M. V. (2013) Missiya zhurnalistiki: sistemnye aspekty [Mission of Journalism: the Systemic Aspects]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism* 1: 37–48. (In Russian)

Sokolova A. N. (2010) *Razvitie teoreticheskikh predstavleniy o funktsiyakh zhurnalistiki*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Development of Theoretical Ideas About the Functions of Journalism: extended abstract of PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Stepin V. S. (1999) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ. (In Russian)

Stepin V. S. (2006) *Filosofiya nauki. Obshchie problemy* [Philosophy of Science. Common Problems]. Moscow: Gardariki Publ. (In Russian)

Svitich L. G. (2016) Izuchenie zhurnalistiki v kontekste obshchenauchnykh paradigm [Studying Journalism in the Context of General Scientific Paradigms]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism* 5 (4): 546–561. (In Russian)

Vartanova E. L. (2018) Teoriya media kak perekrestok nauchnykh podkhodov i metodov [Media Theory as a Crossroads of Scientific Approaches and Methods]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism* 7 (1): 165–176. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).165-176 (In Russian)

Wallerstein I. (2001) *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [World Systems Analysis and the Situation in the Modern World]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ. (In Russian)

Wiener N. (1958) *Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics and Society]. Moscow: Inostrannaya literatura Publ. (In Russian)

Yudin E. G. (1997) *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of Science. Systematicity. Activity]. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
06.02.2021

ЭССЕ

Соколова Вероника Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: veronikasokol@yandex.ru

Коренева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: arco2001@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖУРНАЛИСТИКИ: ОПЫТ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

В статье рассматриваются особенности феномена литературной журналистики и его теоретическое осмысление в Испании и Латинской Америке. Актуальность темы определяется тем, что сегодня, в связи с изменением медиапространства, вопросы взаимодействия литературы и журналистики требуют переосмысления в научно-академическом сообществе. Отмечается общая тенденция усиления авторского начала в журналистском сообщении, которая влияет на трансформацию традиционных жанров. В статье выявлена связь произведений литературной журналистики испаноязычных стран со своеобразием менталитета и национальной идентичностью. Особое внимание уделяется хронике как квинтэссенции повествовательной журналистики в странах Латинской Америки. Отмечена возрастающая роль литературной журналистики в современной коммуникации, потенциал ее влияния на формирование общественного мнения и, соответственно, необходимость осмысления этого творческого феномена применительно к профессиональной подготовке будущих журналистов.

Ключевые слова: *литературная журналистика, повествовательная журналистика, хроника, жанр-гибрид, теория журналистики, теория коммуникации.*

Veronika M. Sokolova, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Media Linguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: veronikasokol@yandex.ru.

Elena V. Koreneva, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Spanish, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: arco2001@yandex.ru.

TOWARDS THE INTERACTION BETWEEN LITERATURE AND JOURNALISM: THE EXPERIENCE OF SPANISH-SPEAKING COUNTRIES

The article examines the phenomenon of literary journalism in Spain and Latin America. The authors of the article pay their main attention to its theoretical understanding and its development in the Spanish-speaking world. The relevance of the topic is confirmed by the fact that the issues of interaction between literature and journalism are being actively discussed today in the scientific and academic community. The article outlines a general tendency to strengthen the author's principle in journalistic works, which affects the transformation of traditional genres. Considering the chronicle as the quintessence of narrative journalism in Latin America, the authors reveal the connection between the works of literary journalism of Spanish-speaking countries and their mentality and national identity. They underline an increasing role of literary journalism in modern communication and its potential influence on the formation of public opinion. Thus, there is a need to take into account the development of this creative phenomenon in the professional training of future journalists.

Key words: *literary journalism, narrative journalism, chronicle, genre hybrid, journalism theory, communication theory.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.164191

Введение

В последние десятилетия исследователи всего мира уделяют большое внимание развитию литературной журналистики. Повествовательная форма, в которой отражается связь журналистики и литературы, активно развивается и популяризируется. При этом сам феномен литературной журналистики по-разному трактуется в зависимости от культурно-исторического контекста и традиций каждой страны. Произведения литературной журналистики Испании и Латинской Америки, традиционно отмеченные свободой творчества, представляют интерес для исследователей.

В России разным аспектам данной проблемы посвящены труды Я. Н. Засурского (2019), Е. Л. Вартановой (2010), А. Г. Беспаловой, Е. А. Корнилова и др. (2004), Е. И. Орловой (2012) и др. Отечественные ученые прежде всего опираются на историю русской журналистики, изучают развитие жанра эссе (Новиков, 2012; Магай, 2013), анализируют тексты, опубликованные в литературных журналах и альманахах (Попова, 2013; Якимова, 2015).

Актуальность данной темы подтверждается тем, что вопросы взаимодействия литературы и журналистики обсуждаются на страницах научных изданий, на конференциях, вебинарах. На VIII Санкт-Петербургском международном культурном форуме «Журналистика как литература»[1] известные российские журналисты и авторы колонок попытались «нащупать условную границу, за которой заканчивается журналист и начинается писатель»[2]. На Форуме прозвучали разные мнения, от «литературы больше нет, осталась только журналистика» до «литература заменила собой журналистику». Было отмечено, что публицистика сегодня успешно конкурирует с литературой за время и внимание читателей, изменяется характер взаимодействия автора и читателя, личность автора определяет популярность издания и повышает его рейтинг[3].

Отдельную нишу занимают исследования, посвященные авторской колонке и репрезентации автора. Присутствие автора в журналистском тексте традиционно являлось «знаком качества» и престижа СМИ. Персонифицированная журналистика всегда имела свою аудиторию. Сегодня отмечается общая тенденция усиления авторского начала в журналистском сообщении, которая влияет на трансформацию традиционных жанров (Кройчик и др., 2000).

Пожалуй, наибольший интерес у российский ученых вызывает литературная журналистика США (Михайлов, 2004; Кустова, 1969; Балдицын, 2004), в частности «новый журнализм» (Хорольский, 2007; Авдонина, Фокина, 2017; Харитонов, 2010 и др.). Однако феномен литературной журналистики испаноязычных стран остается недостаточно изученным. В конце XX – начале XXI вв. в Испании и Латинской Америке появилось новое поколение писателей-журналистов, отстаивающих свою позицию с помощью трансформации традиционных жанров. Внимание к данному виду журналистики постоянно растет и сопровождается научной дискуссией.

Изучение литературной журналистики, определение ее целей и задач, способов воздействия на аудиторию, источников, ее места в современной парадигме словесного творчества и перспектив разви-

тия позволяет по-новому, с позиций нового века, осмыслить базовые постулаты как литературы, так и журналистики, понять, какие связи существуют между ними сегодня. Знакомство с работами ученых Испании и Латинской Америки последних десятилетий, введение в отечественный научный дискурс нового материала позволит углубить знания о взаимодействии литературы и журналистики, выявить их взаимозависимость и проследить линии дальнейшей эволюции журналистских текстов.

Теоретическое осмысление связи литературы и журналистики в испаноязычных странах

Известно, что у литературы и журналистики общий объект – человек, его жизнь, его интеграция в общество, а также общий инструмент – язык, поэтому на пересечении этих видов словесного творчества возможно возникновение гибридных жанров. Как отмечает Хосе Акоста Монторо, на начальном этапе своего развития периодическая печать Испании и испанских владений в Новом Свете не имела четко оформленной системы жанров (Acosta Montoro, 1973).

В Испании в середине XIX в. начались общественные дискуссии о журналистике, которая первоначально характеризовалась как новый жанр литературы. Диспут о художественном характере журналистики прослеживается даже во вступительных речах в Королевскую Академию испанского языка. Так, в 1845 г. Хоакин Франсиско Пачеко, обращаясь к академикам, спросил: «Действительно ли журналистика – плодовитая ветвь литературы?». «Пятьдесят лет спустя, выступая с докладом перед членами Академии, Э. Сельес упомянул журналистику в ряду литературных жанров, среди которых были названы также история, поэзия, ораторство, роман, критика и драма. При этом журналистика, по мнению докладчика, воплощала в себе признаки всех остальных вышеназванных жанров» (цит. по Короченскому, 2011: 126).

В конце XIX в. это сопряжение «литературного» и «журналистского» стало темой споров как в Испании, так и в Латинской Америке. В Испании «на протяжении всего XIX в. журналистика характеризовалась как жанр литературы, соответственно, ее собственные жанры не подвергались дифференциации. Журналистом именовался писатель (литературный работник), регулярно публикующийся в периодических изданиях» (Там же).

На современном этапе многие исследователи признают необходимость дальнейшего углубления знаний о взаимосвязи литературы и журналистики. Так, Асис Гарроте пишет: «Если все еще остается в силе это классическое разделение на информационную и аналитическую журналистику, предлагаемое во всех учебниках, то в настоящее время при анализе статьи могут возникнуть сложности. Сегодня, когда в литературе, да и в журналистике, мы сталкиваемся с «разрушением» жанров, необходимо исследование эволюции журналистских текстов»[4] (Asís Garrote, 1997: 448).

В конце XX – начале XXI в. в Испании отмечается всплеск интереса к литературной журналистике. «Начиная с последней четверти XX в. некоторые исследователи сосредоточили внимание на анализе неоднородных по жанру произведений с целью выявить их характерные особенности и сгруппировать под общим названием. Основываясь на теории журналистики, теории литературы, различных областях философии, филологии, социологии и лингвистики, специалисты изучили пограничные области обеих дисциплин и признали существование произведений, которые не являются ни чисто журналистскими, ни исключительно литературными, а представляют собой гибридные формы» (Соколова, 2018: 86).

Взаимосвязи литературы и журналистики и возникающим на стыке новым формам посвящены исследования Х. Акоста Монторо «Журналистика и литература» (Acosta Montoro, 1973), Альберта Чильона «Литература и журналистика: история спутанных отношений» (Chillón, 1999). В 2009 г. была опубликована подробная антология «От Асорина до Умбраля. Век испанской литературной журналистики», в которой содержится детальный анализ формирования и развития данного феномена в Испании и представлены примеры текстов 121 автора (Gutiérrez Palacios (ed.), 2009). В 2011 г. Ф. Реболью Санчес в книге «Литература и журналистика в XXI веке» доказывает, что «связь между литературой и журналистикой существовала даже тогда, когда «термин «журналистика» не существовал как таковой» (Rebollo Sánchez, 2011: 9). В 2013 г. в статье «История и перспективы развития литературной журналистики Испании в XX веке» была предложена периодизация произведений литературной журналистики XX в. (Torregrosa Carmona, Gaona Pisonero, 2013). Л. Гильермо Эрнандес в работе «Литературная, или повествовательная, журналистика XXI века» проанализировал, какие качества приобретает журналистика, используя средства выра-

зительности художественной литературы, и можно ли для создания журналистских текстов объединить методологию журналистики и экспрессивные средства литературы, чтобы таким образом усилить воздействие на читателя (Hernández, 2014).

Дискуссия о сущности и особенностях литературной журналистики

В последние годы, в связи с появлением Интернета, возникло больше возможностей для распространения текстов литературной журналистики, что, в свою очередь, привело к увеличению интереса к данному феномену – многие ученые предприняли попытки его осмысления с точки зрения теории коммуникации и теории журналистики. Так, Фернандо Лопес Пан (López Pan, Rodríguez-Rodríguez, 2006) сравнил мнения испаноязычных теоретиков о литературной журналистике и выделил ее основные характеристики.

С 1970-х гг., когда теорию журналистики стали преподавать в университетах Испании, о журналистике и литературе говорили как о двух взаимоисключающих видах деятельности, которые могут сосуществовать на страницах газет, но не могут гибридизироваться в одном тексте. Например, Мартинес Альбертос рассматривает анализ взаимоотношений литературы и журналистики как точку отсчета, необходимую для изучения именно журналистики и связывает «литературное» в журналистике с выходом за рамки традиционных журналистских форматов (Ibid).

Октавио Агилера устанавливает четкие границы: по его словам, журналист – это квалифицированный техник (*técnico cualificado*), который информирует и ориентирует, используя язык, понятный широкой аудитории; в то время как литератор переделывает и «изобретает» язык; журналистика, в отличие от литературы, должна быть равнозначна актуальной информации (Ibid).

При анализе различий литературы и журналистики академик Ласаро Карретер отталкивается от известной идеи Штейнера о том, что литература – это язык, свободный от «высшей ответственности» за информацию. При сравнении двух дисциплин его интересует прежде всего граница между языком новости и языком литературы. Карретер ограничивается исследованием лишь

новостных текстов и устанавливает четкие оппозиции литературы и журналистики, а именно:

– конкретные сроки сдачи материала в журналистике в противовес меньшему давлению в литературе;

– целевая аудитория в журналистике, в отличие от универсальной – в литературе;

– временные и пространственные границы против «необъятного и вечного»;

– цель журналиста – писать лаконично и доходчиво, в противовес задаче создания собственного авторского стиля литератора;

– профессиональная солидарность журналистов против творческого одиночества писателя (Ibid).

Однако, согласно Лопесу Пану, при анализе проблемы взаимодействия литературы и журналистики невозможно ограничиваться только новостными текстами, поскольку в СМИ существуют и другие тексты, написанные для других целей. Например, многие репортажи, посвященные общечеловеческим проблемам, остаются интересными вне зависимости от пространственно-временных рамок и являются результатом работы одного журналиста. Кроме того, критерий объективности как обязательное условие для журналистики в настоящее время вызывает полемику, которая ясно дает понять, что объективность не зависит от набора стилистических приемов, следовательно, формальное не может быть отличительной чертой ни журналистики, ни литературы (Ibid).

По мнению романиста Э. Косериу, литературные тексты не характеризуются определенным стилем и набором черт, которые позволили бы отличить литературное от информативного. Информативный дискурс «говорит» с наибольшей объективностью, под которой понимается правда о важных событиях социальной жизни общества, и это не связано со стилистическими чертами. А литературный дискурс следует художественному вымыслу и идеям автора, важным с точки зрения человеческого существования, то есть «создает» факты в художественном мире автора. Согласно Косериу, в одном и том же тексте невозможно присутствие литературного и информационного одновременно. Таким образом, исследователь сужает границы сравниваемых понятий – говорит об информационном дискурсе, а не о журналистике в целом (Ibid).

Похожее мнение высказывает Хуан Хиль, отмечая, что исходным пунктом в полемике между журналистикой и литературой стало появление «новой журналистики» и «новых журналистов», которым с 1960-х гг. удалось преодолеть основной тезис теоретиков журналистики о недопустимости субъективного толкования при рассказе о реальных событиях (Gil González, 2003).

Аркадий Эспада полностью отрицает литературную журналистику, утверждая, что журналистика всегда должна сохранять верность фактам. Однако границы между журналистикой и литературой размываются из-за нечеткого определения самой литературы (López Pan, Rodríguez-Rodríguez, 2006).

Еще глубже развивает эту тему Альберт Чильон – первый испанский исследователь, который применил системный подход к изучению феномена литературной журналистики, сочетая ее теоретическое и практическое осмысление как бесспорного факта культуры. В конце 1980-х гг. он предложил новую дисциплину – литературно-журналистскую компаративистику (*Comparatismo Periodístico-Literario*). Этот амбициозный проект Чильона предполагает изучение всех возможных отношений между журналистикой и литературой. Ученый объединил в литературную журналистику ряд жанров, описал их корни, происхождение и эволюцию. По его мнению, ограничение литературы лишь сферой художественных текстов неправомерно: эссе во всех его разновидностях также является литературой. Согласно Чильону, писатели и журналисты работают в одном поле – поле языка – и не существует языка, подходящего лишь для художественной литературы, и другого языка, отражающего повседневную реальность. Литература и журналистика обладают равным творческим потенциалом (Chillón, 1999). В противовес Эспаде, Чильон считает, что по самой природе журналистского дискурса стиль и содержание неразделимы. Стиль отражает творческое мировоззрение. Язык – это не просто инструмент, с помощью которого можно показать реальность, предположительно не зависящую от него, но фундаментальный способ, благодаря которому каждый человек эту реальность переживает. Эта концепция стиля позволяет заключить, что не существует собственно журналистского, информативно нейтрального функционального стиля, а есть различные журналистские стили, которые конструируют или реконструируют представляемую реальность. Проблема касается не только журналистики, но, по словам Чильона, и самой сути литературы. Ведь искусство, лите-

ратура и журналистика пережили на протяжении XX – начала XXI в. многочисленные преобразования, связанные с появлением фотографии, кино, радио, рекламы, телевидения и Интернета, без которых невозможно сегодня представить информационное общество.

Итак, подробно проанализировав мнения испаноязычных ученых, Лопес Пан приходит к выводу, что литературная журналистика – это особый макрожанр, содержащий одновременно элементы литературы и журналистики (López Pan, Rodríguez-Rodríguez, 2006). Ключевой вопрос, по мнению Лопеса Пана: осведомлены ли сами авторы текстов СМИ о литературной журналистике? Узнают ли эти новые формы читатели? Ответ зависит, прежде всего, от национальной культурной традиции: например, латиноамериканский читатель способен распознать произведения подобного рода. И Лопес Пан, и Чильон считают, что в литературной журналистике гибридизации, главным образом, подвергаются повествовательные жанры (*narración*), в частности репортаж (*reportaje*) (Chillón, 1999; López Pan, Rodríguez-Rodríguez, 2006).

Таким образом, несмотря на большое количество работ по данной теме, среди испаноязычных исследователей нет единого мнения о сути литературной журналистики и ее формальных критериях, классификации ее жанров и экспрессивных средствах.

Новая/повествовательная/литературная журналистика: к вопросу о точности термина

Традиция журналистских произведений, использующих элементы, присущие литературе, и при этом сохраняющих достоверность информации при описании событий, прослеживается на протяжении всего XX в. в произведениях таких известных писателей-журналистов, как Эрнест Хемингуэй, Трумен Капоте, Том Вулф, Норман Мейлер – в США; Джордж Оруэлл, Рышард Капущинский, Ориана Фаллачи – в Европе; Мануэль Чавес Ногалес, Франсиско Умбраль, Мануэль Васкес Монтальбан – в Испании; Родольфо Уолш, Габриэль Гарсия Маркес, Елена Понятовска – в Латинской Америке.

Как отмечает Бак, концепция повествовательной, или литературной, журналистики является социальным и культурным проектом, находящимся под влиянием той национальной журналистской традиции, в рамках в которой она развивается (Bak, 2011: 130).

Следовательно, терминологическое название этого явления может варьироваться. В последние годы к классическим наименованиям добавились такие, как *literary news writing, nuevo periodismo*, *slow journalism*. Однако этими определениями не исчерпывается обширный список терминов на английском языке, представленных в работе Поля Мэни (Palau-Sampio, Cuartero-Naranjo, 2018).

Относительно термина «новая журналистика» высказываются различные точки зрения: «в вопросе об авторстве термина не существует единогласия» (подробнее см. Несмелова, Коновалова, 2011). Российские исследователи выделяют несколько вариантов «новой журналистики» США (Хорольский, 2007)), отмечают «разночтения в содержательной наполненности термина» (Туманов, Егорова, 2014). Некоторые испаноязычные ученые критически относятся к данному термину, рассуждая над вопросом о том, действительно ли была такой «новой» эта «новая журналистика» (Puerta Molina, 2018).

На протяжении многих лет исследователи отдавали предпочтение термину «литературная журналистика», хотя в последние десятилетия – в связи с инициативой Фонда Нимана для журналистов в США[5] – все больше используется определение «повествовательная журналистика». Можно утверждать, что в США литературная журналистика почти полностью сводится к повествовательной журналистике. Поэтому английский термин *literary journalism* можно считать синонимом испанского термина *periodismo narrativo*. Правила литературной журналистики были сформулированы Марком Крамером в известной книге *Breakable Rules for Literary Journalists* (см. подробнее Авдонина, Фокина, 2017).

В Испании и Латинской Америке «для определения жанра, который возник в результате взаимовлияния журналистики и литературы, используют два термина: *el periodismo literario* и *el periodismo narrativo*. Испанские ученые полагают, что <...> это синонимичные понятия, в основе которых лежит сознательное использование средств художественной выразительности для создания журналистских текстов» (Соколова, 2018: 86).

С появлением Интернета литературная журналистика адаптировалась к электронным форматам и появился новый термин – «цифровая литературная журналистика».

Наполнение самого термина литературная/повествовательная журналистика может отличаться, поскольку в него включаются элементы разных жанров (репортаж, хроника, свидетельство, портрет).

Жанровые особенности произведений литературной журналистики: о гибридизации жанров

При анализе форм литературной журналистики возникает мнение, что некоторые журналистские произведения могут превратиться в произведения художественной литературы. Подтверждением такого подхода служит теоретическое исследование французского литературоведа Жерара Женетта, который утверждает, что неканонические повествовательные формы (например, исторические и некоторые виды журналистских текстов) могут считаться литературными текстами, причем не только благодаря средствам художественной выразительности, но и по форме (цит. по Puerta Molina, 2018). По мнению Цветана Тодорова, «новый жанр – это всегда трансформация одного или нескольких старых жанров: посредством преобразований, перемещений, комбинаций» (цит. по Puerta Molina, 2018). Альберт Чильон пишет, что литературная журналистика представляет собой «соединение предшествующих и современных жанров, соответствующих каждому моменту их эволюции» (Chillón, 1999).

Сегодня в Испании писатели-журналисты Хавьер Мариас, Артуро Перес-Реверте, Мануэль Висент, Хавьер Серкас, Роса Монтеро, Альмудена Грандес и Фернандо Саватер, используя короткую форму колонки мнения, продолжают богатую традицию Мариано Хосе де Ларры, Хулио Камбы, Асорина и Мигеля де Унамуно.

Произведения литературной журналистики испаноязычных авторов отличает жанровое своеобразие и широкий стилистический диапазон. Читатель может встретить классическую форму очерка (Перес-Реверте), автобиографического рассказа (Молина, Маркес), фрагмента сценария (Сафон), аналитической статьи об искусстве (Молина), вымышленного интервью с самим собой, которое ведется не от лица интервьюера, а от лица интервьюируемого (Гойтисоло). В текстах может появиться вымышленный соавтор, например Хуан Урбано у Б.Прадо.

Отдельно стоит выделить совершенно новый жанр, названный его создателем Хуаном Хосе Мильясом *articuento* (соединение слов *artículo* – статья и *cuento* – рассказ). Испанский писатель-журналист в аналитической статье колонки «Мнение» использует элементы фантастики, связывая их с новостной действительностью, и вводит характерный для микрорассказа принцип интертекстуальности. Таким образом создается новый жанр-гибрид, что, по мнению автора, демонстрирует искусственность границ между литера-

турой и журналистикой, поскольку «это не герметичные сосуды» (Соколова, 2016). Сусанна Чикос называет статьи-рассказы Мильяса «нетипичным повествованием», с помощью которого автор предлагает поразмыслить над происходящем. Дуализм – основной элемент текстов Мильяса, что проявляется и в жанре, и в способах раскрытия тем – стирании границ между реальным и фантастическим, индивидуальным и социальным. Дуализм в авторской позиции – это множественное, смешанное, гибридное видение мира, которое придает больший вес познанию, чем одна-единственная точка зрения. Изобилие литературных средств, разрушение жанровых границ мобилизует критическое суждение, открывая возможности для диалога с читателем.

Авторская колонка журналиста предоставляет возможности для жанровых трансформаций и проявления креативности. Новаторство жанра колонки в Испании уже хорошо изучено, в частности на примере текстов Артуро Переса-Реверте, авторский стиль которого отличается оригинальностью, использованием метафор, иронии, сарказма и юмора. «Освободившись от традиционных рамок и расширяя жанровые границы, колумнист откликается на события современности, используя всевозможные художественные средства, благодаря которым публицистические тексты приобретают качества литературы и могут пережить свое время»[6].

Если в Испании экспериментальной площадкой для соединения различных жанров литературы и журналистики является прежде всего авторская колонка, то в Латинской Америке это взаимодействие в основном прослеживается в жанре хроники. Отдельные авторы для обозначения данного явления даже провозгласили «бум» латиноамериканской хроники, другие оспаривали не столько масштабы «бума», сколько неоднозначный характер и рамки самого жанра хроники, в частности, в современной журналистике. Среди испаноязычных ученых разгорелись споры о наполнении термина «хроника»: в Испании это, как правило, короткий очерк, связанный с актуальными событиями, в то время как в Латинской Америке распространено понимание «хроники» как длинного журналистского текста, детального исследования с привлечением большого количества разнообразных источников. В Испании же такие отличительные признаки характерны скорее для жанра репортажа. Для Латинской Америки хроники – это и особый жанр исторического повествования («Хроники Индий»), важный для понимания национальной идентичности[7].

Показательным примером являются произведения Родольфо Хорхе Уолша. Его журналистские статьи отмечены слиянием регистров и жанров (расследование, эссе, детективный рассказ, история жизни). Тексты Уолша основываются на каркасе связанных между собой идей, ценностей, мнений, на постоянном пересечении различных «зон» и ресурсов. Аргентинский писатель-журналист сыграл важную роль в становлении литературной журналистики, поскольку соединил идею использования журналистского расследования с присущими литературному произведению средствами, чтобы развить «не-художественный роман», причем сделал это на 9 лет раньше, чем Трумен Капоте, который считается родоначальником «новой журналистики». В 1957 г. в книге «Операция «Бойня» Уолш применил все принципы, которые позже будут признаны принципами «новой журналистики»: детальное описание персонажей, тщательное восстановление сцен и обстановки, использование большого количества диалогов[8]. Намеренно отказавшись от традиционных литературных форм, Уолш обращается к жанру хроники, превращая его в жанр-гибрид, синтез литературы и журналистики. Эволюция жанра прослеживается в произведениях современных латиноамериканских журналистов – авторов хроник. Хроника – зона свободного движения, в которой сходятся различные дисциплины, это и повествование, и описание, и мнение. Этот жанр создает условия для свободного диалога с читателем, увязывая его с конкретной исторической обстановкой и пространством. Создавая гибридные произведения в рамках литературы и журналистики, авторы захватывают внимание аудитории и заставляют задуматься над моральными ценностями и актуальными проблемами.

Особенности литературной журналистики Латинской Америки

Литературная журналистика имеет особенности, связанные и с традицией, и с национальным своеобразием каждой из испаноговорящих стран. Фонд Новой Ибероамериканской Журналистики (*FNPI – Fundación Nuevo Periodismo Americano*)[9], основанный в 1994 г. Габриэлем Гарсия Маркесом, определил академические, профессиональные, интеллектуальные характеристики повествовательной журналистики – у сотни писателей-журналистов появилась возможность обменяться опытом, объединиться и популяризировать произведения журналистики, созданные при помощи стилистических приемов литературы.

Для Латинской Америки связь между литературой и журналистикой очевидна, практически все латиноамериканские писатели публиковались в газетах, при этом сама концепция литературной журналистики объемна и понятийно, и текстуально. Писатели-журналисты – это всемирно известные авторы, определившие «бум» латиноамериканской прозы. «Наглядным примером повествовательной журналистики является творчество колумбийского писателя, лауреата Нобелевской премии 1982 г. Габриэля Гарсия Маркеса. На протяжении всего творческого пути художественная литература обогащала его журналистские произведения, а журналистика «подпитывала» литературу» (см. подробнее Соколова, 2018: 87). Маркес был одним из первых, кто соединил реальное и вымышленное в жанре репортажа («Каракас без воды»), что позволило ему с большей выразительностью передать напряженный ход событий.

Латиноамериканские ученые акцентируют внимание на том, что журналист должен быть не только вдумчивым и критичным читателем, но и сам созидать и распространять культуру. Качественная журналистика приравнивается к явлению культуры, которое равнозначно литературе: автор должен создать интеллектуально значимый текст, позволяющий и читателю сделать глубокие, осознанные выводы. Примерами могут служить произведения Родольфо Хорхе Уолша, Томаса Элоя Мартинеса, Мартина Капарроса, Лейлы Геррьеро, Беатрис Сарло, Луиса Альберто Ромеро, Фабиана Касаса и др.

В Латинской Америке литературная журналистика возникла как форма сопротивления власти, как способ выражения собственного мнения. В разное время литераторы и журналисты использовали стратегию намеренной гибридизации жанров: «В то время пресса подвергалась цензуре и ежедневная задача оппозиционных газет была найти события без политической подоплеки, чтобы заинтересовать читателей. Мы отвечали за «выпечку» статей. Позднее родилась литературная журналистика, или новая журналистика, – школа с наиболее прочными традициями журналистики на испанском языке», – писал Габриэль Гарсия Маркес (цит. по Соколовой, 2018: 87). Для Родольфо Уолша хроника стала инструментом борьбы, поскольку давала преимущество широкого доступа к разнородной читательской аудитории благодаря распространению в газетах и журналах, в отличие от более ограниченного пространства книг. Хроника как нельзя лучше соответствовала требованиям времени – созданию революционных текстов. Эта позиция отражена в блоге

Самуэля Салинаса под названием «Литературная журналистика как сопротивление власти»[10]. Цель этого ресурса – использовать литературную журналистику как творческую трибуну для борьбы против неограниченной власти, как площадку для выражения своего мнения. Сопротивление печатным словом, творческая работа с опорой на национальные традиции стала стратегией, позволяющей реагировать на действия властей и общества.

В странах Латинской Америки изучаются различные аспекты взаимопроникновения литературы и журналистики[11]. Например, Сильвия Саитта доказала непрерывающийся диалог аргентинской литературы с журналистикой XX в. и выдвинула гипотезу, что литературные тексты политизируются, когда в качестве одной из самых важных стратегий повествования писатель использует приемы и жанры журналистики. В подтверждение этой идеи были проанализированы произведения Роберта Арльта, Руаля Гонсалеса Туньона, Рудольфа Уолша и Хулио Кортасара (Saítta, 2018).

Известный аргентинский писатель-журналист Хорхе Фернандес Диас, освещая проблему колумнистики, подчеркнул, что авторская колонка – это перекрестный жанр аналитической журналистики и литературы. Рассматривая статью авторской колонки как литературный жанр, Фернандес Диас отметил, что если термин «эссе» предполагает нечто неоконченное, то термин *artículo* (статья) происходит от глагола *articular* и означает искусство, мастерство, артефакт. По мнению Фернандеса Диаса, газета не просто продает новости, она «продает идентичность», то есть является «слепком», отражающим национальное своеобразие данного общества. И сегодня как никогда эта идентичность определяется не дизайном или установками издания, а качеством и привлекательностью статей авторской колонки. «Если бы артикулисты объявили всеобщую забастовку, ни одна газета не просуществовала бы больше двух месяцев» (Fernández Díaz, 2017).

Как отмечает Ф. Аинса Амигес, «латиноамериканская хроника опять в моде. Такие авторы, как Хуан Вильоро, Лейла Геррьеро, Хорхе Каррьон, Мартин Капаррос, Карлос Франс, не считая других, не сходят со страниц нынешних журналов и газет <...> И эта «не-художественность» занимает все больше места в том, что было привилегией художественного повествования <...> неся в себе опыт непосредственной жизни с его документальностью, биографичностью, мемуарностью, эссеистичностью вплоть до блогосферы и, таким образом, порождает гибридный жанр, совмещающий

в себе мастерство журналиста и писателя. Современная хроника <...> обрела за последние десятилетия особые формы и средства выражения, ставшие популярными благодаря ориентации на социальные, экономические и политические контексты Латинской Америки» (2017: 375).

Особый интерес вызывает эволюция хроники в Мексике. Мексиканский ученый Хуан Вильоро дал очень образное определение жанра, назвав его утконосом (*ornitorinco*): «Из романа хроника извлекает субъективное начало, способность рассказывать о событиях глазами персонажей и создавать иллюзию, погружать читателя в центр событий; из репортажа – неопровержимые факты; из рассказа – драматизм и короткую форму; из интервью – диалог; из современного театра – способ создавать эти диалоги; из греко-латинского театра – полифонию, длинные речи, воспринимаемые как дебаты, голос авансцены как общественное мнение; от эссе – способность аргументировать; от автобиографии – энергетику воспоминаний и рассказ от первого лица» (Villoro, 2012: 579).

Сохраняя определенные черты, присущие ей с древности, современная хроника создает представление о действительности с опорой на факты. «Магическое и чудесное», свойственное национальному мировосприятию жителей Латинской Америки, не перечеркивает достоверности описываемых событий, добавляет яркость красок и эмоциональное восприятие. Художественный вымысел существует в хронике для того, чтобы заставить читателя размышлять, а не для того, чтобы «приукрасить» реальность: «Нет смысла переделывать в вымысел историю, которая и так существует в реальности, она убедительна, и не нужно ее трансформировать», – так формулирует свое мнение аргентинская журналистка Лейла Геррьеро, для которой журналистика – литературная или нет – это противопоставление объективности, «честная субъективность» (цит. по Кореневой, 2021: 229). Другими словами, образ автора, его «честная субъективность» собирает фрагменты действительности, выстраивая единое повествование.

О роли журналов и сборников в становлении и развитии литературной журналистики

При создании произведения повествовательной журналистики[12] автору требуется время на исследование, бюджет и достаточно большое пространство для публикации. Эти факторы определяют

характер данного вида журналистской деятельности, часто ограниченный конкретными СМИ. Стоит отметить влияние на развитие жанра американских журналов – *Harper's Magazine, The New Yorker, Esquire & Rolling Ston'e* – которые, в отличие от испанских, на протяжении десятилетий выделяли площадку для издания произведений подобного рода. В Латинской Америке эта традиция укоренилась с появлением таких изданий, как *El Malpensante* (1996), *Soho* (1999), Колумбия; *Gatopardo* (2000), Мексика, Колумбия, Аргентина; *Etiqueta Negra* (2002), Перу. В Испании новый импульс к развитию этот вид журналистики получил благодаря журналам *Fronterad* (2009), *Jot Down* (2011) или *5W* (2015).

Вот уже много лет лучшие авторские колонки можно прочитать на страницах воскресного приложения *XL Semanal* к испанской газете *El País*. Кроме того, в 2016 г. по инициативе Артуро Переса-Реверте был создан цифровой литературный журнал *Zenda libros* – проект независимой литературной журналистики, где печатаются не только известные, но и начинающие авторы.

Распространение цифровых устройств для чтения и создание издательских платформ открыло новые перспективы для этого масштабного жанра, возник спрос на более глубокий и развитый контент, отличный от мгновенной информации, на которую до настоящего момента делали ставки традиционные СМИ. В результате перехода от бумажной к онлайн-версии появилась возможность создания нового медийного продукта высокого качества, представленного в разных форматах. Целевая аудитория этих журналов в основном молодежь, использующая для чтения мобильные устройства. Материалы посвящены определенным проблемам и обычно содержат более детальную информацию, могут «пролить свет» на событие, освещенное в общетематических СМИ, дают ссылки на конкретные источники, что представляется особенно важным в связи с большим количеством обезличенной информации и потерей доверия читателей. При создании подобного рода текстов авторы используют специальные повествовательные стратегии[13], направленные на взаимодействие с аудиторией, немаловажную роль играет веб-дизайн и способ изложения и структурирования материала (длинные тексты разбиты на разделы, отсутствует нумерация страниц, вставлены видео и фото) (Salvatierra, 2021). В эпоху фейковых новостей и различных «приманок», которые используют СМИ для привлечения читателей, в Латинской Америке появились электронные журналы, получившие название «издания дополнительного чтения» (*de segunda lectura)*.

Исследователи отмечают усиление роли книги как сборника произведений литературной журналистики в связи с открытием в последние годы в испаноязычных странах специализированных издательств, таких как *eCícero* (2012–2015) и *Libros del KO* в Испании, *Tusquets* (*Mirada Crónica*) и *La Marea* в Аргентине, *Catalonia* и *Ceibo* в Чили.

На последнем этапе выхода в свет журналистских произведений заметную роль играет издатель, причем результаты опросов доказывают, что в Латинской Америке его участие больше, чем в Испании. Сами писатели-журналисты признают, что «взгляд другого» обогащает повествование» (Palau-Sampio, 2018). Роль издателя, которую иногда берет на себя Фонд или сообщество единомышленников, особенно заметна при подготовке сборников статей после смерти писателя-журналиста. Например, в 2016 г. была издана антология «Габо-журналист», в которую вошли репортажи, статьи и хроники Габриэля Гарсия Маркеса.

Литературная журналистика как важная часть творческой подготовки журналиста

«Журналистика заслуживает не только новой грамматики, но и новой педагогики и новой этики профессии», – писал Габриэль Гарсия Маркес (цит. по Соколовой, 2018: 95).

По мнению В. В. Хорольского, «социально-историческая значимость информационно-культурной деятельности журналистов обусловлена не в последнюю очередь эстетическим началом». В то же время «законы красоты далеко не всегда учитываются <...> когда речь идет о подготовке журналиста. Методологический базис, создаваемый в процессе обучения, не подкрепляется <...> современной практикой интерпретации текстов» (Хорольский, 2007: 236).

Показательно, что и в Испании, и в Латинской Америке уже имеются университетские программы обучения литературной журналистике. Так, например, в Университете Наварры (Испания) на факультете Массовых коммуникаций в течение четырех месяцев изучают дисциплину «Литературная журналистика». Цель данной дисциплины – рассмотреть основные жанры литературной журналистики: литературный репортаж, интервью, литературную хронику и литературную критику; развить навыки повествования и создания текстов каждого из этих жанров. В качестве дидактического материала учащимся рекомендуются произведения литературной журналистики – от классиков XX в. до настоящего времени.

Литературная журналистика преподается во многих университетах Латинской Америки. Например, в университетах Колумбии одна из задач курса – добиться, чтобы студент стал профессионалом, который не только доставляет информацию, но и является творцом и распространителем культуры. Базовые принципы новой дисциплины основываются на том, чтобы:

– признать универсальную литературную традицию основным источником для литературной журналистики;

– оценить вклад теоретиков новой литературной журналистики;

– принять связь журналистики и литературы через повествование (роман и рассказ);

– построить обучение студентов, основанное на чтении и практике создания различных видов журналистских и литературных текстов.

Современная тенденция усиления творческого начала в журналистском дискурсе неизбежно приводит к новому взгляду на профессиональную подготовку журналиста. Для формирования журналиста нового формата необходимо учитывать опыт испаноязычных стран по включению литературной журналистики в образовательный процесс. Элемент творческого начала усиливает воздействие на аудиторию и помогает осуществить основные задачи журналистики – просвещение людей, социализацию личности, формирование национальной идентичности.

Заключение

Современные теории коммуникации и журналистики пытаются провести границу между журналистикой и литературой. Считается, что в журналистике главенствует сила факта, информативность и особый журналистский язык (публицистический стиль), а в литературе обязательно наличие художественного вымысла, создание художественных образов и владение так называемым стилем художественной литературы. В то же время большая группа писателей и ученых считает, что журналистика является наследницей литературы, которая, в свою очередь, хоть и стала профессиональным занятием, проявляет себя как мультидисциплинарная и многоплановая деятельность.

Растущее влияние индустрии массовой коммуникации на современную культуру привело к пересмотру традиционных канонов литературы. Индустрия СМИ трансформировала основные устои

производства, потребления и социальной значимости литературы. С одной стороны, возникли новые литературные жанры, с другой стороны, журналистские жанры (репортаж, хроника, эссе) получили импульс к развитию, достигли высокой степени художественности и повлияли на традиционные формы литературного творчества.

Для определения жанров, возникающих на стыке литературы и журналистики, используются разные терминологические наименования. Основная трудность – собственно гибридная природа таких текстов, а также обозначения, принятые в различных национальных культурах. Ученые сходятся во мнении, что создание такого рода текстов – это длительный процесс с предварительным глубоким анализом документов и что философия этого жанра – опора на факт и подлинные источники.

Развитие новых жанровых форм связано с усилением авторского начала в журналистском тексте: как отечественные, так и испаноязычные ученые отмечают возросшую роль колумнистики. Привлечение известных писателей-журналистов в СМИ обеспечивает высокое качество издания, повышает его рейтинг и степень влияния на общественное мнение. Другими словами, при формировании новых видов текста в СМИ способы выражения позиции автора становятся жанрообразующим признаком. При создании нового гибридного жанра меняется понятие достоверности. На отбор фактов влияет не только фактическая, но и эмоциональная достоверность. И за счет эмоциональной достоверности расширяются возможности коммуникации с аудиторией.

Всплеск интереса к произведениям литературной журналистики привел к появлению новых изданий и сборников, вследствие чего тексты писателей-журналистов стали доступны широкой публике. Кроме того, благодаря развитию Интернета и блогосферы у авторов появилась возможность самим публиковать произведения литературной журналистики, вести прямой диалог и устанавливать обратную связь с аудиторией. Поток информации, который обрушился на современного читателя, не оставляет возможности для размышлений, поэтому произведения литературной журналистики стали более востребованы. Повествовательный жанр вновь подтвердил тезис о возможности качественной журналистики, отвечающей вызовам времени, и позволил использовать новые форматы: тексты с элементами разных жанров различного объема, с большим количеством источников и голосов.

Несмотря на разнообразие тематики и стилей художественной прозы, концепция литературной журналистики, с ее философией, позволяет установить общие принципы в рамках одного поколения журналистов, использующих в текстах экспрессивные средства литературы. Для популяризации феномена литературной журналистики в испаноязычных странах большое значение имеет идентификация себя с коллегами, работающими в том же жанре, дух сообщества (*el espíritu de comunidad*). Таким образом, можно говорить об общем интеллектуальном пространстве в рамках литературной журналистики.

Изучение опыта, накопленного испаноязычными странами в области литературной журналистики, может стать частью профессиональной подготовки журналистов. Для создания качественного журналистского дискурса необходимо уметь использовать приемы, позволяющие персонифицировать свой текст, поскольку именно в процессе взаимодействия литературы и журналистики рождается летопись эпохи.

Примечания

[1] Режим доступа: https://culturalforum.ru/events/zhurnalistika-kak-literatura (дата обращения: 01.12.2021).

[2] Режим доступа: https://kudago.com/spb/event/obuchenie-zhurnalistika-kak-literatura/ (дата обращения: 01.12.2021).

[3] *Выровцева Е.* Журналистика как литература. Дискуссия после дискуссии. 2019. Режим доступа: https://jrnlst.ru/discussion (дата обращения: 01.12.2021).

[4] Здесь и далее перевод цитат выполнен авторами статьи.

[5] Режим доступа: https://nieman.harvard.edu (дата обращения: 01.12.2021).

[6] Подробнее о роли автора и трансформации жанра колонки см. в статье «Репрезентация автора...» (Соколова, Коренева, 2020).

[7] Подробнее об историко-культурных, литературных и журналистских аспектах хроники см. в статье «Трансформация жанра хроники в литературном контексте Латинской Америки» (Коренева, Соколова, 2021).

[8] Безусловно, творчество Родольфо Уолша заслуживает отдельного анализа.

[9] Режим доступа: https://fundaciongabo.org/es (дата обращения: 01.12.2021).

[10] Режим доступа: http://periodismoliterario.blogspot.com (дата обращения: 01.12.2021).

[11] Тема хроники весьма популярна и в Испании (Рафаэль Йанес Меса, Хуан Хиль, Долорс Палао Сампио и др.), и в Латинской Америке (Хуан Вильоро, Мартин Капаррос, Сара Сефчович, Хулио Вильянуэва Чанг и др.).

[12] Как указывалось выше, в Испании и странах Латинской Америки термины «литературная журналистика» и «повествовательная журналистика» используются как синонимы.

[13] Подробнее про повествовательные стратегии см. Н. И. Клушина «Нарративные практики в современном российском медиадискурсе» (2021); Д. Г. Качанов «Нарративный анализ как метод исследования традиционных и мультимедийных журналистских произведений» (2020).

Библиография

Авдонина Н. С., Фокина И. А. Принципы и жанровое своеобразие литературного журнализма // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 4. С. 528–540. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).528-540.

Аинса Ф. Хроника и эссе: аналогии и взаимозависимости // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 373–385.

Балдицын П. В. Система жанров в творчестве Марка Твена: на границах факта и вымысла, традиции и новаторства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2004. № 5. С. 117–128.

Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П. и др. История мировой журналистики. М.; Ростов-на-Дону: Изд-во МарТ, 2004.

Вартанова Е. Л. О современном понимании СМИ и журналистики // Медиаскоп. 2010. Вып. 1. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/o-современном-понимании-сми-и-журналистики (дата обращения: 03.12.2021).

Засурский Я. Н. Избранное. М.: Изд-во Моск. ун-та; Фак. журн., 2019.

Коренева Е. В., Соколова В. М. Трансформация жанра хроники в литературном контексте Латинской Америки // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 221–232. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_6_848_220

Короченский А. П. Историко-культурные истоки классификационного разнообразия жанровой системы испаноязычной периодики // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2011. № 18 (113).

Кройчик Л. Е., Виноградова С. М., Лазутина Г. В., Лозовский Б. Н., Мисонжников Б. Я., Михайлов С. А., Орлова Т. Д. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Знание, 2000.

Кустова Л. С. Литературная журналистика США и основные тенденции развития современной журнальной новеллы. М., 1969.

Магай И. П. Эссеистика против публицистики: новая тенденция российской прессы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2013. № 6. С. 89–105.

Михайлов С. А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004.

Несмелова О. О., Коновалова Ж. Г. Новый журнализм: теоретические принципы и их художественное воплощение // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 2.

Новиков В. И. Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. Вып. 2. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/1116 (дата обращения: 03.12.2021).

Орлова Е. И. Литература, журналистика, филология: поле взаимодействия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2012. № 5. С. 77–85.

Попова Е. А. Литературная журналистика Воронежа. На материале региональных журналов и альманахов // Вестн. ВолГУ. Серия 9. 2013. Вып. 11. С. 153–154.

Соколова В. М. Магия повествовательной журналистики Габриэля Гарсия Маркеса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2018. № 1. С. 85–97.

Соколова В. М. Статьи-рассказы («Articuentos») Хуана Хосе Мильяса - новый жанр между литературой и журналистикой // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 2. С. 74–80.

Соколова В. М., Коренева Е. В. Репрезентация автора как значимый элемент воздействия колонки Артуро Переса-Реверте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2020. № 5. С. 98–126. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2020.98126

Туманов Д. В., Егорова Л. Г. «Новый журнализм» в ситуации трансформации медиасистемы // Информационное поле современной России – 2014: сб. статей Одиннадцатой Международной научно-практической конференции. Казань: Казан. ун-т, 2014. Режим доступа: https://core.ac.uk/download/pdf/197381625.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

Харитонов Д. В. «Новый журнализм» в сравнительно-исторической перспективе (программы литературного освоения факта в США 1960-х годов и в России 1920-х): автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2010. Режим доступа: https://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2010/xaritonov.pdf (дата обращения: 03.12.2021).

Хорольский В. В. Теория массовой коммуникации и теория журналистики: нераздельное и неслиянное // Вестн ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2007. № 2. С. 228–239.

Якимова С. И. Литературная журналистика русского зарубежья Дальнего Востока как поликультурное пространство // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2015. № 4. С. 26–41.

Acosta Montoro J. (1973) *Periodismo y literatura. Vol. 1–2.* Madrid: Guaderrama.

Asís Garrote M. (1997) Periodismo y literatura en la segunda mitad del siglo XX. In M. del Pilar Palomo (ed.) *Movimientos literarios y periodismo en España*. Madrid: Síntesis.

Bak J. S. (2011) "Introduction". In J. S. Bak, B. Reynolds (eds.) *Literary Journalism across the globe. Journalistic traditions and transnational influences*. University of Massachusetts Press.

Chillón A. (1999) *Literatura y periodismo: una tradición de relaciones promiscuas*. Barcelona: Universitat Autónoma de Barcelona.

Espada A. (2002) *Diarios*. Madrid: Espasa–Calpe.

Fernández Díaz J. (2017) *El articulismo, género crucial del pensamiento y la literatura*. Available at: https://www.zendalibros.com/articulismo-genero-crucial-del-pensamiento-la-literatura/ (accessed: 01.12.2021).

Gil González J. C. (2003) Herencias literarias para un periodismo diferente. *Razón y Palabra* 31: 1–9.

Gutiérrez Palacios J. (ed.) (2009) *De Azorín a Umbral: Un siglo de periodismo literario español*. Netbiblo y Centro Universitario Villanueva.

Hernández L. (2014) *Periodismo literario o narrativo en el siglo XXI. Tesis de maestría*. México.

López Pan F., Rodríguez-Rodríguez J. (2006) Periodismo literario. Una aproximación desde la Periodística. In *Retórica, Literatura y Periodismo. Actas del V Seminario Emilio Castelar*. Universidad de Cádiz, Servicio de Publicaciones.

Palau-Sampio D. (2018) Las identidades de la crónica: hibridez, polisemia y ecos históricos en un género entre la literatura y el periodismo. *Palabra Clave* 21 (1): 191–218. DOI: 10.5294/pacla.2018.21.1.9

Palau-Sampio D., Cuartero-Naranjo A. (2018) El periodismo narrativo español y latinoamericano: influencias, temáticas, publicaciones y puntos de vista de una generación de autores". *Revista Latina de Comunicación Social* 73: 961–979. DOI: 10.4185/RLCS-2018-1291

Puerta Molina A. A. (2018) La crónica, una tradición periodística y literaria latinoamericana. *Historia Y Comunicación Social* 23 (1): 213–229. DOI: https://doi.org/10.5209/HICS.59842

Rebollo Sánchez F. (2011) *Literatura y Periodismo en el siglo XXI*. FRAGUA.

Saítta S. (2018) Dos a quererse. Literatura argentina y periodismo en el siglo veinte. *CELEHIS–Revista del Centro de Letras Hispanoamericanas* 27 (36): 95–105.

Salvatierra C. N. L. (2021) Características del periodismo literario digital en Argentina. *Anuario Electrónico de Estudios en Comunicación Social "Disertaciones"* 14 (1): 1–16.

Torregrosa Carmona J. F., Gaona Pisonero C. (2013) Antecedentes y perspectivas sobre periodismo literario español durante el siglo XX. *Historia y Comunicación Social* 18: 789–798. Available at: https://revistas.ucm.es/index.php/HICS/article/view/44008/41612 (accessed: 03.12.2021). DOI: https://doi.org/10.5209/rev_HICS.2013.v18.44008

Villoro J. (2012) La crónica, ornitorrinco de la prosa. In D. Jaramillo Agudelo (ed.) *Antología de crónica latinoamericana actual*. Madrid: Alfaguara. Pp. 577–582.

Notes

Available at: https://culturalforum.ru/events/zhurnalistika-kak-literatura (accessed: 01.12.2021).

Available at: https://kudago.com/spb/event/obuchenie-zhurnalistika-kak-literatura/ (accessed: 01.12.2021).

Available at: https://nieman.harvard.edu (accessed: 01.12.2021).

Available at: https://fundaciongabo.org/es (accessed: 01.12.2021).

Available at: http://periodismoliterario.blogspot.com (accessed: 01.12.2021).

Vyrovtseva E. (2019) *Zhurnalistika kak literatura. Diskussiya posle diskussii* [Journalism as Literature. A Discussion Following a Discussion]. Available at: https://jrnlst.ru/discussion (accessed: 01.12.2021).

References

Acosta Montoro J. (1973) *Periodismo y literatura. Vol. 1–2* [Journalism and Literature. Vol. 1–2]. Madrid: Guaderrama. (In Spanish)

Ainsa F. (2017) Khronika i esse: analogii i vzaimozavisimosti [Chronicle and Essays: Analogues and Interrelations]. *Literatura dvukh Amerik* 2: 373–385. (In Russian)

Asís Garrote M. (1997) Periodismo y literatura en la segunda mitad del siglo XX [Journalism and Literature of the Second Half of the 20th Century]. In

M. del Pilar Palomo (ed.) *Movimientos literarios y periodismo en España* [Literary Movements and Journalism in Spain]. Madrid: Síntesis. (In Spanish)

Avdonina N. S., Fokina I. A. (2017) Printsipy i zhanrovoe svoeobrazie literaturnogo zhurnalizma [Principles and Genre Identity of Literary Journalism]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism* 6 (4): 528–540. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).528-540 (In Russian)

Balditsyn P. V. (2004) Sistema zhanrov v tvorchestve Marka Tvena: na granitsakh fakta i vymysla, traditsii i novatorstva [Genre System in Mark Twain's Works: on the Border of Fact and Fiction, Tradition and Innovation]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 117–128. (In Russian)

Bak J. S. (2011) "Introduction". In J. S. Bak, B. Reynolds (eds.) *Literary Journalism Across the Globe. Journalistic Traditions and Transnational Influences*. University of Massachusetts Press.

Bespalova A. G., Kornilov E. A., Korochenskiy A. P. et al. (2004) *Istoriya mirovoy zhurnalistiki* [A History of World Journalism]. Moscow; Rostov-on-Don: Izd-vo MarT Publ. (In Russian)

Chillón A. (1999) *Literatura y periodismo: una tradición de relaciones promiscuas* [Literature and Journalism: a Tradition of Promiscuous Relationships]. Barcelona: Universitat Autónoma de Barcelona. (In Spanish)

Espada A. (2002) *Diarios* [Diaries]. Madrid: Espasa–Calpe. (In Spanish)

Fernández Díaz J. (2017) *El articulismo, género crucial del pensamiento y la literatura* [Articulism, a Crucial Genre of Thought and Literature]. (In Spanish). Available at: https://www.zendalibros.com/articulismo-genero-crucial-del-pensamiento-la-literatura/ (accessed: 01.12.2021).

Gil González J. C. (2003) Herencias literarias para un periodismo diferente [Literary Inheritances for a Different Journalism]. *Razón y Palabra* 31: 1–9. (In Spanish)

Gutiérrez Palacios J. (ed.) (2009) *De Azorín a Umbral: un siglo de periodismo literario español* [From Azorin to Umbral: a Century of Spanish Literary Journalism]. Netbiblo y Centro Universitario Villanueva. (In Spanish)

Hernández L. (2014) *Periodismo literario o narrativo en el siglo XXI. Tesis de maestría* [Literary, or Narrative Journalism in the 21st Century. Master's Thesis]. México. (In Spanish)

Kharitonov D. V. (2010) *"Novyy zhurnalizm" v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive (programmy literaturnogo osvoeniya fakta v SShA 1960-kh godov i v Rossii 1920-kh)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. ["New Journalism" in Its Comparative-Historical Perspective (Programs of Literary Mastering of Facts in the USA of the 1960s and in Russia of the 1920s): extended abstract of PhD philol. sci. diss.] Moscow. Available at: https://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2010/xaritonov.pdf (accessed: 03.12.2021). (In Russian)

Khorol'skiy V. V. (2007) Teoriya massovoy kommunikatsii i teoriya zhurnalistiki: nerazdel'noe i nesliyannoe [Theory of Mass Communication and Theory of Journalism: Inseparable and Unlinkable]. *Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* 2: 228–239. (In Russian)

Koreneva E. V., Sokolova V. M. (2021) Transformatsiya zhanra khroniki v literaturnom kontekste Latinskoy Ameriki [Transformation of the Chronicle

Genre in the Literary Context of Latin America]. *Vestn. MGLU. Gumanitarnye nauki* 6 (848): 221–232. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_6_848_220 (In Russian)

Korochenskiy A. P. (2011) Istoriko-kul'turnye istoki klassifikatsionnogo raznoobraziya zhanrovoy sistemy ispanoyazychnoy periodiki [Historical and Cultural Origins of Classification Diversity in the Genre System of Spanish-Language Periodicals]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* 18 (113). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnye-istoki-klassifikatsionnogo-raznoobraziya-zhanrovoy-sistemy-ispanoyazychnoy-periodiki/viewer (accessed: 01.12.2021). (In Russian)

Kroychik L. E., Vinogradova S. M., Lazutina G. V., Lozovskiy B. N., Misonzhnikov B. Ya., Mikhaylov S. A., Orlova T. D. (2000) *Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti zhurnalista* [Fundamentals of the Journalist's Creative Work]. St. Petersburg. (In Russian)

Kustova L. S. (1969) *Literaturnaya zhurnalistika SShA i osnovnye tendentsii razvitiya sovremennoy zhurnal'noy novelly* [Literary Journalism of the USA and Major Development Trends of Modern Magazine Novella]. Moscow. (In Russian)

López Pan F., Rodríguez-Rodríguez J. (2006) Periodismo literario. Una aproximación desde la Periodística [Literary Journalism. An Approach from Journalism]. In *Retórica, Literatura y Periodismo. Actas del V Seminario Emilio Castelar* [Rhetoric, Literature and Journalism. Proceedings of the 5th Emilio Castelar Seminar]. Universidad de Cádiz, Servicio de Publicaciones. (In Spanish)

Magay I. P. (2013) Esseistika protiv publitsistiki: novaya tendentsiya rossiyskoy pressy [Essay Writing Versus Journalism: a New Trend in the Russian Press]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 6: 89–105. (In Russian)

Mikhaylov S. A. (2004) *Zhurnalistika Soedinennykh Shtatov Ameriki* [Journalism in the United States of America]. St. Petersburg: Izd-vo Mikhaylova V. A. Publ. (In Russian)

Nesmelova O. O., Konovalova Zh. G. (2011) Novyy zhurnalizm: teoreticheskie printsipy i ikh khudozhestvennoe voploshchenie [New Journalism: Theoretical Principles and Their Artistic Personification]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki* 2. (In Russian)

Novikov V. I. (2012) Esse kak zhanrovaya dominanta novoy literaturnoy zhurnalistiki [An Essay as a Genre Keynote of New Literary Journalism]. *Mediascope* 2. (In Russian). Available at: http://www.mediascope.ru/node/1116 (accessed: 03.12.2021).

Orlova E. I. (2012) Literatura, zhurnalistika, filologiya: pole vzaimodeystviya [Literature, Journalism, Philology: the Field of Interaction]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 77–85. (In Russian)

Palau-Sampio D. (2018) Las identidades de la crónica: hibridez, polisemia y ecos históricos en un género entre la literatura y el periodismo [The Identities of the Chronicle: Hybridity, Polysemy and Historical Echoes in a Genre Between Literature and Journalism]. *Palabra Clave* 21 (1): 191–218. DOI: 10.5294/pacla.2018.21.1.9 (In Spanish)

Palau-Sampio D., Cuartero-Naranjo A. (2018) El periodismo narrativo español y latinoamericano: influencias, temáticas, publicaciones y puntos de vista de una generación de autores [Spanish and Latin American Narrative Journalism: Influences, Themes, Publications and Viewpoints of the Generation of Authors]. *Revista Latina de Comunicación Social* 73: 961–979. DOI: 10.4185/RLCS-2018-1291 (In Spanish)

Popova E. A. (2013) Literaturnaya zhurnalistika Voronezha (na materiale regional'nykh zhurnalov i al'manakhov) [Literary Journalism in Voronezh (a case study of regional magazines and almanacs)]. *Vestnю VolGU. Seriya 9* 11: 153–154. (In Russian)

Puerta Molina A. A. (2018) La crónica, una tradición periodística y literaria latinoamericana [The Chronicle, a Latin American Journalistic and Military Tradition]. *Historia Y Comunicación Social* 23 (1): 213–229. DOI: https://doi.org/10.5209/HICS.59842 (In Spanish)

Rebollo Sánchez F. (2011) *Literatura y Periodismo en el siglo XXI* [Literature and Journalism in the 21st Century]. FRAGUA. (In Spanish)

Saítta S. (2018) Dos a quererse. Literatura argentina y periodismo en el siglo veinte [Two to Love Each Other. Argentine Literature and Journalism in the 20th Century]. *CELEHIS–Revista del Centro de Letras Hispanoamericanas* 27 (36): 95–105. (In Spanish)

Salvatierra C. N. L. (2021) Características del periodismo literario digital en Argentina [Characteristics of Digital Literary Journalism in Argentina]. *Anuario Electrónico de Estudios en Comunicación Social "Disertaciones*" 14 (1): 1–16. (In Spanish)

Sokolova V. M. (2016) Stat'i-rasskazy («Articuentos») Khuana Khose Mil'yasa – novyy zhanr mezhdu literaturoy i zhurnalistikoy [Articles/Stories ("Articuentos") by Juan Jos Mill s: a New Genre Between Literature and Journalism]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* 2: 74–80. (In Russian)

Sokolova V. M. (2018) Magiya povestvovatel'noy zhurnalistiki Gabrielya Garsiya Markesa [The Magic of Narrative Journalism by Gabriel Garcia Marquez]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9: Filologiya* 1: 85–97. (In Russian)

Sokolova V. M., Koreneva E. V. (2020) Reprezentatsiya avtora kak znachimyy element vozdeystviya kolonki Arturo Peresa-Reverte [Author's Representation as a Significant Element of Influence of Arturo P rez-Reverte's Column]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 98–126. Available at: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2020/5/reprezentatsiya-avtora-kak-znachimyy-element-vozdeystviya-kolonki-arturo-peresa-reverte/ (accessed: 01.12.2021). DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2020.98126. (In Russian)

Torregrosa Carmona J. F., Gaona Pisonero C. (2013) Antecedentes y perspectivas sobre periodismo literario español durante el siglo XX [Prerequisites and Prospects for Spanish Literary Journalism in the 20th Century]. *Historia y Comunicación Social* 18: 789–798. Available at: https://revistas.ucm.es/index.php/HICS/article/view/44008/41612 (accessed: 03.12.2021). DOI: https://doi.org/10.5209/rev_HICS.2013.v18.44008/ (In Spanish)

Tumanov D. V., Egorova L. G. (2014) «Novyy zhurnalizm» v situatsii transformatsii mediasistemy [“New Journalism” Under the Transformation of the Media System]. In *Informatsionnoe pole sovremennoy Rossii–2014: Sb. statey Odinnadtsatoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Information Field of Modern Russia–2014: Proceedings of the 11th International Research-to-Practice Conference]. Kazan’: Kazan. Univ. Publ. Available at: https://core.ac.uk/download/pdf/197381625.pdf (accessed: 01.12.2021). (In Russian)

Vartanova E. L. (2010) O sovremennom ponimanii SMI i zhurnalistiki [On Modern Understanding of Mass Media and Journalism]. *Mediascope* 1. Available at: http://www.mediascope.ru/о-современном-понимании-сми-и-журналистики(accessed: 03.12.2021). (In Russian)

Villoro J. (2012) La crónica, ornitorrinco de la prosa [The Chronicle, Platypus of Prose]. In D. Jaramillo Agudelo (ed.) *Antología de crónica latinoamericana actual* [A Reader of Current Latin American Chronicle]. Madrid: Alfaguara. Pp. 577–582. (In Spanish)

Yakimova, S. I. (2015) Literaturnaya zhurnalistika russkogo zarubezh’ya Dal’nego Vostoka kak polikul’turnoe prostranstvo [Literary Journalism of Russian Expatriate Community of the Far East as a Polycultural Space]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 4: 26–41. (In Russian)

Zasursky Ya. N. (2019) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: MSU Faculty of Journalism Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
30.03.2021

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 10: ЖУРНАЛИСТИКА» В 2021 ГОДУ

	№	С.
Социология журналистики		
Макеенко М. И., Вырковский А. В. Основные характеристики трудовой биографии молодых выпускников факультетов журналистики в Москве в 2010-е годы	2	49
Терченко Э. Б. СМИ как источник информации для принятия бизнес-решений (на примере российской финансовой сферы)	2	93
Жаровский Е. Р. Журналистская работа в СМИ Крымского полуострова: опыт эмпирического исследования	2	113
Алгави Л. О., Волкова И. И., Кадырова Ш. Н., Расторгуева Н. Е. Сетевое литературное творчество молодежи как ключ к пониманию поколения *Z*	3	3
Бабюк М. И. К вопросу о восприятии пропаганды советским человеком в условиях позднего СССР: опыт частного исследования	3	22
Нурумов Б. А., Браун М., Ибраева Г. Ж., Мысаева К. Н. Онлайн-аудитории Центральной Азии и Казахстана: выбор и предпочтения в эпоху мультимедийных новостей	3	54
Олешко В. Ф., Олешко Е. В., Мухина О. С. Проблема самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи	4	135
Давлетшина М. И. Медиапрактики современных детей младшего школьного возраста	5	3
Новые медиа		
Нигматуллина К. Р. Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России	1	30
Гавра Д. П., Быкова Е. В. Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий	2	3
Мартьянов Д. С., Лукьянова Г. В. Эмоциональная публичная сфера: поляризация паралингвистического интернет-дискурса	2	25
Бабаева А. А. Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов Правительства Москвы	3	198

	№	С.
Шестерина А. М., Федосова О. А. Продвижение идей феминизма в текстах *Instagram*	4	114
Макеенко М. И., Выpковский А. В. Возможности влияния неинституционализированных производителей развлекательного и познавательного контента на аудиторию	5	74

Теория журналистики и СМИ

Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений	1	3
Сидорская И. В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий	3	173
Вартанова Е. Л., Дунас Д. В., Гладкова А. А. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе	4	3
Марков Е. А., Соловьева С. А. Информационные риски в системе взаимодействия власти и общества	4	33
Гуреева А. Н., Аникина М. Е., Муронец О. В., Самородова Э. В. К вопросу об общественно-политических ценностях российской молодежи: медиацентричный подход	5	51
Сидорова С. Ю. «Медленная фотография»: между изображением и словом	6	66

Телевидение и радио

Челик Х. Ч., Дерен ван хет Хоф С. Воспитательная роль телевидения в осмыслении насилия, жизни в целом, личностных черт и восприятия старости	1	148

История журналистики

Бабюк М. И. Хозяйственные аспекты функционирования телеграфного агентства РОСТА в условиях военного коммунизма	1	75
Варакин В. С. Генезис журналистики в России: проблемы установления начальных координат	1	100
Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш. Крымскотатарская газета «Акъ сес – голос правды» (1918–1919): идейно-политическая позиция и проблемно-тематическое своеобразие	1	124

	№	С.
Казакова С. А. Первый том Полного собрания сочинений Пушкина под редакцией Брюсова в отзывах критики 1920-х годов	2	136
Шагдарова Б. Б., Тихонова О. В. Партийное руководство радиовещанием Бурят-Монгольской АССР в годы войны	2	156
Куликова Д. Е. Творчество Ф. М. Достоевского в оценках русской исторической прессы (1881–1917 гг.)	4	52
Ляпина А. В. Возникновение и развитие охотничьей периодики в дореволюционной России	4	85
Богомолов И. К. Корреспондент Санкт-Петербургского (Петроградского) телеграфного агентства А. И. Марков	5	137
Кулько К. А. Публицистика А. И. Солженицына в диалоге с идеями Ф. М. Достоевского о православии	5	162
Орлова Е. И. К истории либеральной печати: газета «Русская молва» (1912–1913)	6	3
Борзенко В. В. Формы рекламной коммуникации российского театра с аудиторией в первой половине XIX века	6	21
Громова Л. П., Зайнуллин Т. Т., Зайнуллина П. И. Роль медиа в формировании образа М. И. Кутузова: к истории двух фактов	6	45

Эссе

Балдицын П. В. Технология создания негативного образа Дональда Трампа в журнале «Нью-Йоркер»	1	168
Соколова В. М., Коренева Е. В. К вопросу о взаимодействии литературы и журналистики: опыт испаноязычных стран	6	164

Современная журналистика: тематика и проблематика

Колесниченко А. В. Журналистика и блогосфера: жанрово-тематические пересечения	1	51
Фролова Т. И., Гатилин А. С. Социальные проекты местных СМИ в контексте принципов партиципарной журналистики	3	121
Гасанов А. М. Интерпретация армяно-азербайджанской войны в российских СМИ	3	152
Пуцева М. Д. Представленность европейской культуры в эфире глобальных информационных телеканалов	4	158
Лукина М. М., Толоконникова А. В. Конфликт в повестке дня российских информационных агентств: исследование в контексте конструктивной журналистики	5	27
Балакина Ю. В. Политическая карикатура в зарубежных медиа	6	95
Громова Т. М. Характеристики инноваций в международном медиадискурсе	6	116

№ С.

Язык СМИ

Алевизаки О. Р., Александрова И. Б., Кара-Мурза Е. С., Славкин В. В. Новостной медианарратив в соцсети «ВКонтакте»: дискурсивные особенности 3 74

Колесникова О. И., Вахрушев В. А. Паралингвистические средства в информационно-аналитическом дискурсе: перцептивный аспект 3 102

Коньков В. И., Соломкина Т. А. Коммуникативная специфика цитирования в медийной среде в аспекте оппозиции *речевая форма – речевое действие* 5 100

Радина Н. К. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии *COVID*-19) 5 116

Дискуссия

Подолян И. Ю. Детерминанты ключевых парадигм в исследованиях медиаэффектов 2 181

Лазутина Г. В., Панкеев И. А. Свойства журналистики как проявление закономерностей 6 140

	№	С.
Sociology of Journalism		
Mikhail M. Makeenko, Andrey V. Vyrkovsky. Work Histories of Young Journalism Graduates in Moscow in the 2010s	2	50
Emma B. Terchenko. Mass Media as a Source of Information for Making Business Decisions (a Case Study of the Russian Financial Sector)	2	93
Egor R. Zharovskiy. Journalistic Work in Crimean Media: Results of an Empirical Study	2	113
Leila O. Algavi, Irina I. Volkova, Shuanat N. Kadyrova, Natalya E. Rastorgueva. Youth Literary Networks as a Key to Understanding Generation Z	3	4
Maksim I. Babyuk. Towards the Soviet Citizen's Perception of Propaganda in the Late USSR: the Experience of a Private Study	3	22
Bakhtiyar A. Nurumov, Michael Brown, Galiya Zh. Ibrayeva, Karlyga N. Myssayeva. Online Audiences of Central Asia and Kazakhstan: Choice and Preferences in the Era of Multimedia News Content	3	55
Vladimir F. Oleshko, Evgeniy V. Oleshko, Olga S. Mukhina. The Problem of Self-Identification of Student Journalists in the Digital Age	4	136
Mayya I. Davletshina. Media Practices of Modern Primary School-Aged Children	5	3
New Media		
Kamilla R. Nigmatullina. The Role of Social Networks in the Development of Regional Journalism in Russia	1	30
Dmitry P. Gavra, Elena P. Bykova. Mediatized Protest Mobilization on Social Networks: Algorithms for Building Speech Strategies	2	3
Denis S. Martyanov, Galina V. Lukyanova. Emotional Public Sphere: Polarization of Paralinguistic Internet Discourse	2	25
Aysulu A. Babaeva. Bodies of State Power on Social Networks: an Analysis of Moscow Government Accounts	3	198
Alla M. Shesterina, Olga A. Fedosova. Promotion of Feminist Ideas in Instagram Texts	4	114
Mikhail I. Makeenko, Andrei V. Vyrkovsky. Potential for Non-Institutionalized Creators of Entertainment and Educational Content to Influence the Audience	5	75

	№	С.
Theory of Journalism and Media		
Elena L. Vartanova, Anna A. Gladkova. Digital Divide, Digital Capital, Digital Inclusion: Dynamics of Theoretical Approaches and Political Decisions	1	3
Irina V. Sidorskaya. On Using the Term "Image" in Russian-Language Studies into the Problem of Media Representation of Territories	3	173
Elena L. Vartanova, Denis D. Dunas, Anna A. Gladkova. Media and Conflicts: a Study of Their Mutual Interaction in Current Academic Discourse	4	4
Evgeny A. Markov, Svetlana A. Solovyeva. Information Risks in the Conditions of Interaction Between Power and Society	4	33
Anna N. Gureeva, Maria E. Anikina, Olga V. Muronets, Elina V. Samorodova. Towards Socio-Political Values of Russian Youth: a Media Centered Approach	5	52
Svetlana Yu. Sidorova. Slow Photography: between the Image and the Word	6	66
Television and Radio		
Hasan Cem Çelik, Seçil Deren van het Hof. The Cultivation Role of Television in Terms of Violence, Life in General, Personality Traits and the Perception of Old Age	1	148
History of Journalism		
Maxim I. Babyuk. Economic Aspects of the Operation of the Russian Telegraph Agency ROSTA in the Conditions of War Communism	1	75
Vladimir S. Varakin. Genesis of Journalism in Russia: Problems of Identifying the Initial Coordinates	1	100
Natalia V. Yablonovskaya, Leniyara Sh. Dzhelilova. The Crimean Tatar Newspaper Ak Ses – Golos Pravdy (1918–1919): Ideological and Political Position and Problem-Thematic Identity	1	124
Svetlana A. Kazakova. The First Volume of the Complete Works of Pushkin Edited by Bryusov in Critical Reviews of the 1920s	2	136
Bayarma B. Shagdarova, Olga V. Tikhonova. Party Leadership of Radio Broadcasting in the Buryat-Mongol ASSR During the War	2	157
Daria E. Kulikova. F. M. Dostoevsky's Work in the Assessments of the Russian Historical Press (1881–1917)	4	52

	№	С.
Alina V. Liapina. Emergence and Development of Hunting Periodicals in Pre-Revolutionary Russia	4	85
Igor K. Bogomolov. Correspondent of the St. Petersburg (Petrograd) Telegraph Agency A. I. Markov	5	138
Kseniya A. Kulko. Publicism of A. I. Solzhenitsyn in the Dialogue with Ideas of F. M. Dostoevsky about Orthodoxy	5	162
Ekaterina I. Orlova. On the History of the Liberal Press: the Russkaya Molva Newspaper (1912–1913)	6	3
Viktor V. Borzenko. Forms of Advertising Communication with the Audience Adopted by Russian Theater in the First Half of the 19th Century	6	21
Liudmila P. Gromova, Timur T. Zainullin, Polina I. Zainullina. The Role of Media in the Formation of the Image of M. Kutuzov: to the Background of Two Facts	6	46

Essay

Pavel V. Balditsyn. Technology of Creating a Negative Image of Donald Trump in The New Yorker Magazine in 2019	1	168
Veronika M. Sokolova, Elena V. Koreneva. Towards the Interaction between Literature and Journalism: the Experience of Spanish-Speaking Countries	6	165

Modern Journalism: Subjects and Issues

Alexander V. Kolesnichenko. Journalism and the Blogosphere: Genre and Thematic Intersections	1	51
Tatiana I. Frolova, Alexander S. Gatilin. Social Projects of Local Media in the Context of the Principles of Participatory Journalism	3	122
Anar M. Gasanov. Interpretation of the Armenian-Azerbaijani War in Russian Media	3	152
Maria D. Putseva. Representativity of European Culture on Global Television News Channels	4	158
Maria M. Lukina, Anna V. Tolokonnikova. Conflict on the Agenda of Russian News Agencies: a Study in the Context of Constructive Journalism	5	28
Julia V. Balakina. Political Cartoons in Foreign Media	6	95
Tamara M. Gromova. Characteristics of Innovations in International Media Discourse	6	116

№ С.

Media Language

Olga R. Alevizaki, Irina B. Aleksandrova, Elena S. Kara-Murza, Vladimir V. Slavkin. News Media Narrative in the Vkontakte Social Network: Discursive Features 3 75

Olga I. Kolesnikova, Vladimir A. Vakhrushev. Paralinguistic Means in the Information-Analytical Discourse: the Perceptive Aspect 3 103

Vladimir I. Konkov, Tatiana A. Solomkina. Communication Specificity of Citation in the Media Environment in Terms of the Opposition *Speech Form – Speech Action* 5 101

Nadezhda K. Radina. Methodology for Identifying Contextual Ideologemes in Digital Media Discourse (a Case Study of Media Discourse about Covid-19 Pandemic) 5 116

Discussion

Ivan Yu. Podolian. Determinants of Key Paradigms in Media Effects Research 2 181

Galina V. Lazutina, Ivan A. Pankeev. Properties of Journalism as a Manifestation of Regularities 6 141

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» — рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы — ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКа. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Статьи в журнале публикуются только после получения положительной рецензии. Рецензентами могут выступать все кандидаты и доктора наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники иных образовательных учреждений Российской Федерации и зарубежных стран, имеющие достаточную квалификацию в соответствующей научной области, получившие ученую степень и обладающие авторитетом в научной среде. Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по поиску рецензентов и организации процесса рецензирования.

По решению редакционной коллегии рукопись принимается, отвергается или возвращается автору на доработку. Авторы обязаны учесть замечания рецензента и внести в статью соответствующие исправления. В случае отклонения статьи редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ. Рецензии хранятся в редакции, копии их предоставляются по требованию авторам рукописей.

Статьи авторам необходимо отправлять на электронную почту журнала vestnik_journ@mail.ru. Материалы размещаются в номерах по тематическому принципу либо согласно дате поступления в редакцию в соответствующие рубрики.

Все присылаемые статьи должны содержать следующие обязательные элементы:

1) Сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, контактная информация автора (телефон и электронный адрес).

2) Аннотация (abstracts) и ключевые слова (key words) на русском и английском языках. Аннотация должна кратко излагать проблематику статьи и основные содержащиеся в ней выводы. Ключевые слова после аннотации отражают основное содержание текста.

3) Примечания, оформленные в виде концевых сносок (если есть). Через концевые сноски также оформляются библиографические ссылки на периодику (газеты, журналы общего интереса); интернет-источники; художественную, деловую, научно-популярную литературу; словари, справочники, отраслевые доклады; учебники и учебные пособия; архивные данные.

4) Пристатейные библиографические списки (Библиография) у всех статей – в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

В список литературы включаются: монографии; сборники научных статей; научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках. В список литературы вносятся только источники, на которые есть внутритекстовые библиографические ссылки.

Ссылки в тексте приводят в круглых скобках – в них указывается фамилия автора, год издания произведения и номер страницы, который отделяется от года двоеточием. Например: (Иванов, 1998: 125). При повторном цитировании: (там же: 128) для русскоязычных источников или (Ibid: 123) для иностранных источников.

Объем рукописи не должен превышать один печатный лист (40 тыс. знаков с пробелами). Оптимальный размер статьи – 20–30 тыс. знаков с пробелами. Текст статьи должен создаваться в формате doc (docx, rtf), шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, с полуторным межстрочным интервалом.

Статья должна начинаться с введения (обоснование актуальности и научной значимости исследования, теоретические подходы к проблеме, поставленная автором задача, корпус имеющих отношение к проблеме текстов). Введение может быть дополнено отдельным разделом, в котором предоставляется обзор литературы по проблеме и теоретические выкладки. В этом разделе (разделах) должна быть представлена большая часть отсылок к предыдущим работам по теме материала.

Если в статье есть компонент эмпирического исследования, в ней должны быть отдельные разделы, описывающие методологию и результаты исследования. Основная часть статьи заканчивается выводами.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических данных и иных сведений.

Редакционная коллегия журнала:

- непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы;
- при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов;
- до публикации обеспечивает конфиденциальность всех рассматриваемых текстов;
- гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов;
- не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме;
- борется с плагиатом всеми доступными способами;
- строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.